

Все котлеты жизни тебе

ПЕРЕВОД С УЗБЕКСКОГО
ВАЛЕСКИ ТУРБИНОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Атамурад корпел над котлом, который исходил паром. Из зарослей саксаула донесся звонкий, как трель черного дрозда, смех Зульхумор. Она отправилась за сушняком на растопку. Мысли Атамурада, витавшие далеко, прервались, он поднял голову. Хитрая девчонка, заложив руки за спину, стояла возле Султанова, который пытался отломить сухую ветвь саксаула, но это ему никак не удавалось.

Юноша усмехнулся, на расстоянии почувствовал, начальник его в трудном положении: оставить это занятие не позволяло самолюбие, с другой стороны — сколько ни старался, саксаул так просто не поддается. А девушка смеется: ее явно забавляет эта ситуация.

Атамурад начинает злиться: такой здоровенный парень этот Султанов, а делает из себя посмешище перед какой-то девчонкой. Ну будь он ее ровесником — куда ни шло. Да, плохо, когда у человека маловато самолюбия...

Атамурад с удовольствием начинает вынимать из казана сварившуюся картошку, обжаренных цыплят складывает на блюдо, потом ровным слоем посыпают сверху нарезанным луком, специями и, накрыв котелок эмалированной миской, принимается выгребать головешки из очага. Вытерев выступивший от жара пот, приседает на низенькое каменное ограждение колодца и начинает обмахиваться старой, повидавшей виды кепкой, которую всегда надевает в дорогу. Солнце клонится к закату, вот-вот наступят сумерки.

Парень еще раз тревожно глянул в сторону, где растет саксаульник. Да, видно, придется ему без Султанова

ехать в Акджар за учеными. Чем любезничать с девочками, лучше бы смотался сам. Нельзя же все сваливать на него да на него — и еду приготовь, и подай, а теперь поезжай и за наукой... А сегодня начальник еще и указание дал: мол, покажи свое искусство — так готовь цыплят табака, каких и эмиры не едали...

Султанов немилосердно гоняет его со вчерашнего дня. До этого Атамурад тихо-мирно шоферил, и только. А тут Султанов съездил в Кунград, побывал в конторе — и все закрутилось... Составив длинный список, они еще с вечера сделали на базаре необходимые покупки. В списке значилось многое: и зелень, и чеснок, и помидоры, и лук, и огурцы. Накупили, кажется, всего, чем изобилует летний базар. Мотаясь с базы на базу, нашли наконец и парных цыплят. Даже водку выбрали не абы какую, а «Пшеничную». Не забыли и для Зухумор бутылку шампанского. Потом Султанов велел ехать к одному известному кунградскому охотнику, вынес от него какой-то предмет, тщательно завернутый в бумагу. Атамурада разбирало любопытство, он спросил, что же там, в свертке, но тот только таинственно подмигнул: сюрприз, мол, после узнаешь. И не сказал даже, ради чего они столько мотались и к чему такие спешные приготовления.

А сегодня на рассвете они из Кунграда приехали сюда, в Кугисем.

Но и здесь ни минуты покоя. Купили в казахском ауле большой бурдюк кумыса. После обеда Султанов загадочно сказал, что на вечер запланировано кое-что интересненькое, но до этого ему, мол, немного должен помочь Атамурад. Сам же отправился с Зухумор в саксаульник и вот ни на шаг не отходит от нее. Наверное, хочется ему побыть наедине с этой симпатичной студенткой, которая моложе его, наверное, лет на десять. И причина нашлась — сушняку наломать. Вот и увел ее, развлекая на свой манер, если это можно вообще назвать развлечением... «Хоть бы шофера своего постеснялся, тоже мне начальник...»

Бесцеремонность Султанова раздражала Атамурада, он молча злился, и только то, что он находился в подчинении у этого человека, удерживало от желания высказать ему все, что он о нем думает.

«До чего же бессовестные встречаются люди, — продолжал он кипятиться. — Знает ведь, что у Зухумор есть парень, помогает там, в Акджаре, ученым. Так нет

же, как подлец последний, ухаживает за его девушкой! Хорошо еще, девушка не простофиля какая-нибудь».

Глянув еще раз в их сторону, Атамурад расхохотался — забавная картинка: водрузив большую вязанку дров на Султанова, девушка легонько подталкивала его впереди себя. Ну и шустрая!.. Из тех, кто к речке подойдет, а напиток не даст.

Из колодца веяло прохладой. Атамурад отдыхал. Увидев же, что начальник и Зульхумор приближаются, сделал вид, что чем-то очень занят, и ушел в юрту. Вязанку дров бросили возле очага. Атамурад вынес арбуз, сел в тени юрты и стал замысловато разрезать его, делать «корзинку», как это принято на свадьбах.

Султанов приблизился к нему, отряхивая на ходу брюки.

— Прежде всего, Атамурад, надо бы тебе съездить в Акджар и привезти ученых. Пока съездишь, как раз и вечер наступит.

— Хорошо бы, конечно, но как быть со столом? Если сами накроете... тогда ладно! — Атамурад встал. — Следите за огнем! Жарче делать не надо, цыплята подгорят. Ну я пошел?

Атамурад собрался уходить, но Султанов рассердился, покраснел:

— Неужели трудно сначала все приготовить? Суетишься, как женщина, вскочившая с постели, а толку никакого! Ладно уж, давай ключи! Сам поеду!

Он зло выхватил у Атамурада связку ключей и пошел к машине за юртой. Оглянулся еще раз, нерешительно остановился, окликнул девушку, которая возилась возле очага:

— Давайте, Зульхумор, съездим вместе? А?

Поняв намерение начальника, Атамурад пришел на помощь:

— Если Зульхумор не поможет, я, пожалуй, не успею все приготовить...

— Что ты вообще-то успеваешь? — Султанов раздраженно направился к машине, сел за руль, нажал газ. Подняв облако пыли и круто развернувшись, повел машину вдоль чинка¹.

Как ни в чем не бывало Атамурад снова уселся в тени юрты и принялся дорезать арбуз.

— Корзинка получается очень красивой! — Девушка

¹ Ч и н о к — обрыв, уступ, ограничивающий плато Устюрт.

неслышно подошла сзади и остановилась рядом. Почувствовав это, парень и виду не подал, не поднял головы.

Зульхумор не выдержала.

— Спасибо, Атамурад-ака,— сказала она тихо, в голосе ее звучала признательность.

Он, конечно, понял за что благодарила, кивнул головой:

— Не стоит! Меньше кокетничали бы!

А в голове пронеслось: «Понимает же, что виновата! Девушка должна быть скромной. Если по любому поводу хихикать, что подумают люди? Какой парень на нее серьезно посмотрит? Вчера прогуливалась при луне с Артыком. Сегодня с начальником... Неужели не знает, что у того в Ташкенте жена и четверо детей? Такое вот поведение и создает человеку репутацию, а потом идет дурная слава...»

Атамурад вспомнил, что Зульхумор все еще стоит за ним, почувствовал себя неловко: «Да какое мне дело, в конце-то концов, до нее и до ее ухажеров?» Сердито обернулся:

— Посмотрите за огнем, как бы не потух!

Наверное, девушка почувствовала неприязнь Атамурада, отвела глаза, смутилась. Опустив голову, молча подошла к очагу. Настроение Зульхумор испортилось, Атамурад запоздало спохватился: уж не обидел ли ненароком студентку? Лицо девушки казалось скорее некрасивым, чем привлекательным, но молодость, свежесть, здоровый цвет лица заставляли забыть о первом обманчивом впечатлении. Даже маленький шрам на курносом носике был к лицу, прибавлял обаяния. За те недели, что они работали вместе, Атамурад привык к веселой Зульхумор, ее легкому характеру, то и дело слышен ее смех, и можно было подумать, что ей вообще неведомы огорчения. Ни разу не видел он ее в таком состоянии, как сегодня, и даже не представлял, что она может вдруг загрустить. Да, нельзя стгоряча судить человека.

Он помнил, как она с Сабиром пришла в экспедицию, помнил, какими они поначалу казались дружными, как трогательно заботились друг о друге. Прямо Тахир и Зухра! А теперь какая-то кошка пробежала между ними, поссорились. Сабир, кажется, ревнив и ревностью своей, может, надоед девушке. Зульхумор хохотушка. Наверное, такому серьезному парню, как Сабир, не по душе ее открытость, доверчивость...

Вчерашняя прогулка при луне с Артыком — тоже неспроста. Конечно, она делает все назло Сабиру, ей хочется досадить ему, но неизвестно, к чему все это приведет. Надо помирить их. Случается, не сможешь людям в нужную минуту, а потом всю жизнь казнить будешь...

Отвлекшись, Атамурад увидел, что огонь под котлом прямо полыхает. Он подскочил к Зульхумор: та машинально все подбрасывала и подбрасывала дрова, задумавшись, и от неожиданности вскочила. Атамурад схватил несколько горящих головешек, отбросил в сторону, терпеливо, словно ребенка, утешил:

— Нам с вами, сестренка, теперь запросто может влететь от моего начальника, если подадим вместо «табака» обугленные косточки. Хай-хай-хай, все старания наши пойдут прахом! Не пиршество — светопреставление!..

Зульхумор покраснела от смущения.

— Да ладно уж, ладно, хорошо, что вовремя спохватились. Даст бог, и не осрамимся! А теперь помогайте. Несите огурцы и помидоры, приготовим салат, вот-вот Султанов вернется.

Атамурад посмотрел на солнце. Склоняясь к закату, оно припекало чуть меньше, чем днем; лучи его, ослепляя, светили прямо в глаза, и тень от юрты заметно удлинилась. Зульхумор взяла ведро с водой, бросила около юрты на землю клеенку и сложила вымытые огурцы и помидоры. По общему признанию геологов, Атамурад делал удивительные салаты, по-особому умел нарезать овощи, посыпав сверху луком и укропом. Зульхумор сидела тихо, завороченно следя, как ловко парень орудовал ножом. Перехватив ее взгляд, Атамурад рассмехался:

— Это еще что, сестренка! Есть такие мастера, с которыми я не иду ни в какое сравнение! Вот если бы нашлось немного редьки, репчатого лука и еще какой-нибудь зелени, я бы изобразил что-нибудь необыкновенное... Но что поделаешь, тут ведь не Фергана и не Ташкент, где всего вдоволь. Это Устюрт. Спасибо и на том, что имеем!

— Что значит «спасибо»? Вы считаете, что этот салат плох? Посмотрите-ка, вот приедут наши, стол накроем как на свадьбу. Легко ли такое приготовить в пустыне?!— восхищенно воскликнула Зульхумор.— Кстати, вы не знаете, Атамурад, с какой целью делают-

ся эти приготовления? Что мы сегодня отмечаем? Может быть, окончание работ?

— Нет, не знаю. Может, и окончание работ, — пожал плечами юноша. — Но пока мой начальник держит все в секрете, ничего не рассказывает.

«Интересно все-таки, ради чего затевается пиршество», — снова задумалась Зульхумор.

— Как говорят старики, — пошутил Атамурад, — это известно одному богу, да еще... Султанову. Откуда нам-то, рабам божьим, знать?

Девушка тряхнула головой, рассмеялась. Достав из колодца воды, сполоснула посуду. Покончив с салатом, Атамурад стал в тени юрты готовить место для пиршества. Мелькнула было мысль вынести все из юрты и накрыть настоящий стол, но не стал этого делать: пусть-ка сначала вернется Султанов с учеными. В юрте взгляд Атамурада наткнулся на сверток, который хозяин бережно охранял, вез недавно от кунградского охотника. Очень хотелось взглянуть, что в нем, но обычная сдержанность взяла верх: не было у парня привычки совать нос в чужие дела, тем более начальника. Выйдя из юрты, посмотрел на край степи: небо окрасилось в золотистый цвет, еще немного — и скроется солнце. В той стороне, откуда ждали машину с учеными, пустынно, ни звука на дороге. Ничего не различишь в потоке ослепительного света. Но когда Атамурад приложил козырек ладони ко лбу и присмотрелся внимательнее, увидел вдали быстро движущуюся темную точку и облачко пыли вокруг. Вскоре на точке заискрился, слепя, солнечный луч, отражаясь в стекле машины.

— Едут! — воскликнул Атамурад. — Едут!.. Все ли у нас, Зульхумор, готово?.. Так! Значит, огонь как надо — не сильный и не слабый... Салаты просятся на стол. Кумыс в колодце — лед!.. Жажду утоляющие дыни разрежем после. Напитки тоже в колодце. Осталось расстелить скатерть... — Он вопросительно посмотрел на девушку. — Что скажете, сестренка? Постелем прямо на землю или из ящиков соорудим хантахту? ¹ Как удобнее?

Возившаяся возле очага Зульхумор рассмеялась:

— Наверное, лучше хантахта, чтоб был хантахлит...²

¹ Хантахта — низкий стол для трапезы.

² Хантахта и хантахлит — игра слов: царский стол и царское убранство.

— Вы считаете, сестренка, пиршеству должно соответствовать и убранство? Так? Что ж, приведем в исполнение!

Атамурад все привык делать на совесть, доброту. Расстелив возле юрты брезент, поставил на середину несколько фанерных ящичков, перевернутых вверх дном. Постелил белую скатерть, и вот уже хантахта готова к приему гостей. Вместо курпачей¹ набросал спальные мешки.

Пока думал, сразу поставить на стол угощение или повременить, подняв облако пыли, подъехала султановская машина, остановившись в нескольких шагах от юрты, и сначала ничего не было видно. Хорошо, остановились чуть поодаль от импровизированного стола, не то сразу испортилась бы скатерть. Пассажиры ждали, когда уляжется пыль и можно будет выйти из машины, чтобы не запачкаться. Под конец терпение, очевидно, иссякло, и все повыпрыгивали из машины, позажимав рты, чтобы не дышать. Султанов первым подскочил к импровизированному столу, фыркнул, откашлялся. Вертя головой, будто за воротник ему что-то насыпалось, порывисто дыша, стал отряхиваться. Следом, посмеиваясь, подошел Артык.

— Если не переносите степной пыли, приятель, как вообще здесь работаете? — Голос был насмешлив, улыбка издевательская.

— Что поделаешь, пока нужно, приходится терпеть! А потом — пропади все пропадом! — Султанов сделал вид, что не заметил его тона, приподнял бровь, шутливо развел руки в стороны: сами, мол, понимаете...

— Да-а, — Артык многозначительно кивнул. — Чего уж тут не понять. Вы, дяденька, себе на уме! Для вашего продвижения по службе и не может быть лучшей характеристики, чем то, что вы поработали здесь, на Устюрте!

Вышли из машины профессор Салахиддинов и Султанов; опасаясь, что Артык при нем ляпнет что-нибудь не то, Султанов нахмурился, но вслух ничего не сказал, ибо знал: с того станется, опозорит за милую душу окончательно. Избегая дальнейших вопросов, пошел к Атамураду, возившемуся у огня.

¹ Курпача — стеганая ватная накидка, сшитая специально для сидения.

Следом за профессором из машины с рюкзаком за плечами вышел Сабир, и Атамурад сразу почувствовал: хотя тот внимательно прислушивался к словам профессора, глаза были устремлены на Зульхумор, подозрительно следили за ней, словно парень о чем-то догадывался. И в самом деле, видно, ревнивый, подумал Атамурад, но как не понимает, глупый, что необоснованной ревностью может только навредить себе.

Увидев еще не накрытый стол, Султанов рассердился:

— Чего медлишь, Атамурад? Почему все не готово? До сих пор не повернулся... Я уж туда-сюда успел...

Атамурад вспыхнул от упрека начальника, но промолчал, подумав: «Злой, наверное, потому, что отговорил ехать с ним Зульхумор! Он этого не простит!..» Молча пошел к юрте и тут же услышал голос девушки:

— Какой вы все же нетерпеливый, товарищ Султанов!.. От того, что скажешь «халва», во рту слаще не станет! Только что закончили приготовления, а вы недовольны...

Увидев Сабира и Мухамаджана, который вытаскивал из машины кирку, веревки, рабочий инструмент, Атамурад весело поздоровался, отобрал у него часть поклажи, пошутил:

— Как дела, Сабирбай? Что-то не тот тонус, как я погляжу, неужто и вы проиграли Артыку? Ну не беда, я его прочую, обещаю вам, — не будет знать куда деваться!

— Спасибо за помощь, Атамурад. Оказывается, и на Артыкбая нашлась управа? — подлил масла в огонь Мухамаджан.

— Говорят, тупой нож руку режет, — парировал Артык. — Чтобы справиться со мной, Атамураду надо пережить десять урожаев дынь! Знаете: не всякий, кто двигает фигуры, шахматист... Правда, говорят, нынешние дети рождаются, научившись ходить в утробе матери... Не слыхали про такое, Зульхумор?

Шутка смутила всех, особенно девушку. Чтобы не связываться с Артыком, один сделал вид, что не слышал, другой с досадой отвернулся. Атамурад же пожалел о сказанном. Но с другой стороны, подумаешь, хазил¹, только и всего! Артык прикидывался невозму-

¹ Х а з и л — шутка, игра слов.

тимым, будто всем своим видом торжествовал: «Как я вас всех, а?» Потом подошел к Зульхумор:

— А ну, принцесса Устюрта, поухаживайте за мной! Жарко! Полейте воды! Хоть умоюсь!

Атамурад украдкой посмотрел на девушку: интересно, как она поступит в ответ на эти вызывающие слова? Если сейчас польет ему — все, она у него в руках. Не польет — другое дело.

Зульхумор нахмурилась, но лицо ее тут же просветлело; отведя ковшик за спину, она хитро улыбнулась, невинно спросив:

— Начинают как будто со старших? Не правда ли, Артыкбай?

— Вот как?— Артык с досадой ухмыльнулся, выпрямляясь.— Хорошо, что существуют на свете женщины, иначе бы мы, мужчины, только и делали, что нарушали обряды и традиции. Одичали бы вовсе!— съязвил он.

— Не знаю, как другие, но вы бы точно одичали, все признаки налицо!

Зульхумор, пытаясь обратить разговор в шутку, звала профессора:

— Пожалуйста, домла! ¹ Мойте руки!

Артык открыл было рот, собравшись ответить, но, увидев Сабира, вышедшего из юрты, умолк на полуслове: нахмуренное его лицо к шуткам явно не располагало. Почувствовал это и Атамурад: сейчас любое слово могло стать лишним. Сабира сжигала ревность, он едва сдерживал себя, и, как ни старался скрыть от окружающих, ему это не удавалось. Решительно направившись к Зульхумор, остановился рядом.

— Займитесь же наконец делом! — он грубо вырвал у нее ковш с водой.— Почему один Атамурад-ака должен накрывать на стол? Идите же помогите ему!

— Правильно, идите, дочка,— поддержал Сабира профессор Камалиддин-ака.— Мы уж сами тут как-нибудь помоем руки...

Зульхумор стало стыдно за выходку Сабира, она покраснела, рассердилась, но, сдержавшись, пошутила:

— Ах, как можно лишать свои руки такого благого занятия?

¹ Д о м л а — почтительное обращение к учителям, людям науки.

— Можно!— отрезал Сабир. Лицо его немного просияло, он наконец улыбнулся, сменив гнев на милость.

— Ну что ж, можно так можно: но я вам это еще припомню!— И с этими словами Зульхумор пошла к столу, где хлопотал Атамурад.

— Не обижайтесь, Зульхумор, ведь Сабир не чужой, профессор вас обоих благословит за воду, не так ли, домла?— под дружный хохот спросил Мухамаджан, обращаясь к Салахиддинову. Засмеялись и Зульхумор с Сабиром. Эти, как показалось, такие безобидные слова рассеяли напряжение, овладевшее всеми. Выяснилось, что о предстоящем щедром угощении никто не знал, и, когда Атамурад вынес причудливо нарезанный арбуз-корзину, геологи сначала удивились, потом обрадовались сюрпризу. Еще больше были поражены, увидев искусно нарезанные и красиво украшенные салаты. Когда же на хантахту поставили охлажденные бутылки, Артык не выдержал:

— О, подготовка на высшем уровне, словно в ресторане! В честь чего бы такое, а, домла? Как вы думаете?

— Может быть, у кого-нибудь незапланированная в графике работ свадьба?— вопросительно поглядел на Мухамаджана профессор Салахиддинов.

— Судя по столу, и в самом деле похоже на свадьбу,— подтвердил Мухамаджан.— Почему тогда наш Сабир помалкивает? А, понял, понял, это маленький сюрприз! Чтобы запомнилось на всю жизнь! Молодцы! Здорово придумали! Это же не шутка — сыграть свадьбу в пустыне, да еще за таким вот дастарханом!

Атамурад недоверчиво поглядел на юношу с девушкой. Опешив от этой «новости», оба покраснели и, глядя друг на друга, как бы спрашивали: «Кто это придумал, уж не ты ли?» Атамурад подозрительно поглядывал на своего начальника, зная, что только ему известна истинная причина пышных приготовлений. Султанов же, довольный и гордый тем, что ему удалось произвести такой эффект, едва улыбнулся, загадочно покачал головой, словно говорил: «Нет, не угадали!..»

Кроме того, Атамурад был уверен, что Султанов не из тех, кто станет устраивать свадьбу двум бедным студентам-практикантам, и где — на Устюрте, да еще с таким роскошным столом. Не такой это человек: даром на солнышко не выйдет... У него, конечно, какой-то свой интерес, это так, и скоро, очень скоро все прояснится.

Видя, что взгляды геологов выжидающе устремлены на него, Султанов широко улыбнулся.

— Ни за что не догадаетесь! — произнес он наконец.

Атамурада вся эта процедура начинала выводить из терпения. Игра затягивалась, никто не решался сесть первым. Все опять замолчали смущенно. Глядя на поникших Сабира и Зульхумор, у Атамурада сжалось сердце: безжалостный все же его шеф, и молодых ребят не пощадил...

Но вот наконец, явно на что-то намекая, Султанов обратился к профессору Камалиддину-ака:

— Пожалуйте к столу, домла! Проходите и вы все! Угощение в вашу честь! Не стесняйтесь! О причине торжества со временем будет сообщено...

Уступая друг другу, геологи начали рассаживаться. Атамурад проверил огонь под котлом, на всякий случай подпалил лучину в другом очаге и поставил на него кумган¹. Тут же вспомнив, что не подал к столу хлеб, поспешно вынес из юрты лепешки. Султанов сел рядом с профессором, посмотрел на своего шофера с укоризной:

— А пить из чего прикажешь?

— Сейчас! — Атамурад вскочил, побежал в юрту: в самом деле, как это мог он позабыть про стаканы, которые только что мыла Зульхумор?

Войдя в юрту, остановился: что же еще? Так... Дыни подавать не скоро, после горячего. Кумган поставлен, вот-вот закипит вода... Ах да, не забыть вытащить из колодца бурдюк, иначе Султанов снова забубнит — где, мол, кумыс. И Атамурад поспешил к колодцу. Все, кроме Султанова и Артыка, чувствовали себя как-то неловко, видя, что Атамурад мечется от стола к юрте и обратно, возится с приготовлением.

— Что же вы его не позовете к столу? — тихо спросил Мухамаджан-ака Султанова.

— Ничего, успеет! — беспечно отмахнулся Султанов, добровольно беря на себя обязанности тамады. — Итак, у всех наполнены бокалы?..

Дойдя до колодца, Атамурад услышал голос начальника и почувствовал, что от нахлынувшей обиды вдруг закружилась голова, мысли перепутались. Последние слова шефа донеслись будто издали, разжигая эту горькую обиду. «Вот истинная цена мне, вот она! — каз-

¹ К у м г а н — национальный чайник.

нился он.— Холуй! Только и всего! Никакого уважения!» И тут услышал профессора: «Нет, нет, наш дорогой хозяин, если он шофер, то что же, и не человек, значит? Позовите его!..»

Атамурад жалел, что не видел в этот момент лица Султанова, но, изучив его за несколько месяцев, что довелось им работать вместе в геологической экспедиции, представлял, как тот умеет лебезить перед людьми, от которых зависит. Вот и теперь, верно, молодцевато вскочит, подлетит, как на крыльях, к своему шоферу, доверительно возьмет под руку, подведет к столу, усадит, и все это как ни в чем не бывало...

Атамурад тут же решил, что не станет вести себя как обиженный ребенок, не будет ждать, пока Султанов придет за ним. Гордость взяла верх, он быстро вытащил бурдюк из колодца и пошел к геологам: холодный кумыс заставит всех забыть о недавней неловкости.

Так и случилось: увидев бурдюк, геологи не могли скрыть своего восхищения, послышались возгласы: «Вот так угощение!.. Ого, теперь повеселимся!.. Хвала твоему отцу, Атамурад! Молодец!.. Жаль, не будет тех, кто в Агачкудуке. Как было бы здорово, если бы собрались нынче все члены экспедиции...»

— А если вызвать их по рации? — предложил Сабир.— Ведь вездеходу все нипочем. Не более чем через час все уже будут здесь. Как думаете, учитель?

— Было бы просто прекрасно, посидели бы вместе на прощанье! — поддержал Камалиддин-ака и посмотрел на Султанова.

— К сожалению, это невозможно, — развел тот руками.— Я, признаться, подумывал об этом... Но они... взяли рацию с собой. Поэтому их вызвать нельзя.

— Ну что поделаешь, на нет и суда нет! Это нам, стало быть, повезло: даже в таком месте, как Устюрт, попали к роскошному угощению, — пошутил Артык.

Профессор Салахиддинов, обычно сдержанный, заулыбался. Воспользовавшись общим шумом, Зульхумор незаметно уступила место подошедшему Атамураду, пересев поближе к Сабиру. Чуть позже Атамурад понял причину поспешности, с которой она это сделала: девушка чувствовала себя неловко, оказавшись напротив Артыка, и лишь искала повода, чтобы не быть у него перед глазами. Но и после этого Артык настойчиво, исподтишка поглядывал на нее, стараясь встретиться

взглядом. Зульхумор же вовсе перестала смотреть в его сторону.

А в это время Султанов, опустившись на одно колено и взяв в руку стакан, прокашлялся, многозначительно окинул собравшихся взглядом. Атамурад всякий раз удивлялся его умению преображаться на глазах. Вот и теперь он с неподдельной дрожью в голосе высокопарно начал:

— Многоуважаемый учитель, дорогие друзья! — Золотые зубы Султанова ослепительно сверкнули в лучах заходящего солнца.

Цель была достигнута, все повернули к нему головы. Султанов, словно истинный актер, выдержал приличествующую моменту паузу, насупил брови. Обычно он делал это в минуты, когда особенно был доволен собой, как сегодня.

— С вашего позволения, пользуясь правами самозванного тамады, хочу кое-что сказать вам, друзья. Сегодня среди нас находится счастливейший человек... Если считать Памир крышей мира, то Устюрт — это плато мира. А теперь признайтесь-ка, кому из вас и когда довелось отмечать вот так свой день рождения и в такой прекрасный вечер?

Атамурад удивился. Он впервые слышал подобную речь из уст своего начальника. Лицо Султанова светилось, говорил он возвышенно, словно поэт, и в порыве вдохновения читал только что пришедшие на ум строки. После многозначительной паузы продолжал:

— Этот счастливейший человек, дорогой нам всем, уважаемый наш домла Камалиддин Салахиддинович. С днем рождения вас, учитель!

Коллеги профессора, только что ломавшие голову над загадкой, которую задал им Султанов, облегченно вздохнули, узнав о новости, и, перебивая друг друга, радостно поздравляли именинника. Зульхумор хлопала в ладоши.

— Ой, а вы знаете, через неделю и мой день рождения! Жаль, что тогда мы уже будем в Ташкенте. Оказывается, это вы у нас самый счастливый человек, домла! От всей души и я вас поздравляю!

По лицу профессора было видно, что он ожидал чего угодно, только не этого. Потрясенный от смущения и неожиданности, на какое-то время он потерял дар речи и, сложив руки на груди, только и был в состоянии благодарить всех кивками головы, и при каждом новом

поклоне солнечные зайчики все веселее играли в стеклах его очков в позолоченной оправе.

Потерявший терпение Султанов поднял обе руки вверх. Постепенно за столом установилась тишина, и он с загадочным видом достал из бокового кармана сложенную вдвое бумажку.

— Теперь, друзья, разрешите зачитать эту телеграмму. «Начальнику геологоразведочной экспедиции Кунград — Устюрт, доктору технических наук профессору Салахиддинову. От имени коллегии министерства и лично от себя от всей души поздравляем вас, дорогой Камалиддин Салахиддинович, с вашим пятидесятипятилетием. Желаем больших успехов в вашей работе на благо народа». Подпись — министр геологии.

Широко раскрыв объятия, Султанов протянул руки своему учителю, и тот, совершенно растаяв, поднялся, обнял его. Поднялись все геологи, стоя заплодировали. Наконец Камалиддин-ака отпустил довольного Султана и влажными глазами посмотрел на своих коллег.

— Спасибо вам, друзья, огромное спасибо за все! — снова взволнованно обнял Султана.

— А теперь прошу поднять бокалы за этот прекрасный, единственный, удивительный день в жизни нашего учителя! — Слова лились рекой, и Султанов, словно повторяя заученную роль, выразительно жестикулируя, снова воспользовался правами тамады. — Ведь каждому в жизни дано, увы, лишь раз отметить такую дату — пятьдесят пять лет. До трех пятерок, помнится, никто не доживал... Стало быть, среди нас нет более почтенного и счастливого человека. Наш профессор достиг этого рубежа в полном расцвете творческих сил, и дела у него все идут на пятерку. Так давайте провозгласим здравицу в честь нашего большого ученого, за то, чтобы все его начинания и в дальнейшем увенчивались только успехом!

Снова раздались аплодисменты, снова подняли бокалы, перебивая друг друга.

— Прекрасное пожелание! А как сказано! Пусть каждый за этим столом доживет до такого почтенного возраста! Счастливого долголетия! За короля геологов!..

«Каждый человек нуждается, как в воздухе, в таких добрых, от души сказанных словах, — думал Атамурад. — От таких слов становится тепло и радостно».

Профессор Камалиддин-ака пребывал в состоянии душевной расслабленности, казался счастливым и до-

вольным, как ребенок, получивший в подарок вожделенную игрушку. Кумыс и вино лились рекой. Но окончательно всех сразили жареные цыплята. И тостам в честь юбиляра не было конца. Восхищались изобретательностью Султанова, сумевшего в пустыне Устюрта организовать такое пиршество; его имя, как и имя именинника, не сходило с уст геологов, дифирамбам не было конца. Между тем кумыс и спиртное оказывали свое действие, сблизив людей, оказавшихся за столом, сидевших рядом. И лишь Атамурад, не притронувшийся к рюмке, понимал, что близость и внимание эти минутные, вызванные действием винных паров. Парень все более мрачнел, раздражался от пустопорожних тостов пьянеющего Султанова, на душе делалось все беспокойнее, но он не понимал почему.

Было провозглашено еще немало тостов, сказано разных слов, но никто уже не вспоминал, что это стараниями Атамурада приготовлен стол, что это он бегал, суетился, варил, жарил. Снова душила обида: за его труд уважение оказывают начальнику! Несмотря на велеречивые здравицы, праздник, он чувствовал, отдавал фальшью, и оттого в душе Атамурада росло отвращение и желание уйти, скрыться куда-нибудь, убежать, чтобы никого не видеть и ничего не слышать.

Если бы он пил, как все, наверное, опьянев, не переживал бы все так болезненно. Наверное, болтал бы, как они все, перемежая поздравления с ничего не значащими фразами... А может быть, наоборот, со свойственной ему прямоотой выложил всю правду и тем окончательно испортил праздник. Да, скорее всего, именно так он и сделал бы. И на всю оставшуюся жизнь был бы в ответе перед Султановым. Нет, уж лучше держать язык за зубами. Да и почему вдруг его должны мучить угрызения совести? Пусть живут себе на здоровье эти люди, привыкшие к такой жизни, — пусть себе живут!.. Он не вправе их осуждать...

Разрезая дыню, Атамурад подумал, кому тут нужны его разоблачения? На какое-то время он избавился от навязчивых мыслей, поэтому явственнее доходил до него смысл скабрезных острот и шуток и разговоров застолья, где каждый старался перекричать другого. Атамурад, вдруг отвернувшись, глядел на запад и невольно замер, увидев на горизонте удивительную картину.

Огромный огненный шар солнца уходил за выстроившиеся на горизонте горы, его лучи слегка окрашива-

ли золотом их вершины. Подумалось: странно, откуда здесь могут быть горы? Может, это мираж? Но неужели мираж может быть таким прекрасным? И Атамурад не мог оторвать глаз от фантастической картины. Оглядев пирующих, понял, что не он один любит закатом. Зульхумор и Сабир то и дело поглядывали туда же, и вдруг от этого сделалось хорошо на душе.

Поставив на стол разрезанные дыни, Атамурад встретился с глазами вконец опьяневшего Султанова, который размахивал руками, не давая никому дотронуться до них.

— Подождите! До того как мы примемся за десерт... Нашему уважаемому профессору есть... У нас есть подарок... Иззз-вините — сюррррр-приз! Атттамурррад!.. — он уставился на шофера остекленевшими глазами.

«Чего, интересно, еще хочет от меня Султанов?» — пронеслось в голове. Поэтому спросил лениво, вспомнив о свертке в белой бумаге:

— Выносить, что ли?

Хозяин, икнув, закивал головой.

Артык помимо воли засмеялся, Султанов зло оглянулся:

— Это не ссссмешно, ттты! Очень редкий подарок! Вноси!

Артык понял, что дал промашку, изменился в лице, улыбаясь, стал успокаивать Султанова. Атамурад, глядя на это, посмеивался: «А... вспомнил, что с нужными людьми не шутят! Твой заработок, парень, в его руках. На кой черт было смеяться невпопад? Скорее, скорее, угоди ему чем-нибудь, загладь неприятное впечатление! Он пьяный-пьяный, а все помнит. Разве мой шеф не в курсе, что тебя привело на Устюрт? Прекрасно знает! Твоя слабость — деньги! Кому пожалуешься, если напишет тебе не побольше, а поменьше?»

Атамурад, вынеся сверток, увидел, что Артык вдруг замахал руками, указывая на что-то в начавшей темнеть пустыне. То было едва различимое движущееся пятно неопределенной формы.

— Смотрите, смотрите, что это?!

Все повернулись в ту сторону, куда глядел Артык.

— Может быть, это смерч? — испуганно высказала предположение Зульхумор. — Как бы нам с нашим праздником не угодить в песчаную бурю!

— Да нет, дочка, это, верно, степные сайгаки, — профессор словно успокаивал ее, поглядев в ту сторону,

куда устремили взгляды все остальные.— А может, за сайгаками гонятся волки...

Захмелевший Султанов фамильярно похлопал профессора по плечу:

— Восхищаюсь, домла, вы угадали!.. Ик-к... В той стороне... ик-к.. как раз обитают сай-сай... гаки!

— То, что известно умудренному жизнью, не дано знать и ангелу!— вяло изрек Мухамаджан-ака, выпятив нижнюю губу.

«Ну вот, готовы! Обнимаются, словно давнишние приятели! А все водка!..» Атамурад с неприязнью поглядел на обоих.

— Говорят, самое вкусное в мире мясо — мясо стальных сайгаков. Да и рога у них самые дорогие. Не так ли, уважаемый домла?— громко спросил Артык. пытаясь вызвать к себе интерес профессора.

«Ну а ты, парень, — подумал Атамурад, — здоров как бык: столько пил, и хоть бы хны... Ни в одном глазу!»

— Да, в прежние времена мастера в поисках материала для рукоятей ножей специально охотились на сайгаков, — ответил профессор.

— А теперь? Недавно я в газете прочитал, будто рога сайгака не уступают в цене женьшеню, — это суетливо заговорил Сабир, стараясь не уступить Артыку и проявить осведомленность.— Сейчас, кажется, даже организованы специальные совхозы, где налажена обработка сайгачьих рогов. Из них, знаете, готовят пантокрин... лекарство такое...

Неожиданно для всех Султанов выхватил из рук Атамурада сверток, разорвал бумагу.

— Ввот рога как раз того самого сайгака! Ну, ччччто, завидуете? Завидуете проффессору, что он получил такой... дорогой... ик-к... подарок?

Все повернулись к Султанову и, увидев в его руках увесистые рога, о которых только что шла речь, застыли на месте. Теперь шеф, подумал Атамурад, может сколько ему вздумается заноситься, держать грудь колесом. Сюрприз, можно сказать, превзошел все ожидания.

Держа рога над головой, начальник победоносно двинулся к Салахиддинову.

— Личччно от вашего поккккорнейшего слуги, профессор! Ппппримите на память об Устюрте!

Профессор снова растрогался, обрадовался, но тень смущения пробежала по его лицу:

— Напрасно вы так беспокоились...

— Да разве это беспокойство, профессор? Это всего лишь мой скромный дар. Вы достойны того, чтобы в такой день у ваших ног был зарезан живой сайгак! О чем вы говорите?! Хотите, вот прямо сейчас пойдём, поймаем и принесём его?

В приступе щедрости, не дожидаясь согласия профессора, Султанов сунул ему рога, тотчас окликнул шофера:

— Атамурад, подавай машину! Никто с нами? Кто хочет поохотиться... на сайгака? Кто едет — пусть... ик-к... садится, да поскорее!..

— Спасибо вам, товарищ Султанов, но, может быть, все же лучше в другой раз? Не надо такого беспокойства! Не надо! — нерешительно отказывался от этой затеи профессор.

— Чччто значит — ннне надо? Ведь мы для ввас не то что сайгака какого-то, мы для ввас... Я... для... ввас...

И, чтобы подтвердить серьёзность своих намерений, Султанов неуверенной походкой направился к машине, открыл дверцу, принялся пьяно уговаривать геологов:

— Приехать в ттакое место, как Устюрт... Устюрт... три недели, почти целый месяц прожить тут и не поохотиться на сайгаков?! Разве это дело? Человек ведь всего рраз живёт!.. Неплохо поразвлечься, тем более что все условия нналицо!..

Видя, что Салахиддинов все еще колеблется, подвыпивший, возбужденный Мухамаджан-ака расстроился:

— Профессор! Как говорится, гулять так гулять! Давайте поедём?! А? Это еще, конечно, вопрос, поймает ли мы или нет этого самого сайгака, но хоть проветримся... После такого угощения! Подышим на прощанье... воздухом пустыни!..

— Поедем до... восхода луны. Охота ах как хороша ночью!.. Вы, наверное, даже и не знаете, профессор, какое это удовольствие! — разжигал страсти Султанов. — Подавай, шеф!

Надеясь, что Салахиддинов человек трезвого ума и отговорит всех от этой затеи, которая с самого начала казалась Атамураду необдуманной, родившейся во хмелю, шофер тем не менее продолжал возиться у машины, но не спешил подавать. Разгоряченные же за столом мужчины, едва слышали слово «охота», как тут же стали собираться всерьез.

— Поедем, конечно, поедем, в крайнем случае, хоть немного развеемся! — поддержал идею Сабир. Молчавший до того Артык незаметно отвел Зульхумор в сторону, шепнул на ухо:

— Мне остаться? Или вы тоже поедете?

Девушка отрицательно покачала головой:

— Нет, нет, оставаться нельзя! Поедем все вместе!..

Оглянувшись, Сабир изменился в лице, замер на полуслове, увидев о чем-то шепчущихся Артыка и Зульхумор.

Вопреки ожиданиям Атамурада и профессор тоже собирался в путь.

— Ну хорошо... хорошо... друзья... Я не хочу лишать вас удовольствия. Я как все... Постараемся только поскорее вернуться обратно. Это можно?

— Кккконечно, не застрянем же мы там! — обрадовался Султанов и стал торопить Атамурада: — Аттта! Давай быстрее машину, чего возишься?

Расстроенный вконец Атамурад проворчал:

— Хозяйское дело приказывать... Ну хоть умри, ни до чего ему нет дела!..

Султанов не расслышал, что сказал шофер, но сердито одернул его:

— Ддддолго еще общество будет тебя ждать?

Взгляд Атамурада был сердит, он не сдержался:

— Я не железный, товарищ начальник, в конце концов! Собаке и той нужен отдых, а я ведь человек живой.

— Ах вот как! Ты человек? Ну давай-ка мне сюда ключи, неблагодддарный! — Султанов решительно протянул руку.

Атамурад обиделся: чего от шефа ждать, как чуть чего — так сразу — неблагодарный!.. Пока вкальваешь как ишак, все в порядке. Стоит чего-то не успеть или замешкаться — берегись, шофер! Да, что говорить, для таких, как Султанов, что человек, что вьючное животное — все одно.

Первым побуждением Атамурада было желание бросить ключи от машины Султанову: берите, мол, мне они не нужны, но вдруг он вспомнил, что ключи не у него, дрожащими губами еле слышно произнес:

— Нет их у меня, у вас они!..

Султанов, не сразу вспомнив, что машиной последним пользовался сам, порылся в карманах, нашел. По-

остыв немного, пробурчал что-то под нос, похоже: «Я тебя умолять не стану».

Все были в замешательстве, Салахиддинов подошел к Атамураду, похлопал по плечу:

— Не расстраивайтесь, молодой человек! Ваш шеф немного хватил лишнего, погорячился. Ему в таком состоянии доверять машину не следует. Вы же понимаете, мы не согласимся ехать, если он сядет за руль. Идемте же... пока он не натворил чего-нибудь.

Нетвердо стоявший на ногах Мухамаджан двинулся следом, подошел сзади к Атамураду и ни с того ни с сего обнял его за плечи.

— Ты же, кажется, парень, мой названный братишка? Настоящий братишка? Ты знаешь? — пьяно приставал он.

Чтобы не обижать человека много старше себя, Атамурад вымученно улыбнулся:

— Конечно, знаю, ака!

Мухамаджан повернул его к себе, отечески приложился губами к его лбу.

— Ну вот и хорошо! Вот это по-мужски у нас с тобой получается, как тебя по имени?.. Ну ладно, садись, что ли, поехали!

Атамурад согласился:

— Поехали, что поделаешь!..

Все шумно поспешили к машине, Мухамаджан-ака пошел было за юрту, но вернулся и прошептал Атамураду в самое ухо:

— Я на минуточку отлучусь, только зайду туда... Понимаешь, братишка, небольшое недержание, — неловко улыбнулся он и поплелся на неверных ногах.

Совсем раскисший Сабир тоже повернул к юрте. Заметив, что он в нерешительности, Зульхумор остановилась около машины, но тот и головы не повернул в ее сторону — будто назло, скрылся в юрте. Она улыбнулась, потешно нахмутив лоб.

Артык с готовностью протянул девушке руку, помогая взобраться.

— Обиженных, стало быть, оставляем на гауптвахте?

Специально, чтобы услышал Сабир, Зульхумор рассмеялась, громко ответила:

— Не на гауптвахте, а на вахте!

— Извиняюсь! Конечно, на вахте!— обрадованно подхватил шутку Артык.— Когда вернемся, лично от меня передайте ему благодарность за службу. Хорошо?

— Парламентариев, кажется, не убивают! Передам. Но боюсь, как бы за вашу благодарность он не вырвал вам язык,— не унималась Зульхумор.

Машина взорвалась хохотом.

— Поехали!— пробился сквозь общий шум голос Султанова.

— А Мухамаджан-ака?— напомнил Атамурад.

— Он уже готов, ему не до оххоты!— расхохотался, икнув, собственной остроте Султанов.

— Он во сне будет охотиться на чертей, если уже не охотится!— поддержал его Артык.

— Ладно, пусть остается, он хороший человек и, наверное, правильно нас поймет,— как бы оправдывая такое отношение к оставшемуся товарищу, сказал профессор, глядя на Атамурада.

Тот скрепя сердце едва кивнул и нажал на газ. Машина резко рванула с места, и охотники поневоле неожиданно повалились друг на друга. Деланно испуганные крики, смех, хохот нарушили тишину вечера.

«Ладно, пускай себе смеются, лишь бы все кончилось благополучно да поскорее!»— суеверно подумал вдруг Атамурад. Почему именно теперь в голову пришла такая мысль, он и сам не мог объяснить.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Удобно разместившись на широких сиденьях газика, подвыпившие гости не унимались, веселясь вовсю. Артык чувствовал себя на седьмом небе: уговорил-таки Зульхумор поехать. Она сидела рядом с ним, на заднем сиденье, и его нога касалась стройного бедра девушки.

Забывлось все обидное, что было сказано между ними во время застолья: он простил ее, смеялся любой шутке.

Покачиваясь и буксуя, машина еще не двинулась с места, но Артык уже прижался к девушке, щекой коснулся распущенных волос, отчего чувствовал легкое головокружение, теряя власть над собой — так сладостно пахли эти волосы, вся она. И за то, чтобы обладать ее телом, Артык был готов отдать все на свете. Когда же машина наконец тронулась с места и всех пассажиров, подавшихся было вперед, тут же отбросило назад, а потом в сторону, Зульхумор почувствовала, как Артык

крепко ее обнял. Его буквально распирало от гордости и сознания собственного везенья: ну кто из них, сидящих в машине, мог похвастать такой победой в этой забытой богом степи, где и мужчину-то на многие километры не встретишь, не говоря уже о женщине — это здесь чрезвычайная редкость, словно сказочная птица Анко. Здесь, в песках, единственная девушка предпочла его всем. И когда обуреваемый новым приливом страсти Артык снова притянул Зухумор к себе, та ловко увернулась из его объятий, внезапно подвинувшись на самый край сиденья. Незаметно он убрал руку с ее плеча, сделав вид, будто так и должно было случиться: подумаешь, ну обнял, а теперь вот скрестил руки на груди, сказав довольно громко, чтоб все слышали:

— Как он грубо ведет машину! — И тут же, приблизив губы к уху девушки, кротко шепнул: — Извините!..

Зухумор чувствовала себя неловко и не сразу нашлась, что ответить на это покаянное извинение, лишь только сердито взглянула на Артыка, будто молча упрекнула. Артык глядел виновато и снова извинился, но она, равнодушно отвернувшись, глядела в окно.

«Пройдет, это девичьи капризы, вся строгость до первого поцелуя! — самонадеянно размышлял Артык. — Пусть птичка до поры до времени клюет зернышки возле западни, а когда уж попадетя в силки, шалишь, на все согласишься. Придется потерпеть ее капризы, не придавать им значения. Словно зверька приучать, потихоньку, обманом, лукавством, лестью, чем угодно, лишь бы не спугнуть. Я-то уверен в себе, не она первая. Девушка словно сайгак: спугнешь, потом не приблизишься... Наверное, она и не знает еще, что такое объятия настоящего мужчины. Ну ничего, привыкнет, войдет во вкус... Этот растяпа студент Сабир не то что поцеловать или обнять, приблизиться-то к ней боится! Смех, да и только, когда такие вот птенчики женятся! Наверное, прежде чем обнять друг дружку, разрешения обязательно спросят!..»

Газик тем временем выехал на старую дорогу и понесся словно по маслу. Горизонт на глазах начал темнеть, и чернота ночи будто стелилась по земле, постепенно поглощая все вокруг.

Густой туман вливался в машину, таинственно окутывая углы салона, ноги и плечи сидящих, утомлял глаза, и, кроме профессора и Атамурада на переднем сиденье, слабо освещенном контрольными лампочками

приборного щитка, никого нельзя было различить. Позади профессора Султанов, подавшись вперед, с увлечением что-то ему рассказывал. Хмель почти прошел. Нельзя сказать, что история, пришедшая теперь на ум, которую он поведал Салахиддинову, вселяла оптимизм: на сайгачьей охоте несколько его знакомых вместе с машиной провалились однажды среди бела дня в бездну... Его внимательно все слушали, не прерывая, кроме разве Артыка, который думал сейчас совсем о другом и был всецело поглощен собственными мыслями.

Если уж принял какое-то решение, выполню его во что бы то ни стало, подогревал он себя. Пускай девчонка поначалу проявит свой нрав — пускай! Как необузданная лошадка: подходишь спереди — кусается, сзади — лягается... Да и то, говорят, можно приручить! Ну а если уж он, Артык, на кого глаз положит, пиши пропало!.. Знаем мы этих недотрог, видали: смотришь, незаметно настанет время, когда она не сможет от него и глаз отвести. Вот тогда-то он и перестанет обращать на нее внимание, заставит помучиться, потерзаться. Тогда-то, неожиданно для нее, он и произнесет на какой-нибудь пирушке в честь нее тост, станет восхвалять достоинства. Ну, скажем, так: «Друзья, наши деды называли Устюрт проклятым местом, откуда человек не возвращается...» Или вот: «Барсакельмес! Караваны обходили эту мертвую пустыню стороной. А сколько храбрецов сложили здесь голову, пропали без вести! Сколько людей и по сей день не осмеливаются даже близко подойти к Устюрту! Но есть среди нас храбрая, как Тумарис¹, девушка. Неудивительно, что она первая среди женщин — завоевательниц пустыни. Прошу, друзья, поднять тост за здоровье нашей бесстрашной Зульхумор!..» Это на нее подействует, иного и быть не может. Сердце ее растает. Но что, интересно, теперь-то мешает ей окончательно положить голову на плечо красавца Артыка? Что? Любовь или стыд?..

Углубившись в свои мысли, Артык вдруг с досадой ударил себя по колену. В темноте, он почувствовал, как все удивленно обернулись в его сторону.

— Что случилось? — забеспокоился Султанов, в голосе его проскользнуло недовольство.

¹ Т у м а р и с, точнее, Т о м и р и д а — вождь племени массагетов, о котором упоминает Геродот в своей истории как о народе, почитаемом великим и мужественным, обитающим к востоку, за рекой Аракс.

— Мне показалось... что по колену кто-то ползет!
Неожиданно шутка Артыка попала в цель: Зульхумор, вскрикнув, вскочила и отпрыгнула в угол машины. Он же нарочито громко, деланно расхохотался.

— Неужели вы боитесь такой ерунды, Томарис? Пусть вместо вас меня ужалит этот скорпион! Я готов!..

Поняв, что он ерничает, Зульхумор уселась на прежнее место:

— Мне кажется, вы представляете собой самую подходящую для скорпионов мишень, он бы у вас позаимствовал еще и яда!— парировала девушка.

— Один ноль! Проиграл! Конечно, победа за вами. Повелевайте же, о победительница, я навеки ваш раб!— При этих словах Артык дурашливо поднял руки вверх, желая восстановить возникшую между ними отчужденность.

— Нет, этим вы не откупитесь! Погодите!— пригрозила Зульхумор.

Видя, что она смягчилась, Артык смиренно произнес:

— Я готов на любое наказание, какое только сочтет нужным мне вынести такая женщина, как вы! Пожалуйста!— Он склонил голову, покорно подставив шею, но Зульхумор тут же с силой оттолкнула его.

— Да ну вас, отстали бы наконец!— бросила она и снова принялась смотреть теперь уже в совсем темное окно, за которым давно ничего не было видно.

Артык почувствовал, что девушка отвернулась, чтобы скрыть улыбку, вызванную его выходкой. Атамурад выключил фары, и от этого вокруг еще больше сгустилась темнота. Словно искорки, то там, то здесь поблескивали в небе одинокие звезды. Артык приподнял сзади брезент газика: уже не различим был горизонт. Но вот и мерцающих точек не стало видно — погода портилась.

Артык опустил брезент, снова погрузился в размышления. Машину теперь равномерно покачивало, она неслась по прямой, никуда не сворачивая, и казалось, цель поездки еще очень далеко, до нее еще ехать и ехать. Атамурад молча крутил баранку, погруженный в свои думы.

Терпение Артыка иссякало, сердце тревожно стучало: в самом деле, для чего они забрались так далеко, будто развеяться и повеселиться нельзя было там, на месте? Ночная пустыня как-никак... И вообще, где на-

конец обещанные Султановым сайгаки, что-то их нет и в помине.

У Султанова, видно, терпение тоже было на пределе, он надоедливо приставал к Атамураду:

— Ну признайся, парень, тебе прежде хоть раз приходилось бывать на охоте? Ну кто так машину водит, горе-охотник! Надо все делать весело, шумно, галдеть, все время мигать фарами, пугать сайгаков! А так ехать, брат, знаешь, не годится! Не выскочит же сайгак прямо перед твоим носом! Так только во сне бывает!..

Атамурад резко остановил машину.

— Откуда мне знать, шеф, как надо ехать? Вы приказали — я и еду как умею! — отрезал он, полуобернувшись к Султанову. — Может, сами теперь поведете? Садитесь!

Завизжали тормоза.

«Смотри-ка какой! Знай себе твердит, с самого начала не хочет вести машину! Упрямец! Черт с рогами, отлично все знает, придушивается, — с досадой думал Артык. — Говорят же, собака на поводке для охоты непригодна. Подумаешь, не нравится — не надо!»

Артык только открыл было снова рот, желая покрасоваться перед Зульхумор, изобразив бывалого охотника, но вовремя осекся, вспомнив, что никогда в жизни не водил машину, и, смолчав, подумал: «Пусть уж лучше Султанов ведет, этот вроде все умеет!»

— Так и надо было сразу сказать, что не хочешь! — буркнул Султанов, решительно вылезая из машины.

— Всем молодцам молодец! — восхищенно засмеялся вслед Артык. — Жаль вот только, что в дорогу не взяли спиртного! Выпили бы сейчас по маленькой и не заметили бы, что охота не состоялась. А! Черт с ней, с охотой. Правильно я говорю, домла?

— Так-то оно так, но все же что может сравниться с азартом преследования зверя! По-моему, ничего на свете! — Камалиддин-ака засмеялся. — В крови каждого из нас живет охотник. Неудивительно, ведь гены достались нам от наших предков, которые кормились этим. Неспроста современного человека манит природа, горы, реки, — профессор оживился, и это было приятно услышать Султанову, который уже взобрался на шоферское место.

— Справедливые слова, домла! Удовольствие от процесса рыбной ловли куда больше, чем польза, которую рыболов извлекает из пойманного! Такое же удо-

вольствие и от охоты на сайгака. Эти животные теперь — редкость, не каждый школьник их и живьем-то видел! В кои-то веки выбрались на Устюрт, и будет очень досадно, если я не угощу вас свежей сайгачиной! Попомните мои слова, нам в конечном счете должно повезти! — уверенно пообещал Султанов и включил полный газ. Тряхнув пассажиров, машина снова помчалась вперед.

Артык чуть не слетел с сиденья, его снова бросило к Зульхумор, но он тут же отодвинулся, чтобы не вызвать ее гнева. Какой же, однако, щедрый парень этот Султанов! Вот уже целых три недели, как приехал сюда Салахиддинов, и он, бросив все свои дела, ездит с экспедицией, избавляет их всех от мелких хлопот и забот. Какого-нибудь другого ученика профессора, глядишь, через пару дней и след бы простыл, а этот словно завхоз. Попросит профессор людей — пожалуйста, машину — вот она, подана уже, берите, пользуйтесь!.. Да еще где, в безлюдной пустыне! На Устюрте! Нет, молодец все же Султанов. Как, интересно, он узнал о дне рождения профессора? Благородно, ничего не скажешь! И застолья ему показалось мало, он еще на охоту решил свозить геологов! Вот это отношение к людям! Вот настоящее гостеприимство! Благодаря Султанову и ему, Артыку, кое-что перепадет. За участие в этой экспедиции и он надеется получить немалый куш, что-нибудь около тысячи. А если взять еще и отпуск без сохранения содержания месяца на полтора и поработать здесь, глядишь, старый его «Москвич» может превратиться в «Волгу»... Именно эту цель он и преследовал, стремясь попасть именно сюда, на Устюрт. Одни называют это романтикой, другие...

При резком повороте заднее колесо машины, очевидно, попало в углубление или выбоину, и Артык, подпрыгнув, с силой ударился головой обо что-то твердое и холодное в потолке машины. Из глаз посыпались искры, приятных мыслей как не бывало. Схватившись обеими руками за ушибленное место, он не без досады поглядел на Султанова, недовольно сморщился, постанывая.

— Э, дорогой, как бы мне по вашей милости ненароком не лишиться головы!

— Говорят, такое мероприятие без жертв не обходится! — мрачно пошутил Атамурад.

— Голова, наверное, это еще цветочки. Ведь так, товарищ Султанов? — кольнула Зульхумор.

— Домла, как вы думаете? — разозлился Султанов. — Может, пока не поздно, отвезти этих слабаков обратно?

Артык покраснел: была нестерпима мысль, что его ставят на одну доску с этой легкомысленной девчонкой.

— Это же не охота, а прямо ад какой-то! Машину ведут как попало, маршрут, кажется, до сих пор неизвестен! — огрызнулся он.

— Ну договаривайте, договаривайте, чего же вы от меня теперь-то хотите? — обернулся Султанов к нему, остановив машину. — Ехать медленно — сайгаков не видать как собственных ушей!

— Э, да не нужны нам ваши сайгаки, если за них так дорого приходится платить, — потирая ушибленную голову, ныл Артык.

Профессор примирительно вздохнул, урезонивая обоих:

— Да не ссорьтесь вы, стыдно, взрослые же люди!

Из всей компании ни словом не обмолвился один Атамурад: похоже, он и дальше не собирался вмешиваться в перепалку.

Хотя в темноте не было видно лица, Артык с упреком поглядывал в сторону шофера: во всем он один виноват! Раз водитель, знай свое дело, крути баранку и слушайся хозяина, а этот артачится, как паршивая кляча. Оправдывай, парень, свой хлеб насущный! Не хочешь — пускай другой займет твое место. Угодать хозяину не всякий может — тут терпение надо иметь.

Немного поостыв, Артык уселся поудобнее, повернулся к профессору:

— Я же ничего не сказал такого, домла, только что толку зря гонять по пустыне? Хоть бы смеха ради один сайгак дорогу перебежал, но ведь и следов его пока не видать.

Профессор промолчал, за него ответил Султанов:

— Говорят, что терпение и труд все перетрут! Потерпите и вы, мой молодой друг! Если не поймаю сайгака, другой разговор, можете меня и упрекать тогда.

— Ваша воля, мне все равно. Я как все...

Артык не желал спорить ни с кем из-за пустяков — польза кому от этих разговоров. Пусть будет козел, как говорится, лишь бы молоко давал! Пусть этот добряк Султанов делает все что заблагорассудится. От него он,

Артык, зависит целиком и полностью: ну бывает, соврется иногда с языка что-нибудь... Видно, так повелось: что выпитал человек с молоком матери, то уйдет вместе с ним в могилу. Сколько раз в жизни Артык сболтнет лишнее, ляпнет какую-нибудь глупость, допустит бестактность, а потом горько сожалеет. Хорошо еще, Султанов не злопамятен, не лезет в бутылку...

— Вот это другой разговор, — спокойноотреагировал Султанов на примирение.

И снова мчалась машина по пустыне.

Всего несколько минут назад ярко светившие звезды остались где-то сбоку, потому что резко свернули вправо. По-прежнему дальний свет фар выхватывал из тьмы две узкие полоски. Султанов словно прирос к рулю, почти не двигался, сосредоточенно глядел перед собой. Похоже, что-то искал в этой крошечной тьме и, не найдя, то и дело высовывался из кабины: наверное, каждая померещившаяся тень превращалась в желанного сайгака. Но пустыня обманчива, и машина двигалась все дальше, мечась из стороны в сторону. Султанов то включал, то выключал фары. По временам в салоне воцарялось молчание, интерес к охоте явно пропадал, и каждый погружался в невеселые думы. Так они ехали с полчаса, потом, наверное, еще столько же, и вдруг Артык, которого постепенно укачивало, вздрогнул от резкого крика Султанова:

— А, джанивар!¹ — Он крепче вцепляется в руль, увеличивая скорость. Сидевшие в газике, не понимая, в чем дело, заволновались:

— Что такое? Что случилось?!

— Сайгак? Где?! С какой стороны?

— Ничего не видно, где вы его увидели?

Опустив боковое стекло, Артык высовывает голову и пристально вглядывается в степь. Сначала ничего не замечает и в сердцах уже посмеивается над галлюцинацией Султанова, но потом вдруг видит впереди, в свете фар, бегущего с невероятной скоростью сайгака.

— Вон он, вон он! — азартно кричит он. — Впереди! Быстрее, дайте газ! Жмите, иначе его не догнать!

— Куда он денется? Теперь ему не уйти! — радостно кричит Султанов. А сам все прибавляет скорость. Ма-

¹ Дж а н и в а р — ласковое обращение к какому-нибудь животному.

пина несется как стрела, а в глаза Артыку попадает мелкий песок, встречный ветер не дает открыть глаза.

— Вы правы! Вот он! В свете фар!— от нетерпения ерзая на месте, невольно восклицает и профессор.

— Ой, да какой красивый!— восхищается Зульхумор. Подгоняемый светом фар мчится, горя серебром, великолепное создание природы и, кажется, вот-вот оторвется от земли. Сайгак бежал, прижав уши, всем существом обратившись в слух и зрение. Его легкий бег завораживал, приковывал внимание, разжигал проснувшийся в крови охотничий азарт.

Все прибавляя скорость, Султанов изо всех сил старался не упустить сайгака из света фар, постоянно мигал. Артык волновался все больше, опасаясь, что животное свернет куда-нибудь в сторону и тогда ищи-свищи... Но преследуемый сайгак, видно, обезумел и был ошеломлен игрой света и тьмы, силы его убывали, бег замедлялся. Прошло еще несколько минут. Ослепленный, он поднял голову, внезапно остановился как вкопанный и в тот же миг был сбит не успевшей сбросить скорость машиной.

— Ох, бедняга!— не выдержав, вскрикнула Зульхумор, вскакивая с места и закрывая лицо руками.

Султанов поспешно нажал на тормоза. Вышли из машины, опасаясь подойти ближе к тому месту, где упало загнанное животное.

— Вам везет, домла!— в голосе Султанова слышались спесь и гордость.— Какие красивые рога у этого сайгака!

— У меня дома уже... есть такие...— в замешательстве едва слышно проговорил профессор.— Пускай эти Зульхумор возьмет себе... на добрую память.

Девушка тут же отрицательно покачала головой:

— Нет, нет, не надо!.. Я боюсь... Хватит с меня и того, что я здесь только что видела...

— Тогда пусть Артык возьмет, ему эти рога дорогой ценой достались, чуть головы парень не лишился!— пошутил профессор.

Сердце Артыка приятно заняло: действительно, неплохо, если рога достанутся ему! Ведь они, кажется, немалых денег стоят, а любителей такой экзотики хоть отбавляй, сколько запросишь, столько и выложат.

Боясь, что кто-нибудь из компании предъявит свои права на трофей, Артык заспешил:

— Нет, серьезно! Раз уж я пострадал... Возьму их с удовольствием. Если, конечно, общество не против.

— Ладно уж, берите!— расщедрился Султанов.

В неуклюжей позе, уткнувшись головой в песок, освещенный ярким светом фар, лежал сайгак. Казалось, для него, несколько минут назад поражавшего людей своей прытью, поза эта была нелепой. Но именно так его настигла смерть, направляемая рукой Султанова...

— Ой, бедный! Такую красоту мы загубили!— горестно промолвила Зульхумор.

Тело сайгака время от времени вздрагивало. Это еще больше пугало Зульхумор, которая так и не приблизилась к убитому зверю: не могла видеть открытых глаз, в которых застыли слезы, и тонкую струйку крови на голове.

— Жаль, Артык, но с рогами вам, кажется, не повезло,— заключил Султанов.— Один сломался, когда зверь падал.

Нагнувшись над сайгаком, Султанов торопливо приказал Атамураду:

— Давай-ка нож, горе-водитель, надо его поскорее прикончить: кажется, еще трепыхается.

С этими словами он засучил рукава рубахи.

Зульхумор, вскрикнув, отбежала подальше.

— Сердце-то у вас, оказывается, не из самых храбрых, Тумарис,— засмеялся Артык.

Зульхумор покачала головой, словно говоря, что не хочет не то что в шуточные перепалки вступать, но даже смотреть на происходящее.

— Да перестаньте вы так говорить. Жестокие, жестокие люди! Не боитесь брать грех на душу!..

Девушка решительно пошла к машине, всем своим видом показывая, что не хочет даже рядом стоять с теми, кто убил безвинное животное. Ее слова угнетающе действовали на профессора и Атамурада: с поникшими головами стояли они, словно мальчишки, пойманные на месте преступления.

— Атамурад, я тебе что сказал?— сердито обернулся к шоферу Султанов.— Это же не свинья!

— Давай действуй или и впрямь боишься ножичек свой запачкать?— насмешливо поглядел Артык.

Вдохновленный внезапно пришедшей мыслью, Атамурад обернулся к профессору:

— Друзья, домла!— Голос его дрогнул.— Неужели это несчастное создание достойно такой страшной смер-

ти? Не надо, прошу, не надо закалывать сайгака! Может быть, помочь ему подняться, он, наверное, сможет... выжить?!..

Хохот Артыка прервал его на полуслове:

— Вот каналья! Что за чепуху мелет? Помочь! — держась за живот, тряся он от смеха. — Ну и охотничек!

— Ха-ха-ха! — вторил ему Султанов. — И у этого размазни я просил нож! Кого мы взяли с собой на охоту?

Вдруг молчавший профессор не выдержал: его негромкий голос произвел впечатление грома среди ясного неба.

— Животное так мучается, а вы... Какое варварство!

Увидев, что Султанов перестал смеяться и растерянно замолчал, Артык подумал: «Что это с профессором? Не он ли, наш домла, совсем недавно философствовал об азарте охоты, унаследованном от наших предков? А теперь мы оказались варварами!..» Он подозрительно поглядел на Атамурада, наверное, и этот сейчас сморозит что-нибудь в том же духе. Ну и скучища!..

Но нет, оказывается, не угадал; юноша молча подошел к сайгаку, аккуратно обхватил его поперек туловища, попытался поднять. Но, как ни старался, ничего не вышло: силы сайгака были на исходе, и лишь инстинкт самосохранения заставлял его безуспешно пытаться встать на ноги. У зверя, скорее всего, сломан позвоночник, значит, это конец. Атамурад выпрямился, протянул Султанову нож:

— Кончайте с ним! Все равно его уже не поднять!

— Ну и охотничек!.. — не унимался Артык. — Хорошо, что нынче мясо продают в магазине, а то бы такие вот вегетарианцы, как ты, с голоду бы уморили нас в два счета. Считаешь, видно, что и мясником быть зазорно?

Атамурад обернулся, в упор глянул на Артыка:

— Охота охоте рознь. Такое развлечение, как сегодняшнее, вряд ли кому-нибудь в радость. Это же варварство, прав домла!..

Впервые видя своего шофера в таком состоянии, Султанов удивился:

— О, аллах, не узнаю овечку! Как бы он нас под суд не отдал! Вот праведник-то!..

— Только суда вы, наверное, и боитесь, совесть совсем потеряли! — Атамурад безнадежно махнул рукой

и пошел следом за профессором к машине, на мгновение заслонив собой свет фар: и Султанов, и Артык скрылись в его огромной тени. Зульхумор высунулась из кабины:

— Атамурад-ака, давайте возвращаться! Поохотились... хватит.

Замерший с ножом в руках Султанов в нерешительности посмотрел на Артыка:

— Ну что будем делать?

— Что делать, — махнул тот рукой, кивнув на сайгака. — Прикончим его, погрузим в машину, и айда обратно. Мясо нам, похоже, еще пригодится. Как думаешь? Вот когда оно закипит в котле, уверен, все эти разговорчики мигом прекратятся.

— Ну раз так, надо подогнуть машину поближе!

Султанов засучил рукава. Произнес: «С богом!» — и полоснул ножом по шее сайгака. Кромешная тьма огласилась последним стоном умирающего животного.

Они молча втащили тушу в газик, бросили под ноги сидящим. Султанов протянул Атамураду окровавленный нож, вытер носовым платком руки и сел за руль.

— Ну-ка, — поторонил он, — все по местам, и поехали!

В холодном отчужденном молчании участники недавнего торжества заняли свои прежние места. Машина тронулась, но, пройдя несколько метров, внезапно остановилась. Все с беспокойством поглядывали на сидевшего за рулем Султанова.

— В чем дело? Что случилось? — заволновался Артык. Но Султанов молча, не отвечая на вопрос, вышел из кабины. Потом, резво вскочив на подножку газика, включил фары.

— Скажите же нам наконец, в чем дело? — дрожащим голосом повторила Зульхумор вопрос Артыка.

Султанов запинаясь проговорил:

— Не понимаю... куда это мы заехали... Никаких огней...

— Без паники, дорогой! — порекомендовал профессор. — Оглядитесь-ка повнимательнее!

— Давайте, домла, все вместе посмотрим хорошенько, может быть, и найдем какой-нибудь ориентир, — дружелюбно предложил Атамурад.

Девушка первой вышла из машины, подняла голову. Но ничего не увидела: тьма — глаз выколи, лишь где-то на краю неба мерцали одинокие звезды. Шаг в сторону от машины — и уже не видно даже протянутой руки.

— Дорога вроде не похожа на ту, по которой мы ехали сюда, — нагнувшись и пошарив по земле рукой, констатировал Атамурад.

У Артыка от внезапной догадки застучали зубы, но он пытался справиться с охватившим волнением. Голос выдавал его:

— Уже не думаете ли вы, что... мы... заблудились?

— Можно ответить вопросом, — не сдержался Атамурад. — Вы что, от природы паникер? А казались таким смелым!..

Мстит, подумал Артык, но овладевший всем его существом страх не позволил достойно ответить на выпад. Подумалось: на этого парня теперь вся надежда, в шоферском деле он, видно, дока, хоть и ругал его Султанов на чем свет стоит, — найдет дорогу домой, успокаивал он себя.

Профессор неслышно приблизился к Атамураду, положил на плечо руку:

— Теперь, укам¹, отбросьте все обиды и садитесь за руль! Уверен, никто из нас не знает Устюрт, как вы. Мы ни за что бы не заблудились, будь машина с самого начала в ваших руках. Уверен!

— Вы правы, Камалиддин-ака, что бы ни случилось, я не должен был бросать машину!

У Артыка сжалось сердце: неужто и в самом деле заблудились? Черт понес его на эту проклятую охоту. Вернись они пораньше, пока не начало темнеть, ничего не случилось бы.

— Все мы, друзья, виноваты одинаково, — примирительно говорил профессор, — да и не время сейчас кого-то в чем-то упрекать. Давайте не торопясь обдумаем, как нам теперь поступить, как поскорее вернуться домой. Атамурад! Вы шофер, это ваша профессия. Может быть, вы в состоянии повторить наш путь в обратном направлении? Хотя я понимаю — темнота...

Атамурад опустил голову, подумалось: вряд ли удастся найти след газика: слишком уж легкомысленно, преследуя сайгака, вихлял Султанов, сидя за рулем...

Молодой шофер покачал головой:

— Надо придумать что-нибудь другое. Как разглядишь эти следы?

¹ Укам — ласково-уважительное обращение старшего к младшему.

— И где только были твои глаза, когда мы ехали сюда?!— не своим голосом закричал Султанов, но тут же осекся, понимая беспочвенность подобного вопроса.

— Он-то сидел сзади, а вот вы, Султанов? Куда ваши-то глаза глядели?— вырвалось у Артыка.

— Это вас бог наказал... за сайгака,— всхлипнула Зульхумор,— я уверена!.. Не погнались бы за ним, все обошлось бы.

Профессор по-отечески погладил девушку по голове, в задумчивости принялся расхаживать около машины, остановился перед Атамурадом:

— Ну, парень, что остается: едем наугад! Может, до каких-нибудь огней и доберемся.

— Я, конечно, могу поехать, но что толку ехать в темноте?

Здрав голову, шофер пристально вглядывался в небо. Артык последовал его примеру, сердце тоскливо заняло: откуда вдруг прямо над ними взялась эта темнота, эта темная туча? В охотничьем азарте никто, конечно, не обратил на нее внимание. А как бы не случилось самое страшное — песчаная буря.

Пока же не ощущалось и слабого ветерка.

— Давайте решим, друзья, как поступим. Может быть, лучше подождать до утра? При солнечном свете, как известно, все кажется не таким мрачным,— предложил профессор.

— Где там до утра! И теперь совсем не поздно.— Султанов посмотрел на часы, но стрелки рассмотрел, лишь нажав кнопку подсветки.— Попробуем все-таки немного проехать и поискать дорогу. Не найдем — другое дело: будем ждать до утра.

— А если совсем заблудимся?— не выдержал Артык, вплотную подойдя к Султанову.— Эх вы, даже не представляете себе, в какой стороне лагерь, а беретесь советовать, приказывать. Золотое правило: кто садится за руль, должен знать дорогу, но и назад оглядываться! Тоже мне водитель! Да поглядите вы на небо, кто в такую погоду охотится?

Темная мгла становилась непрогляднее. Казалось, все будто заволокло густым дымом, медленно движущимся над землей. Душами путников овладевал страх, одолевали безысходные мысли, все чувствовали себя беспомощными и несчастными...

Артык снова в панике. Еще учеными называются, а толкового совета ни от кого не дождешься. Да тут

сплошь начальство собралось! Плевать он хотел на такое начальство! Артык почувствовал, что у него неприлично закололо под ложечкой, будто от долгого голодания. И тут он услышал решительный голос Атамурада:

— Садитесь в машину! Все!

Артык несколько приободрился: да, он не ошибся, этому парню можно верить. Если он и за баранкой хотя бы наполовину такой же мастер, как повар, — можно считать, дело в шляпе. Успокаивая себя таким образом, Артык не заставил просить дважды, занял свое место в машине, зашептал еле слышно:

— Боже, храни нас, не дай заблудиться!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Атамурад вдруг поразился: окончательно пропал из виду горизонт, до этого едва намечавшийся полоской где-то вдалеке. Куда же подевались звезды? Ведь только что, кажется, он их отчетливо различал...

Атамурад разглядел на небе одну-единственную звезду где-то по ходу движения. Но и это уже ориентир! Всматриваясь пристально, до слез, ему удалось заметить еще несколько тусклых светлых пятнышек. Правильно ли он ориентируется?..

— Садитесь, поехали, — повторил он нетерпеливо, забираясь в машину. Но прежде чем взяться за руль, засомневался вдруг: «Погоди, Ата, а почему это ты, не советуясь с другими, вдруг собираешься ехать? Ведь есть люди и постарше и поумнее тебя. А что, если не найдешь дорогу? Как будешь оправдываться? Не лучше ли сказать заранее...»

— Домла! — зовет он профессора, занесшего ногу на ступеньку машины.

— Да? — останавливается профессор, обойдя газик спереди.

Атамурад подходит к нему.

— Я подумал, домла, может, надо все-таки сначала вместе обсудить, как поступить дальше, а потом уж ехать?

— Вы правы, юноша! Анушираван¹ тоже ничего не предпринимал, не посоветовавшись со своими поддан-

¹ А н у ш и р а в а н — справедливый правитель, упоминаемый, в частности, в сказках «Тысячи и одной ночи».

ными. Слушаем вас, друзья! У кого какое мнение? Начнем с вас, товарищ Султанов.

Султанов тяжело дышит, молчит, Атамурад не перестает удивляться: заварил кашу, а теперь сердится, будто все в чем-то виноваты.

— Мы спрашиваем, товарищ Султанов! Нечего уходить от ответственности!— пристает к нему Артык.

Султанов выпаливает повышенным тоном:

— Кто это уходит от ответственности? Совещайтесь, решайте. Я разве против?

— Вот как! Оказывается, это вас не касается? Нечего нам сказать? Надо же, натворил дел, а теперь — совещайтесь, решайте! Нет, уж извините!— кипятится Артык.

Профессор смотрит на спорящих с неприязнью.

— Ради бога, замолчите,— снова урезонивает их Камалиддин-ака, — нельзя же препираться в такой ситуации. Атамурад, вы что-то хотели сказать?

Атамурад смущается:

— Я... предложил бы... Посмотрите, вон та звезда... Она, кажется, в той стороне, где восходит солнце? То есть на востоке? Не правда ли?

— Почему же на востоке? Какие у вас основания для такого заключения?— задает вопрос профессор, словно на экзамене.

— Видите ли,— неуверенно начинает Атамурад,— вечером солнце садилось в тучу. Наверное, вместе с этой тучей оно начало свой путь по небосклону. Мне кажется, скоро и эти звезды, которые еще видны и являются для нас ориентиром, войдут в полосу облачности. Поэтому, я думаю, надо ехать именно сейчас, если мы вообще примем такое решение... пока не поздно...

Атамурад все это говорил с сомнением, неуверенно, поглядывая на профессора. Тот внимательно слушал парня, не перебивая, смотрел на звезды, сосредоточенно размышляя. Наконец покачал головой:

— Думаю, это не так, Атамурад! По тем звездам, которые мы видим, сейчас нельзя определить, где Полярная звезда, которая всегда служит надежным ориентиром...

Артык бесцеремонно перебивает:

— Мне кажется, домла, Атамурад прав. По дороге сюда и я заметил: за машиной было все время темно. Словно туча надвигалась.

— Кто еще это заметил, друзья? — задает вопрос профессор.

— Я. — В голосе Султанова, однако, нет уверенности, он глубоко вздыхает, виновато склоняет голову. — Я обратил внимание на это еще до захода солнца, но не думал, что туча так быстро все закроет... — Голос его дрожит, он в смущении тихо добавляет: — Простите меня, простите, я один во всем виноват!..

Не такой уж он безнадежный, оказывается, хоть совесть у него проснулась, облегченно вздыхает Атамурад, довольный последними словами своего начальника. Большое дело, когда у человека хватает мужества признать свою вину. Не каждый способен на это. А повинную голову, как говорится, и меч не сечет. Вот, например, Артык снова распаляется, снова его несет; вроде совсем угомонился, но нет, налетает на Султанова:

— Эх ты, потерял дорогу, да еще и прощения просишь! А раньше-то, товарищ Султанов, о чем вы думали? Чем подхалимничать да тосты провозглашать, подумали бы лучше о последствиях!

Неловкое молчание было ему ответом, и Атамурад почувствовал, что и профессору неловко за недавнее поведение, за своего коллегу.

Султанов бросил на Атамурада недобрый взгляд, который тот сразу же почувствовал, хотя и стоял вполоборота к своему начальнику. Голос шофера был сдержан:

— Хорошо! Я сбился с пути, но я его постараюсь найти! Садитесь! Все! Скорее же, сколько раз можно приглашать?

Но опять, кроме него самого и Артыка, никто не сдвинулся с места.

— Куда спешить? Что получится, если станем двигаться наугад, да к тому же с таким настроением? — Зульхумор остановилась около профессора.

— А сколько теперь времени? — спросил Камалиддин-ака.

Султанов ответил:

— Да уже четверть десятого.

Профессор оторвал взгляд от яркого света фар и снова поднял глаза вверх, к темному небу.

— Давайте решим так: если ехать, то хотя бы подождать, когда тучи немного разойдутся. Ведь пока не

отыщем созвездия Малой Медведицы ¹, ничего у нас не получится.

Но на Султанова, наверное, подействовали убеждения Артыка, поэтому он не согласился:

— Черта с два, домла, разоидется эта туча! Как же! Теперь же и надо ехать! — настаивал он. — Как-нибудь найдем дорогу. Поверьте моему опыту... Или уж режьте без ножа, говорите прямо: мы так, мол, и так, тебе не доверяем, ты ни на что не годен.

Видя, как человек искренне огорчается, Салахиддинов не возражает. Атамураду кажется, что он не произносит вслух того, что думает, и молчит, просто чтобы не перечить Султанову. Наконец он решительно засовывает руку в карман пиджака:

— Ну что ж, ехать так ехать! Поведите сначала вы, Атамурад, сами ведь говорили — спиной к звездам... Может, и в самом деле повезет, огни покажутся.

Все снова молча по одному залезают в машину. Атамурад с тяжелым сердцем садится последним. Из головы не выходит недавний спор, настроение совсем упало. Он грызет себя за то, что вылез с советом: надо было просто ехать — и точка. Он решительно разворачивает машину, ведет ее прямо, в ту сторону, где, по его расчетам, село солнце. Но даже быстрая езда не может заставить забыть неприятный инцидент: слова Артыка не выходят из головы. «Надо же быть таким бесстыжим! Дойти до такого! Если уж так себя любишь, сиди дома. Какого черта едешь в экспедиции? Вот она, жажда наживы! Думает небось, много денег — и счастье в кармане! Как же! Небось не знает, скупердяй, на свете есть вещи во сто крат дороже монет — верность, честь... Вот без них не проживешь!»

Атамурад тут же решает про себя: назло Артыку, вывезет к чинку всех живыми и здоровыми. Ох уж и пристыдит он тогда его! Уж скажет все, что думает, отведет душу!.. Но вряд ли будет от этого прок: горбатого, как говорится, могила исправит. Толстокож, оправдается как-нибудь!

Газик прокладывает путь по пустыне веером света: едва виднеется то там, то тут стелющаяся по земле полын, изредка дорогу перебежит то ли испуганная степная мышь, то ли суслик — невозможно разглядеть из-за

¹ Малая Медведица — созвездие, в котором находится Полярная звезда.

скорости. Слышно только, как гигантские кузнечики, величиной, наверное, с палец, с силой ударяются о ветровое стекло. Вскрикивают потревоженные шумом мотора из-за юлгунов¹ сайгаки, на миг замирая от бьющего в глаза света, секунду-другую стоят в замешательстве, не в силах понять, что за странный зверь блуждает среди песков.

Ровный гул машины навевал сон. Все молчат, каждый погружен в собственные думы. Атамурад незаметно наблюдает за профессором: при тусклом освещении неподвижно желтоватое круглое лицо, он неотрывно глядит вперед. Атамураду становится не по себе от мысли, что мягкий, деликатный человек так расстроен: надо же случиться такому именно в день его рождения. Шофер по-прежнему зол на Артыка: можно ли бросать при всех такой упрек человеку? А Камалиддин-ака все-таки молодец, повел себя правильно, сумел подавить гнев, не высказать недовольства.

Когда Атамурад еще учился в Ташкенте на дневном отделении института, до перевода на заочное, он много слышал о работах профессора Салахиддинова. Студенты и преподаватели расхваливали его, отзывались с неизменным уважением. И в какой бы компании ни заходил разговор о профессоре, обязательно находился человек, которому Камалиддин-ака чем-то помог — в работе ли, в научных изысканиях. Среди студентов ходило и немало легенд о его доброте. Когда Салахиддинов приехал однажды в Кунград, Атамурад сам убедился в этом. Мягкий, неприхотливый, доброжелательный, умеющий уступать молодым, прислушиваться к их мнению, он напоминал ученого старой школы, о которой молодые знали разве что из книг.

С первого дня их знакомства, как только Атамурад повез профессора в устьюртскую экспедицию, он зауважал Камалиддина-ака, готов был для него на все. Любую просьбу Салахиддинова, которыми тот, правда, не злоупотреблял, Атамурад выполнял с радостью, готов был душу отдать этому человеку. И вот теперь из-за какого-то несчастного сайгака усто терпит такие неудобства. Хорошо, если повезет и они быстро найдут лагерь или, по крайней мере, окажутся вблизи какого-нибудь жилья. А если до того кончится бензин и машина встанет на полпути? Пешком из пустыни не выбраться и за

¹ Юлгуны — степные, низко стелющиеся растения.

три дня! Как это перенесет Салахиддинов? Что станет с Зульхумор? И все из-за какой-то дурацкой охоты. «Лишь бы повезло, лишь бы хватило бензина!» — словно заклинание повторяет про себя Атамурад.

Чтобы предпринять очередную попытку сориентироваться, он остановился, высунулся из кабины, посмотрел назад... и не поверил глазам: полнеба стало ясным, блистали звезды, черные тучи, которые только что заволакивали небосвод, рассеялись, и сквозь молочность тумана проглядывали крупные звезды. Туча же двигалась, казалось, прямо в их сторону. От недоброго предположения у Атамурада заложило уши, потемнело в глазах. Он едва расслышал, как профессор спросил, почему остановка, и не нашелся сразу что ответить. В горле стоял комок, чуть не плача, Атамурад осмотрелся еще раз, и в это время Артык, подняв брезент, оживился:

— Ого, какие звезды! Разгулялась, видно, погодка-то!

Сердце Атамурада от слов неискушенного геолога заняло сильнее прежнего.

Профессор вылез из газика, вот-вот и он все поймет... Что Атамурад скажет ему, как объяснит, что случилось худшее — они заблудились?

Шофер отвернулся, чтобы не видеть лица домлы.

— Смотрите-ка, закат остался в стороне, — профессор рассуждал словно сам с собой, но Атамураду голос домлы показался тревожным.

Да, увы, они ехали не к закату — к восходу. И зачем он только взялся вывезти их, зачем?! Султанов доверил ему руль, а он подвел всех.

Все снова вышли из машины.

— Ой, где это мы, товарищ Султанов? Ваш шофер, кажется, завез нас неведомо куда! — запаниковал Артык в который раз.

Атамурад с досадой вздохнул: ну теперь привяжется как банный лист, пока не перемажет сажей всех, не успокоится. И жаловаться некому — прав, как это ни больно сознавать.

— Да нет же!.. — попробовал возразить Султанов, но было видно, что и он будто не верит глазам своим.

— Вы что, слепой? Поглядите! — Артык с досады плюнул. — Большой Медведицы и в помине нет, она же склоняется к закату только после полуночи. Тоже мне астрономы!

Стоявшие рядом Зульхумор и профессор не проронили ни слова, и Атамурад был рад этому обстоятельству: они-то хорошо понимали, что все слова лишни. Лишь Султанов молча подошел к Атамураду, встал близко, зло бросил:

— Эх ты, недотена, не мог отличить восхода от заката!

Атамурад понимал, что обязан взять вину на себя и тем самым как-то попытаться выгородить Султанова. Но он не представлял себе, что для этого надо сделать. И вдруг голос Артыка:

— А в чем, собственно, виноват Султанов? Ведь он сделал то, чего мы от него хотели. Повез нас на охоту! Только где вы, товарищ Султанов, были раньше, почему не сказали, что шофер ваш не отличает востока от запада? Теперь-то, конечно, проще простого сваливать всю вину на него одного...

Султанов бросил на Атамурада взгляд, полный ненависти, а профессор, казалось, обиделся за водителя, сказал примирительно:

— Сдерживайте себя, дорогой Артык, к чему делать обидные замечания?

Тот вспыхнул, подобно спичке:

— А, и вы туда же, домла! Защищать парня! Давайте же, возьмите этого неуча под свое просвещенное крылышко! Но ведь он, он виноват, что мы тут застряли!

Профессор подошел к спорщику, попытался урезонить:

— Не надо так! Кто мог знать, что горизонт очистится от туч? И я, и вы, и все мы были тут же и могли помочь советом ему, отважившемуся сесть за руль и взять на себя ответственность. Но никто не помог, значит, и обвинять некого. Говорят же, сначала возни нож в себя: если не больно, ударь другого... Главное, не бойтесь! Выход найдем! Не останетесь тут, не волнуйтесь!

Потом Камалиддин-ака пошел было к Атамураду, но внезапно остановился, поднял голову, пристально взглядыясь в звездное небо.

— А, вот и она! Идите сюда, молодой человек!— позвал он шофера. Положил руку ему на плечо, притянул к себе:— Видите, вон ковш Большой Медведицы? Семь звезд в виде ковша?..

Отыскав созвездие, Атамурад кивнул:

— Да, да, вижу, созвездие Семи братьев...

— Правильно! У нас на Востоке его именно так и называют,— подтвердил профессор.

В это время остальная компания, желая увидеть в небе ковш, подошла к ним.

— А теперь, Атамурад, найдите звезды в верхней части созвездия Семи братьев. Нашли?

— Да, да!— Атамурад сам удивился, что так быстро отыскал их.

— В астрономии верхняя называется Альфой, а нижняя Бетой. Теперь мысленно проведите линию от Альфы до Беты, «отложите» на этой линии пять таких отрезков, которые разделяют эти звезды. Сделали?— спросил профессор, не отрывая глаз от неба.

— Готово!— сказал Атамурад. Он удивился, что линия «уперлась» как раз в «ручку» ковша, где была расположена звезда гораздо меньшая, не привлекавшая раньше его внимания.

— Видите звезду в конце линии? Это и есть Полярная звезда, а само созвездие называется Малой Медведицей. Теперь так: если мы встанем лицом к земному полюсу, впереди у нас будет север, сзади юг, слева — запад, справа — восток,— сказал профессор, незаметно для себя самого перейдя на интонации, привычные при чтении лекций в студенческой аудитории.

— Так... значит, мы, Камалиддин-ака, должны двигаться на запад?— спросил Атамурад. Какое-то смутное предчувствие подсказывало ему именно этот путь.

— Нет!— решительно возразил Салахиддинов.— Вы забыли, что нам точно неизвестно, в какой точке мы сейчас находимся. Надо определить хоть приблизительно направление, двигаясь по которому мы попали сюда, а потом уже решить, как поступать дальше, чтобы попасть к чинку.

— Как же мы теперь можем это узнать?— не скрыв своего удивления Султанов.

— Сейчас,— профессор попросил Атамурада включить фары,— сейчас увидите! Да не загораживайте же свет!

Все заинтересованно склонились над присевшим на корточки профессором, который быстро чертил что-то пальцем на песке. По очертаниям — Устюрт. Изображение точно повернуто к определенным только что сторонам света.

— Если это север, то там — восток. Тогда наш лагерь должен находиться вот тут, — Камалиддин-акаткнул пальцем в точку, где должен был находиться колодец Кугисема на краю чинка. — Мы ведь поехали на охоту именно отсюда и двинулись на восток. Если мы отклонились, ну, скажем, на несколько десятков километров, то мы сейчас примерно вот здесь. Значит, нам надо теперь ехать не на север, а прямо на запад. Самый близкий путь к чинку — этот. Верно? — профессор встал и отряхнул руки.

— Вы правы, домла! — кивнул Султанов, не отрывая глаз от карты на песке.

— Значит, разворачиваемся? — спросил Атамурад.

— Разворачиваемся! — решительно подтвердил профессор.

Почувствовав какое-то облегчение, все расселись по местам.

Минут через десять машина стала увязать в песке, а потом и вовсе забуксовала: неожиданно впереди возникли барханы.

Атамурад включил фары и прижал лоб к стеклу. Ему стало не по себе от однообразия и безысходности картины, которую он увидел: впереди открывалась гряда сплошных непроходимых песчаных возвышений, переходящих одно в другое.

— Придется, видно, подождать до утра, домла, — сказал шофер упавшим голосом, — барханы...

Стоя на подножке машины, профессор глубоко вздохнул:

— Боже мой, ну просто уму непостижимо, как мы сюда могли попасть!.. — Он повернулся к Атамураду: — А нельзя ли объехать это препятствие? Эти барханы?

Зульхумор решительно спрыгнула на песок, замаха-ла руками:

— Нет, нет, что вы, не надо этого делать! Заблудимся еще больше...

— Пусть будет по-вашему, дочка, — расстроенный профессор подошел к ней.

Ничего не сказав, глубоко вздохнул Султанов.

— Неужели никакого выхода? — с надеждой поглядел на домлу выскочивший из машины Артык.

Тот покачал головой:

— Думаю, нет. Здесь и заночуем! Ну ничего, не расстраивайтесь, друзья, как-нибудь перебьемся, одна ночь не тысяча...

Возразить на это было нечего. Камалиддин-ака снова забрался на сиденье. Да, оказывается, и его знания — не подмога. «Как дальше ориентироваться? Какое принять решение?» — увязая в песке, думал Султанов, прохаживаясь взад-вперед около газика и разглядывая на песке рисунок Салахиддинова.

Зульхумор тоже было пошла к машине, но остановилась вблизи Султанова в нерешительности. Прикрыв ладонью нос, она принюхивалась, и ей все казалось, что запах бензина, смешавшись с запахом сайгачьей крови, подступал к горлу, вызывал тошноту. Разве тут усидишь? Видя беспокойство девушки, Атамурад позвал ее:

— Идите-ка, Зульхумор, в машине теплее!

Он выключил фары и стоял, прислонившись спиной к закрытой дверце газика. Да и он чувствовал: из машины несло бензином и свернувшейся кровью. Перед глазами Атамурада снова беспомощно бился сайгак, слышались горестные восклицания Зульхумор: «Не подумали, что грех на себя берем, не подумали! Жестокые люди!»

Поежившись от этих воспоминаний, он присел около фар, прислонясь спиной к горячему еще от езды радиатору, и то ли от тепла, то ли от внезапно навалившейся усталости вдруг забылся. Почудилось ему, будто он спит и кто-то шершавым языком лижет его руку. Просыпается — во сне! — и видит, что около него стоит маленький сайгак. Из-под обломанного рога на мягкие губы тонкой струйкой течет кровь...

«Ой! — невольно вскрикивает он, — да это же тот самый... Он жив!..»

И вдруг сайгак говорит человеческим голосом:

«Я сжалился над вами и решил: ладно, я-то животное, а вы люди. Каждый из вас, наверное, со своими надеждами, вас ждут дома дети и жены. Хочу вам помочь и указать путь, как выбраться отсюда!»

«Но ведь они же тебя не пожалели! И после этого ты готов их спасти?» — удивляется Атамурад.

«Это вы, люди, кровожадные и злопамятные! Мы, сайгаки, создания безобидные, мы умеем прощать...»

Удивление Атамурада еще больше:

«И ты сжалишься над теми, кто погубил тебя за твои красивые рога и вкусное мясо?»

«Ты ничего не понял! — качая головой, говорит сайгак. — Когда я говорю о вас, я не имею в виду всех... Те, кто погубил меня, сейчас уснут глубоким сном. А ты

потихоньку разбуди профессора, девушку, и садитесь в машину. Я выведу вас к чинку! Пусть наказание настигнет только виновных».

«Спасибо за великодушие, но я так не могу! Бросить в пустыне даже виноватых — это бесчеловечно», — возражает Атамурад.

«Смотри, парень, как знаешь, но они никогда бы не поступили так, как ты. Если станешь обузой, не рассчитывай на их снисхождение: они бросят! У них черствое сердце!..»

«Что это, явь или сон? — Атамурад, тряхнув головой, окончательно проснулся, и видение исчезло. — Надо же, привиделось такое!»

От тучи над головой тем временем не осталось и следа, небо чистое, все в звездах. Спутники его прикорнули кто где и дремали.

2

Машина застряла в бархане и, казалось, вот-вот скатится по склону вниз: но то ли оттого, что колеса погружены в песок, то ли оттого, что Атамурад держит руку на тормозе, пока она стояла неподвижно. Зульхумор сидела рядом с Атамурадом, боясь пошевелиться. Ей очень хотелось сесть боком, вытянуть ноги, чтобы хоть как-то изменить неудобное положение. Нежный, как тонкий шелковый платок, ветерок коснулся ее лица, и на душе вроде полегчало. Вспомнив предупредительность Атамурада, глянула на парня: как это он почувствовал вчера, что у нее не было больше сил наблюдать за мучениями животного? Она с детства любила всякую животику. Помнится, когда была маленькой, отец каждой весной приносил ей двух маленьких овец. Зульхумор растила их, ухаживала за ними и так к ним привыкала, что казалось, и жить без них не сможет. Однако перед наступлением зимы отец готовился резать выхоженных ею овец. Приносил нож, точил его, и, видя эти приготовления, девочка заранее убегала со двора: знала, не сможет смотреть, как при ней лишат жизни животных, к которым она успела привязаться. Мать приводила ее за руку домой. Никогда Зульхумор не притрагивалась к мясу зарезанных отцом овец. Долго потом ей снились по ночам страшные сны и сердце ныло. Перечить отцу она не смела.

И вот теперь Зульхумор казалось, что между сиденьями навеки затих не степной сайгак, а одна из тех овечек ее детства, и потому она не могла заставить себя сидеть на заднем сиденье в машине; отдавала должное человечности Атамурада, который, поняв ее состояние, предложил сесть рядом с местом водителя.

Хотя Атамурад не такой ученый, как эти геологи, думала Зульхумор, он отличается от них, обладая достоинствами, которых она не находила ни в Артыке, ни в Султанове, ни в своем Сабире. Девушка знала, Сабир любит ее, но почему-то не может найти путь к ее сердцу, без конца ревнует, вечно обижен, капризен. Конечно же и она виновата. Надо ли за обиду платить обидой? Нужно ли было доставлять ему лишние огорчения во время застолья, делать вид, будто равнодушна к Артыку, а потом, назло Сабире, ехать с ним на охоту? Только теперь она поняла, как несправедливо поступила. Что ж, она наказана поделом, но ее мучили угрызения совести: бросила ведь Сабире в таком состоянии. Наверное, и он извелся, ожидая ее на базе. Они-то здесь заблудились и преспокойно дожидаются себе утра, чтобы двинуться в путь. А те, кто остался, ведь и не знают даже, живы ли охотники. Каково должно быть состояние людей, которые видели, как только что пировавшие с ними за одним столом товарищи отправились в пустыню, да еще навеселе, легкомысленно пообещав, что скоро вернутся, и не возвращаются уже столько времени! Что может быть страшнее такого ожидания!.. Конечно, бедному Сабире нелегко. Да и без машины как без рук: он не может ни пуститься на поиски, ни узнать, что с ними: ведь у него нет рации — Султанов же говорил перед отъездом, что она вышла из строя. Если бы они уехали днем, все могло быть куда проще: пешком Сабир добрался бы до казахского аула, взял бы верблюда и уже сообщил бы в Мангышлак о случившемся. А ночью куда сунешься?..

Зульхумор беззвучно плакала, слизывая с губ соленые слезы. Сердце ее разрывалось: ведь она ничем не могла помочь Сабире, успокоить, сообщить, что, слава богу, ничего страшного не произошло и они просто ожидают утра. Внезапно ее осенила догадка, Зульхумор радостно позвала:

— Домла! Атамурад-ака! А что, если разжечь костер? Чтобы было видно издалека?

— И в самом деле, почему мы до сих пор не догадались сделать это? — обрадовался, словно ребенок, профессор.

— Чем черт не шутит, может, действительно попробуем? — поддержал Атамурад.

Оживился и Артык:

— Чего-чего, а саксаула здесь завались!

— Тогда вперед — все на сбор саксаула! — подал голос Султанов.

Разошлись в разные стороны, не теряя друг друга из виду: от вышедшей из тумана луны стало светлее, и через десяток минут каждый уже нес по охапке сушняка. Его сложили на верхушке бархана и подожгли костер. Высоко взвилось пламя костра, и все тревожно поглядывали вокруг, будто ждали немедленного ответа на свой SOS.

Пламя поднималось все выше, как этого хотела Зульхумор, подавая сигнал любимому: теперь-то Сабир непременно зажжет ответный костер. И она ждала, не теряла надежды, вглядывалась во тьму, ей все казалось, что она видит Сабира: как он, спотыкаясь в темноте, торопливо собирает саксаул и вот-вот вспыхнет в темноте огонь его костра. Лишь бы увидел, лишь бы заметил...

Но проходили минуты томительного ожидания, костер потихоньку угасал, пламя становилось все ниже, и Зульхумор с отчаянием глядела в огонь: что поделать, не увидел, не разглядел их сигнала.

— Потерпи, милый, потерпи до утра, — едва слышно шептала она. — Любовь вытерпит и более долгую разлуку.

Зульхумор уж и не знала, кого она пыталась утешить: себя или Сабира, который не слышал, не мог ее сейчас слышать. Небо усыпано звездами, но ни одна не вселяла в душу надежды. Тысячи, миллионы звезд не заменят солнца, думала девушка. Одного, единственного.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Открыв глаза, Артык не сразу понял, что заснул. Пришел в себя, лишь когда взгляд упал на лежащего в ногах сайгака. И все сразу обрело реальность: перед глазами, как кадры в кино, пронеслись недавние события. На душе скребли кошки, он злился на весь белый свет. Взгляд снова остановился на затянута мертвой

пеленой глазе сайгака, и ему стало не по себе. Мутило. Отвернулся, чтобы не видеть животное, к убийству которого чувствовал причастным и себя. Вспомнил причитания Зульхумор. Да, поплатились они за содеянное. Может, не скажи она тогда всего этого вслух, ничего бы и не случилось? Но теперь уже поздно гадать. Артык суеверно покосился на сайгака: сидеть рядом было жутковато, он поднялся. И только, откинув брезент, собрался выйти из машины, как увидел совсем близко, метрах в пятистах, какую-то странную вышку. На мгновение Артык замер. Не веря глазам своим, протер их: что же это могло быть?

Едва стало светать. В небе теперь заметна одна-единственная звезда, и та вот-вот готова была померкнуть. Что же там, за барханами,— похоже на отдыхающих после долгого пути верблюдов? Уж не буровая ли?..

Артык спрыгнул на землю, обежал газик, обрадованно закричал:

— Эге-гей! Вставайте! Нам кажется, повезло! Мы выехали к буровой!

— Что? Что? Что случилось? О какой буровой речь?

Сонные путники, которым мгновенно передалось волнение Артыка, выходили из машины, обступили его.

— Всмотритесь же, это точно буровая! Ночью мы ее, наверное, не разглядели!— и Артык снова вглядывался туда, где у края бархана теперь уже всем виделась вышка.

— Похоже, действительно похоже... на вышку,— захлопала в ладоши Зульхумор, но Камалиддин-ака отрицательно покачал головой:

— Нет, дочка, это не буровая... Не похоже что-то.

На Артыка словно вылили ведро холодной воды.

— Действительно, если это буровая, то почему люди, работающие там, не заметили вечером наш костер?— с недоумением проронил Султанов.

Артык вышел из себя:

— Вышку вы не видите, что ли, слепые!— Остывая, высказал предположение:— Правда... Может быть, она недостроенная, поэтому вечером там не было рабочих...

Атамурад с недоумением посмотрел на него, молча вернулся к машине.

— Что же, если это вышка, то скоро придут на работу либо нефтяники, либо строители.— Зульхумор поглядела на всех вопросительно, ожидая поддержки своей догадке.— Верно ведь?

— Трудно сказать что-либо определенное не подойдя ближе,— с сомнением высказался профессор.

Наклонившись к возившемуся у машины Атамураду, домла спросил, осталась ли у него вода, чтобы умыться.

— Сейчас, сейчас принесу!— отозвался юноша.— Вода-то есть, а вот полотенцем мы не запаслись...

— У меня есть чем вытереться, вот, пожалуйста,— с этими словами Зульхумор сняла с шеи легкий узорчатый платок.

Атамурад полил из кружки всем на руки, профессор поблагодарил:

— Спасибо, дорогой, да будет у вас всего в изобилии. Как приятно, сразу как-то легче стало!..

Вытерев руки, Султанов обвел всех вопросительным взглядом:

— Ну что, может, теперь подъедем поближе? Совсем рассвело.

Султанов заторопил Атамурада:

— Давай быстрее! Да с водой поэкономней! Поэкономней!

Все расселись на ставшие уже привычными места, но молодой шофер почему-то не торопился. Открыв капот, он подкручивал какие-то винтики. Артык тут же, словно порох, взорвался:

— Говорят тебе, поехали, что мешкаешь? Странный ты все же человек, парень, начальника своего ни в грош не ставишь! Впервые вижу такого упряма!.. Будь я на месте товарища Султанова, давно бы выгнал тебя с работы. Таким, как ты, станешь потакать — ей-богу, на шею сядут!..

Но Атамурад будто не слышал этого потока брани, не спеша вытирая руки о масляную тряпку. Так же не спеша осторожно развернулся, спустил машину с бархана.

От неожиданно пришедшей вдруг в голову мысли Артык остыл, замолчал. «Ведь говорят же,— думал он,— на тысячу пахарей одна голова. Раз Султанов такой растяпа и не может стать нашим «мозговым центром», эту миссию возьму на себя я, Артык. В таких ситуациях надо проявлять решительность, иначе заплатить собственной головой. Вот я и поведу дело так, что все эти людишки станут кланяться тени своего спасителя, будут думать-гадать, как бы меня, Артыка, отблагодарить. А сейчас им просто невдомек, на что

я способен. Я им еще покажу, каким должен быть настоящий руководитель, лидер. Да! Только так и можно вырваться из этой пустыни — под руководством сильного, волевого человека, способного принимать смелые решения и подчинить себе всех. Да, да, всех, даже самого профессора-всезнайку... Пропáсть не за понюшку табака — нет, Артык не из таких! Я еще поборюсь!..»

Тем временем Атамурад пытался преодолеть очередной бархан, вставший на пути, но вынужден был остановиться и, как это ни печально, посоветовал профессору, что, по его мнению, дальше им следует пойти пешком.

— Что же, чем так мучиться и машину калечить, давайте в самом деле пойдем. Тем более то, что мы видим, кажется... вовсе не буровая... — С этими словами Салахиддинов снова глянул на подобие вышки, поднимающееся среди барханов.

Все по одному сошли на землю и стали подниматься на труднодоступный для газика бархан. Артык упрямо повторял про себя, словно заговаривая пустыню, что это буровая, буровая, буровая... Но, едва добравшись до вершины бархана, где только что, казалось, маячила вышка, он с разочарованием убедился, что ее тут нет и в помине. Сердце его будто оборвалось, ноги стали ватными. От недавней бурной радости не осталось и следа.

— Вот тебе и буровая! — не сдержавшись, съязвил Султанов.

— Обычная вышка, — едва слышно произнесла Зулхумор.

— Нет, не обычная, деточка, а тригонометрическая, — поправил профессор.

Артык опять обозлился, но, не зная, против кого бы на сей раз направить свою слепую ярость, он не желал, однако, оставаться в дураках и старался оправдаться хоть перед самим собой — ведь собственное мнение он ценил куда выше всех остальных.

— Это еще неплохо, ведь вышка-то все-таки есть! Хоть и... тригонометрическая, — снисходительно заметил он. — Заберемся на нее и увидим ближайшие пути-дороги. Какую-нибудь да выберем!

Все хранили молчание, лишь Султанов просиял, снова загоревшись надеждой на скорое возвращение:

— Это вы хорошо придумали, Артык. Если мы найдем, например, Николаевский тракт, дальше-то пара пустяков! Дальше будет легче!

И Султанов, волнуясь, заторопил Атамурата:

— Лезь-ка, парень, на вышку, давай погляди, может, на наше счастье, виден отсюда тракт. Ты его знаешь, столько раз по нему гонял! Давай действуй!

Артыка по-прежнему бесил снисходительно-начальственный голос Султанова: ведь не он же, Султанов, черт возьми, первым увидел вышку, а тоже, распоряжится теперь! Да еще каким тоном! Но желание первым увидеть тракт победило, заставило говорить покладисто:

— И я могу, товарищ Султанов, полезть, — с готовностью вызвался Артык. — Это ведь ерунда по сравнению со скалами, которые приходилось мне штурмовать не раз, тут ведь даже готовые ступеньки имеются!

И, обгоняя Атамурата, он побежал к вышке. Схватившись за железные поручни, быстро поднялся и, оглянувшись, увидел неспешно поднимающегося следом за ним Атамурата. «Ну что ж, он ведь тракт знает, пускай за мной лезет», — подумал Артык, стараясь отдышаться. Но чем выше он взбирался, тем дальше отодвигался горизонт, небо будто обступало его со всех сторон, открывая перед глазами все более далекую перспективу.

Пустыня как на ладони. То место, откуда они приехали, виделось отсюда гладкой поверхностью; с другой стороны, насколько хватало глаз, лениво переваливались нескончаемые волны барханов; между ними попадались скрюченные, высохшие от изнурительного зноя саксаулы, еще ниже — ровные заросли тамариска. Поразил блестящий край алого, словно гранатовый сок, диска солнца. Артык поднялся на ступеньку выше — и солнце тоже, казалось, увеличилось на сантиметр-другой; он сделал еще несколько шагов — и замерцала, алея, уже половина светила, будто огромная застывшая капля. На мгновение отвлекшись от своих мыслей, Артык залюбовался этим невиданным зрелищем. Но вот Атамурат почти догнал его, каждый шаг шофера сопровождался звонким ударом подковок на сапогах о железные ступени. Почувствовав его приближение, Артык заторопился наверх; переступив последнюю ступеньку, поднялся на площадку вышки, посмотрел вниз, и сердце его оборвалось: он что было сил вцепился в железные поручни площадки.

Перед ним, как в последний миг жизни, прошли прожитые годы. Ох, каким он помнит себя еще десять лет назад! Нипочем были ему отвесные скалы. Как лег-

ко, уверенно взбирался на них вместе с бывальыми альпинистами, удивляя силой, ловкостью, упорством... Да, в студенческие годы каких только вершин не пришлось брать... И сердце ни разу не дрогнуло. А теперь, подумав только, на этой вышке, метрах в пятнадцати от земли, голова закружилась! Наверное, только в молодости легко и беспечно люди преодолевают любую вершину... Ну и что с того, подумалось тут же, что запросто брал их? Это все дела, которым грош цена в базарный день, единственная польза от них — потешить собственное самолюбие, ну и, может быть, перед девушками покрасоваться... Недаром ведь говорится: пока человек наберется ума, вся жизнь пройдет...

Атамурад уже стоял рядом. Оставшиеся внизу казались отсюда маленькими точками; запрокинув головы, все с надеждой смотрели на них: ведь тут, наверху, решалась их судьба.

Артык огляделся вокруг и не смог не ужаснуться: ровную гладь пустыни в разных направлениях пересекали десятки путей-дорог.

— Ой, сколько их! Шоферы, видно, прокладывали их как попало, и который из них Николаевский тракт, пойдя разберись!.. — Голос Артыка был хрипл, сел от волнения.

Атамурад не без иронии улыбнулся, поглядел на солнце:

— Шофер потому и шофер, что дороги различать умеет. Иначе на машине ездили бы все подряд.

Артыка замечание задело, но, оказавшись тут, на вышке, с Атамурадом наедине, он и виду не подал:

— Смотрите-ка, вон та дорога... кажется, идет на юг. Не Николаевский ли это тракт?

И Артык указал рукой на довольно широкую полосу, что проходила по пустыне чуть левее солнечного диска на горизонте.

Атамурад покачал головой:

— Нет, тракт не может быть таким извилистым, да и дорог к нему должно стекаться много: они то сливаются с ним, то снова бегут рядом... Мне ведь, наверное, и в самом деле тысячу раз приходилось по нему проезжать. Странно!.. Я вот только удивляюсь, откуда взялись эти проклятые барханы? Ума не приложу!.. Эка нас занесло... Ведь по пути сюда мы, кажется, не видели ни одного бархана, так?

— Кажется... не видели, хотя уверенно сказать не могу: темно ведь было...

— Как же теперь нам быть? Как определить, где мы сейчас находимся?

Атамурад не ждал ответа на свой вопрос: снова до рези в глазах вглядывался в пески и пересекающие их во всех направлениях дороги.

— Ладно, что поделаешь, едем на запад, огибая барханы!..

Про себя Артык согласился с таким решением. Что толку петлять, как вчера... Черт, и рацию, как назло, отдали уехавшим в Агачкудук, будто самим не нужна.

В это время Султанов, стоя внизу, замахал руками, спросил:

— Что-нибудь видно-о?

Атамурад отрицательно покачал головой и молча стал спускаться обратно. Артык подумал: а вдруг парень все-таки что-нибудь разглядел?.. Ну и не повезло! Связаться с такими бестолковыми людьми... Теперь главное — лишь бы хватило бензина. Не приведи господи, кончится!

Он так быстро стал перебирать ногами, спускаясь вниз, что ему в какой-то момент показалось: вот-вот упадет! Схватившись за поручни, он в панике летел, перепрыгивая через несколько ступенек, чтобы поскорее выяснить, сколько же осталось бензина. И уже на земле, отдышавшись, спросил спустившегося шофера:

— Подожди-ка, браток! Скажи, сколько у нас еще горючего?

Атамурад был готов к тому, что рано или поздно его об этом кто-нибудь спросит, и теперь, когда услышал вопрос, пожал плечами, ответив, что это надо уточнить.

— А, не знаешь? Тоже мне, шофер называется! Не знаешь, сколько бензина осталось, что уж про дорогу толковать! Может, заявишь еще, что запасная канистра с бензином у тебя на базе осталась? — съехидничал Артык.

Атамурад старался избегать настойчивого взгляда Артыка, губы того дрожали.

— Ну скажите, Артык, разве мог я предположить, что все так обернется? — невольно вырвалось у него.

Артык медленно приблизил к нему лицо:

— Вещие сны, братец, тебе совсем видеть не обязательно! Но ты шофер и изволь быть предусмотрительным. Разве я неправ?..

Артык сваливал всю вину на Атамурада, чтобы тот не очень-то выхвалялся своими познаниями в шоферском деле. Всегда невозмутимый Атамурад на этот раз не стерпел:

— ...Разве вы когда-нибудь можете быть неправы? — оборвал он Артыка на полуслове. — Что попусту спорить с вами или что-то доказывать?

— Артык-ака! Атамурад! — вмешался Султанов. — Разве время сейчас выяснять отношения? Что это может решить теперь?

Но тут досталось от Артыка и ему:

— Решит не решит, гадать не надо! Это так! — согласился Артык. — Но вот кое-кому, кто других в свои темные дела втягивает, и вовсе лучше бы помалкивать! О чем тут с вами толковать, когда вас собственный шофер не слушается? Были бы вы настоящим шефом, наказали бы своему Атамураду как следует готовиться не только к застолью, но и к охоте. Кто должен заботиться о бензине, воде, пище? За что он получает у вас зарплату? Для чего тебе государство шофера выделило, а? — неожиданно перейдя на «ты», распаялся все более Артык. — Я уверен, он и в дорогу не взял ни воды, ни пищи... Спроси-ка его сам, что он на это ответит?

Султанов пытался что-то возразить, но потом, безнадежно махнув рукой, оставил эти попытки. Атамурад же не верил глазам и ушам своим, удивленно слушал и смотрел на наглеца, будто видел его впервые.

— А! Не нравится вопрос, — продолжал кипятиться тот. — Правда глаза колет!..

И вдруг, не владея собой, Артык кинулся к машине, включил зажигание: стрелка уровня бензина в баке чуть отклонилась от нулевой отметки. Увидев это, он до смерти перепугался, замер, ошеломленный, почувствовал, как на спине выступил холодный пот. При таком запасе и сорока километров не проедешь. А дальше что? Пешком? Голодными, без воды?.. Без еды, конечно, еще можно потянуть, а вот без воды как в пустыне? Не выдержать и трех дней! А потом их трупы найдут, может быть, через много лет... Нет, не для этого Артык приехал сюда, чтобы найти тут могилу! Не для того ехал сюда Артык, чтобы стать пищей для воронов! Нет!..

Он, не владея собой, бежит куда-то вниз по бархану. Вдруг останавливается в крайнем возбуждении, снова возвращается к машине, откидывает брезент и судорожно принимается шарить под сиденьями. Отодвигает

лежащего в проходе сайгака, вытаскивает почти пустой бурдюк из-под воды, поднимает его над головой, идет к остолбеневшему от его действий Атамураду. Сердце Артыка как кузнечный молот, он весь охвачен дрожью, но не в состоянии с собой совладать. Не приблизившись еще к шоферу, он истошно кричит:

— Где были твои глаза, бестолочь? Мало того что не удосуужился подумать о бензине, ты еще и о воде запамятовал?.. — Он трясется от страха перед неизвестностью, и слышно, как в бурдюке, который он все еще держит в руках, булькает вода. — И это все, что у нас осталось! Вот, любуйтесь все! И он еще не желает признать себя виновным!..

Атамурад бледнеет на глазах и неожиданно не только для Артыка, но и для всех путников, обычно спокойный, уравновешенный, взрывается:

— Я вам не раб! Чуть что — сразу другие виноваты! Все с других спрашиваете! «Готовь дастархан!» «Вези на охоту!» Что, совсем забыли, в какое время живете, товарищ бай? В советское время! Одна тысяча девятьсот семьдесят девятый год!..

Артык ошарашен, испуган. Остальным, он видит это по лицам, тоже неудобно, но никто не решается взглянуть в лицо Атамурада. Злость с него уже почти сошла:

— Надо же иметь хоть каплю совести, Артык! Обвиняете меня во всех грехах, а я ни в чем, честное слово, ровным счетом не виноват!

Атамурад медленно идет на бархан, садится спиной ко всем на его вершине. Воцаряется неловкое молчание. Думая, что сейчас кто-нибудь бросится его поучать, Артык отворачивается. Но все, подавленные, молчат.

Глубоко вздохнув, профессор идет следом за Атамурадом, садится с ним рядом, доверительно кладет руку на плечо, не говоря ни слова. И в этом молчании, понимает Атамурад, скрыто многое. Профессор поглаживает парня по спине, словно успокаивает малого ребенка, потом пристально смотрит на оторвавшееся от горизонта огромное солнце и громко произносит, чтоб его слышали все:

— Пока прохладно, надо бы немного проехать. Как вы думаете, Атамурад? Скоро, наверное, будет очень жарко.

Услыхав эти слова, к ним устремляется Артык. Лицо его искажено злой гримасой. Он цедит сквозь зубы: «Очень жарко, видите ли! Подумаешь, персона какая,

придется немного и пешочком пройтись! Опять умоляют этого несчастного шоферишку, защищают, ватку подкладывают, чтобы падать было не больно. Ах, ах, ах!.. За что, интересно, ему такой почет и уважение? Вот придется тащиться пешком, тогда посмотрим...»

Нагнувшись, Артык ставит бурдюк под сиденье. В это время Атамурад с профессором идут к машине, остальные тоже молча следуют их примеру. Артык в нерешительности, будто не зная, что ему теперь делать, когда всё, кажется, против него... Он чувствует себя отверженным, одиноким, сердито смотрит на Султана, и тот подмигивает ему, словно хочет сказать: «Садись-ка ты, братец, да помалкивай, не действуй на нервы!..»

Он усаживается на прежнее место. Сейчас ему ничего не мило, он волнуется: мало бензина, нет воды! Что будет?

Атамурад уже за рулем, и вдруг с прояснившимся лицом он оборачивается к профессору:

— Ой, домла, ведь у нас же есть... компас! — вспоминает он радостно. — Там, в сумке, по нему-то мы уж непременно отыщем дорогу!

Геологи оживляются.

— И в самом деле! Как же это мы о нем забыли?! Совсем забыли!..

— Где? Да где же он?

— Вот! — Султанов вытаскивает свою засунутую под сиденье сумку. Язычок стрелки прикрепленного к ней компаса, поколебавшись, указывает на север.

— Как же мы не вспомнили о нем до сих пор? — не перестают удивляться все.

Артык спокойно усаживается, облегченно вздыхает: слава богу, есть правда на земле! Хоть компас нашли...

— Да, да, это мой компас, видите, вот он, три дня назад прикрепил его к походной сумке, а теперь забыл! Как это я так? — оживляется Султанов, не подозревая, что в следующую минуту все обернется против него.

— И это называется начальник геологической партии! Хозяин! И о чем только вы думаете? Где витаете? — грубит Артык.

Но никто уже не обращает на его дерзкие слова никакого внимания. Все рады и этой спасительной малости, от которой может зависеть так многое. Нашелся компас! На переднем сиденье, положив сумку на колени, профессор определяет стороны света, еще немно-

го — и станет окончательно ясно, в каком направлении надо двигаться.

— Поедем туда, мимо барханов! — он рукой показывает Атамураду направление. — Да, да, мимо!

— Есть — мимо барханов! — по-солдатски четко отчеканивает Атамурад, разворачивая машину. Газик мчится вдоль барханов, догоняя собственную длинную тень.

Все вокруг одного цвета — цвета желтой глины — от мельчайших пылинок, носящихся в воздухе, до стелющейся по земле полыни.

Все желто-бледное, даже сердце сжимается от этого однообразия, глаза не в состоянии на чем-то долго сосредоточиться. По мере приближения к очередному скоплению зарослей саксаула и оно приобретает тот странный цвет, на который раньше никто из тех, кто сидит в машине, кажется, и внимания не обращал.

Странное впечатление производят на людей пепельного цвета мертвые листья гребенчика и засохшие цветы саксаула. Чем дальше, тем сильнее сжимается сердце у Зульхумор от гнетущего однообразия этой картины.

«Неужели Устюрт такой бескрайний и безграничный? — лихорадочно соображает Артык. — Где же наконец тракт? Уж сколько дорог пересекли и дорожек, просто не верится, что ни одна из них не ведет к чинку! Интересно, сколько же дорог нам предстоит еще миновать, прежде чем они окончательно сориентируются?» Артыка охватывает неподдельный ужас: скорее бы тракт, скорее бы, скорее! А из головы все не идет расписанный яркой масляной краской его дом в Ташкенте, блестящий «Москвич» в гараже, теплица, где в этом году особенно обилён урожай лимонов, баня в углу двора... Правда, туда еще не подключен газ. Вот вернется... Перед глазами встает жена в ярком атласном платье, при малейшем стуке оборачивающаяся на дверь, ожидающая его денно и нощно. Вспоминаются пухленькие, один холенее другого дети. Сердце снова болезненно сжимается. Чем он только в своей жизни не занимался, за какую работу не хватался!.. И все только для того, чтобы баню построить или теплицу оборудовать. Да чтоб не хуже, чем у других. Никогда не думал о себе, вкалывал как раб. Даже собаки и те отдых имеют, а он не знал его никогда...

Покой... Разве он мог знать, что это такое? А студенческие годы? Еще на втором курсе начал заниматься перепродажей разного шмотья, доставать у знакомых из-под полы дефицитные вещи, сбывать их втридорога... Откармливал три-четыре пары бычков. Как это называется? Да, вспомнил, поставщик скота... Цветы чемоданами возил, главным образом тюльпаны, в Москву, в Ленинград. Но это цветочное дело у него почему-то не пошло. Не сумел извлечь большой выгоды от их перепродажи, занялся садоводством. Выстроил теплицу, зимой поставлял в рестораны зелень, укроп, весной — на базар цветы. В Ташкенте, помнится, одно время были модны гладиолусы — года два подряд он успевал выращивать их к Восьмому марта, не говоря уж о других праздниках. Кучу денег зарабатывал. Кончил институт, а в гараже уже стоял новенький «Москвичок». Устроившись на полставки в ближайшую поликлинику, днем разводил цветы, вечером подрабатывал: возил пассажиров. Недоумевал порой, как это люди не могут понять, что деньги, которыми они желают обладать, лежат у них прямо под ногами, и, чтобы положить в карман хрустящие купюры, надо только... нагнуться. Артык научился делать деньги на каждом шагу. Но скоро и этих заработков показалось мало, поэтому однажды пришло решение принимать больных дома. И тогда он по-настоящему пожалел, что до этого разбазаривал силы и время бог знает на что: прием на дому оказался делом куда более прибыльным. Чтобы поправиться, избавиться от болезней, люди денег не жалеют: давали, сколько спрашивал. И он было совсем успокоился, но в махалле, без его участия, как стали поговаривать, отправились к праотцам раньше времени несколько его соседей, и теперь при виде его люди бледнели, переходили на другую сторону улицы, будто видели перед собой привидение.

Потерпев поражение в лекарском деле, увлекся дальними поездками. Летом месяца на два-три брал отпуск за свой счет и нанимался в экспедицию то врачом, то рабочим: не хватало денег — вознамерился сменить «Москвича» на «Волгу». Человека, работающего в экспедициях, разве кто-нибудь спросит, откуда, мол, такие средства? И так понятно: такой труд!.. Теперь вот оказался в Устюрте! Понесла же нелегкая, нет чтобы спокойно заниматься цветоводством! Спрашивается, чего не хватало, теперь все это боком выйдет! Как выбраться

из смертоносной пустыни? Как?.. Неужели нет выхода? Только бы выбраться! Ей-богу, никогда впредь не стал бы убиваться из-за денег. Радовался тому, что есть, спокойненько бы доживал свой век. Только бы спастись! А если погибнет... кому достанется все? Дом полная чаша, теплица, машина... Неужто он все это никогда не увидит? Господи, не оставь, помоги! Жена верная, поплачет-поплачет да перестанет. Справит поминки, двадцать, сорок дней. Потом годовщину. Соблюдет все обряды... Но не будет же ходить в трауре всю жизнь. Молодая, красивая женщина? Выйдет замуж, выйдет!.. И набросит чужой мужик на плечи любимый домашний халат Артыка — не пропадать же добру!.. И будет расхаживать по его дому, ласкать его жену. И за баранкой «Москвича» сидеть будет. В его бане будет париться... О, невыносимо!..

— Нет! Не хочу! Не бывать этому! — чуть не закричал во все горло Артык, но осмотрительно тут же прикрыл ладонью рот.

Господи, да что это с ним такое?

Машину подбросило раз, другой и вдруг заглох мотор.

Атамурад горько вздохнул, с трудом произнес:

— Вот и все! Кончился бензин!

На лице его была мука, все почувствовали это.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

У Атамурада невольно вырвалось: «Вот и все», но, обернувшись, он пожалел о сказанном. Не подумал, какое впечатление на спутников произведет эта безысходность. Даже такой выдержанный человек, как домла, и тот, будто отказываясь верить шоферу, нагнулся к счетчику. Убедившись, что стрелка на нуле, переменился в лице.

Побледнел и Султанов.

Про Артыка и говорить нечего: на него страшно было смотреть, и никто, казалось, не слышал его крика, будто оглохли все.

— Кончился? Так скоро? — на лице Артыка ужас, глаза нездорово блестят.

Ни на кого не глядя, Атамурад вышел из машины, в голове крутилось одно: если уж бывалые и опытные мужчины пали духом, каково-то Зульхумор... Но, глянув искоса на девушку, удивился: она была спокойна, задумчива, будто ее не касалось сообщенное Атамурадом. Молча глядела она на рюкзак, брошенный тут же в проходе машины, рядом с образцами пород. Казалось, ей было невдомек, отчего случилась остановка, настолько она была погружена в свои мысли.

Ей, конечно, тяжелее других, пожалел Атамурад. Мужчины-то как-нибудь выдержат, потерпят, но как она вынесет голод, жажду? Ох, надо было ее оставить там, в лагере, не тащить с собой на эту проклятую охоту. Да и она, кокетка, напрасно дразнила своего Сабира, вызывая ревность. Атамураду казалось, что Зульхумор мучается и уже жалеет о содеянном. Но ведь раскаяться — это еще полдела, лишь бы не пришлось сожалеть потом всю жизнь...

Атамурад посмотрел на профессора, задумчиво рассматривавшего бесконечные барханы. Очки в массивной оправе придавали солидность умному, чуть полноватому лицу домлы.

Заметив, что молодой шофер задержал на нем свой взгляд, профессор снял очки, которые на солнце заметно темнели, протер платком.

— Атамурад, как по-вашему, теперь-то где мы находимся? А?

— Барханам конца нет. Похоже, мы не выбираемся, а, наоборот, углубляемся в пустыню, хотя вроде бы правильно сориентировались по компасу. — Парень выпалил разом все, о чем догадывался каждый, но боялся произнести вслух.

— Как назло, и карты наши геологические, все до одной остались в лагере! — с досадой произнес Султанов.

— Кто ж мог знать, даже предполагать, чем закончится наша охота? — грустно усмехнулся Салахиддинов.

— Вы, профессор, имеете в виду барханы? — спросила тоже вышедшая из машины Зульхумор. — Знаете, вчера незадолго до нашей поездки я глянула на карту — просто надо было что-то уточнить... Так вот, именно в Карыкамышской котловине, я обратила внимание, обозначены барханы — много барханов...

— Вы хотите сказать — в Сарыкамышской? — поправил Султанов.

— Верно, верно! — подтвердил профессор. — В Устюрте есть котловина с таким названием, на карте, правда, она едва заметна... Если ее пересечь, то путь к чинку будет снова пролегать через нее. А мы это уже сделали один раз, следовательно, надо еще раз ее пересечь. В обратном направлении. Может, конечно, есть и другой путь, не знаю...

Все молчали, потому что никто не мог предложить иного пути.

— Как бы то ни было, — решил высказать свое мнение Атамурад, — мы должны двигаться в том направлении, где есть вода. С голоду мы, скорее всего, не умрем, но вот без воды... Без воды нам придется тяжело.

Артык перехватил взгляд шофера, устремленный на профессора, — глаза его еще больше напряглись, лицо побледнело. Прислонившийся к крылу машины Султанов судорожно перевел дыхание.

— Не дай бог, — промолвил он едва слышно, — в этой проклятой пустыне остаться без воды!

Долго сдерживаемая ярость Артыка снова плеснула через край, он с ненавистью поглядел на Султанова:

— Так, значит, ты знал? Знал? Да? Почему ж тогда ни слова не сказал об этом, когда всех приглашал на охоту? За что ты мстишь нам?

— Я?.. О чем вы, Артык? За что я могу вам мстить? — в изумлении прошептал Султанов.

— Тогда почему ты так поступил? Скажи, почему? С этим смехотворным запасом воды разве доберешься до чинка? Ты подумай своей головой?! Что с нами будет, если, если...

Артык в иступлении размахисто жестикулировал, подступая чуть ли не с кулаками к Султанову, но Атамурад преградил ему дорогу, легко приподнял, оттащил подальше.

— Как не стыдно, вы же взрослый человек! — он осуждающе посмотрел на Артыка. — Вы же не хлипкая женщина, в конце-то концов! Или думаете, что, кроме вас, тут никто не хочет сохранить свою жизнь?.. Возьмите себя в руки, будьте мужчиной!

Ошеломленный в первый миг силой, которая была в руках этого парня, Артык, видя, что тот может завестись не на шутку, стерпел, проглотил обиду, отвернулся.

Атамурад усмехнулся про себя: «Слава богу, сообщать начал!» — отошел от Артыка, но, увидев Зуль-

хумор, расстроился: девушка, кажется, только теперь начала понимать, в какое положение они попали. С мольбой глядя то на Атамурада, то на машину, не желая верить, что теперь стальной конь, пронесший их столько километров по этим песчаным дорогам, бессилён помочь, она молча плакала.

Сердце Атамурада сжалось, он отвел глаза, чтобы не видеть ее слез: ох, сестренка, думал он в сердцах. Да разве кто-нибудь мог предполагать такое? Несчастье, что не оказалось запасов ни воды, ни бензина... А виноват, наверно, больше всех он сам: нечего сердиться на начальника. Султанову ни в коем случае нельзя было доверять управление машиной, самому всегда надо все проверять перед поездкой и только потом садиться за руль. Атамурад злился на себя и на Султанова, понимая, что злость, конечно, делу не помощник, и предвидя, как тяжело придется девушке...

Солнце, взошедшее над пустыней, нещадно слепило глаза. Атамурад глядел под ноги и, чтобы не выдавать минутной слабости, занялся делом. Поднял брезент, принялся искать что-то под сиденьем.

Стоявший в раздумье Салахиддинов опять снял очки и, подняв голову, глубоко, всей грудью, вздохнув воздух, по-отечески притянул Зульхумор к себе:

— Ты не бойся, дочка, ничего страшного не произошло. В первый раз, что ли, в переделку попадать? Бог даст, ничего с нами не случится. Мы с тобой! — ободрял он девушку, молча со страхом глядевшую на бесконечные барханы.

Слова Атамурада «надо быть мужчиной...» глубоко уязвили Артыка.

Профессор давно испытующе поглядывал на него. Потом заговорил резко, не скрывая неприязни:

— Вы, дорогой, поймите одно: с вами будет то же, что с остальными. У тех, кто в одной лодке, судьба одна. Выбросьте из головы мрачные мысли, умерьте свой пыл и помогите-ка лучше Атамураду! Надо перекусить, чем бог послал, и двигаться дальше. Что толку в пререканиях? А вы, — он обернулся к Султанову, — разделайте тушу сайгака, пока она не испортилась от жары: не бросать же мясо, раз уж так случилось... Вы ведь мастер на все руки. А мы тем временем с доченькой Зульхумор наберем сушняка. Договорились? — Он ласково потрепал девушку по плечу.

Зульхумор улыбнулась.

— Да я одна справлюсь, не беспокойтесь, профессор, — сказала она и побежала к зарослям саксаула.

Атамурад облегченно вздохнул и принялся искать под сиденьем кумган, но, пошарив, вместо него вытащил котелок и обрадовался находке: как-никак для варки мяса ничего лучше не придумаешь. Снова заглянул под сиденье, продвинул вперед рюкзак с образцами камней, возле него обнаружил сумку с остатками вчерашнего пиршества: три банки консервов, початая буханка хлеба, несколько кусков сахара. На самом дне кружка и несколько алюминиевых ложек. Продолжая поиски, кроме брошенной когда-то им же самим помятой канистры, ничего больше не обнаружил. Огорченный этим, потрогал бурдюк с водой: совсем мало, не больше полведра... Это не явилось новостью, и все же он растерялся: «Плохи дела. Надолго ли этого запаса хватит? А дальше-то что делать?»

Вдруг на память пришла история, случившаяся как-то в Устюрте с кассирами, которые везли зарплату рабочим дальней буровой, у самого Аральского моря. Машина вот так же заблудилась, и водитель, молодой парень, решил дожидаться помощи, не мотаться зря по пустыне. Он не пустил кассиров никуда, все трое суток те безвылазно просидели в кабине. Когда уже не выдержали нервы и они пытались сбежать, он переловил их, насильно привязал к сиденью и только этим спас; парень твердо верил: их ищут и найдут. Атамурад мысленно представил себя на месте того шофера: а что, если и он никуда не пустит своих пассажиров, постарается удержать их здесь? Ведь, наверное, и впрямь целесообразнее ждать на одном месте. Ведь не будут же бездействовать оставшиеся в лагере Сабир и Мухамаджан! Сообщат на Большую землю, и начнутся поиски...

Сидя в тени на подножке машины, Салахиддинов беспрестанно обмахивался соломенной шляпой, вытирал платком лысую голову и внимательно наблюдал, как Султанов искусно разделял тушу сайгака. Артык помогал, держа животное за ноги, но весь по-прежнему находился во власти своих дум.

Профессора, конечно, можно уговорить не трогаться с места, а вот как объяснить баламуту Артыку? Этого, пожалуй, как тех кассиров, только и удержишь, насильно привязав к сиденью. Законченный эгоист, любой ценой хочет вырваться из пустыни, но лишь бы самому спастись, а что будет с остальными — не его забота.

Руки Атамурада заняты, мысль работает беспрестанно, он взвешивает, оценивает людей, как они будут реагировать на его предложение переждать у машины, не рваться дальше в объятия Устюрта.

Султанов, естественно, верит в собственные силы. Здоровый, как медведь, и он наверняка не усидит. Его не привяжешь, это точно! Будет пытаться выбраться своими ногами.

А профессор? Ведь при его грузности ему придется трудно, далеко не уйдет. Он, конечно, пойдет вместе со всеми, если такое решение будет принято, но, обладая трезвым умом, предпочтет ожидание. На опрометчивые поступки наверняка не способен...

Увидев, что Зульхумор несет вторую охапку сухих веток, Атамурад пошел навстречу. Взяв вязанку из ее рук, он укрепился в мысли, что хотя бы ради девушки, набравшись терпения, надо ждать помощи и не трогаться с места.

2

Беспокойство Султанова возрастало по мере того, как его взгляд в очередной раз падал на Артыка, тоже помогавшего ему. Бог с ним, уж лучше бы не помогал, думал Султанов. Ему казалось: одно его неосторожное слово и он снова навлечет на себя взрыв недовольства этого парня. И неизвестно тогда, успеет ли на этот раз разнять их Атамурад: ведь у него, у Султанова, в руках нож...

Из памяти не шли слова Артыка: «Так ты значит, знал? Но почему ни словом не обмолвился об этом, когда звал на охоту? За что ты хотел отомстить нам?»

Часто так случается, боишься одного, а удар тебе из-за угла наносит другой. Вот и Султанов, опасливо косясь на Артыка, неловко повернул в руке нож и порезал себе руку. Но ни боль, ни вид крови не отвлекли от какого-то суеверного страха перед этим человеком.

Не дай бог, если что-нибудь случится с профессором. Тогда Артык, уж это точно, всю вину свалит на него, Султанова, как на главного организатора охоты. Да еще в нетрезвом виде, как пишут в протоколах... Это ведь не человек, а чертов ловкач. Как бы ему заткнуть рот, чтобы он помалкивал? Чем припугнуть?..

Тем временем закипел чай, Зульхумор в тени машины расстелила вместо скатерти старые газеты. Из жир-

ных кусков мяса Атамурад приготовил в котле шашлык, выложил его кучкой на середину импровизированного стола. Все молча, без аппетита, принялись за еду.

Султанов по-прежнему исподтишка разглядывал Артыка, который, к его удивлению, не обращал ни на кого внимания и преспокойно уплетал мясо. Надо же, и в такой ситуации не теряет аппетита, как ему только еда в горло лезет, удивлялся начальник партии.

Профессор настойчиво напоминал:

— Ешьте, ешьте, когда еще следующий раз придется перекусить...

Зульхумор вопросительно подняла глаза на Салахиддинова:

— А что, скоро снова отправимся в путь, домла?

Атамурад удивленно посмотрел на Салахиддинова, вместо него, ехидничая, ответил Артык:

— Ну в самом деле, не зимовать же тут?

Профессор на всякий случай успокоил:

— Хорошо, хорошо, сначала выпейте чая, потом уж все будем решать.

Артык перестал жевать и в нетерпении уставился на Салахиддинова, будто молча спрашивал, почему это потом, а не сейчас, сию минуту. Он, Артык, сторонник того, чтобы как можно быстрее трогаться в путь! Пусть теперь ему передадут функции проводника! Справиться с ними — хорошо, хвала и честь ему, спасителю. А нет — уж не взывайте тогда, господа, любой мог на его месте ошибиться...

Артык проглотил мясо, прокашлялся:

— О том, чтобы сидеть тут и дожидаться чего-то, профессор, и речи быть не может!

Он взял чайник, стоявший на импровизированной скатерти, вылил остатки чая в свою кружку, не смутившись от того, что другим, похоже, ничего не досталось, поднялся и сказал категорично, будто кто-то собирался с ним спорить:

— Пошли, к чему долгие разговоры!

Атамурад возмущался несдержанности и нахальству Артыка: очень ему хотелось снова поставить на место этого фанфарона. И он спросил:

— Вы что, уважаемый, один, что ли, отправляетесь в путь? Может, с нами посидите напоследок еще немного?

Артык вскинулся, словно ужаленный:

— С кем это «с нами»? Это с тобой, что ли? — издевательски захохотал ему в лицо.

Атамурад вскочил, желая оборвать наглеца, но, помня свои недавние мысли о том, что ссориться в такой ситуации ни в коем случае нельзя, сдержался, обернулся к профессору:

— По-моему, домла, этот человек неправ: никто никуда отсюда не должен двигаться. С таким количеством воды мы никуда не дойдем, только обречем себя на гибель, это же и ребенку ясно.

Профессор молчал, Артык же, обойдя сидящих, приблизился к Атамураду, угрожающе стал размахивать у него перед лицом кулаком:

— Да ты понимаешь, парень, что говоришь? На кого и на что мы должны надеяться, оставаясь здесь? Что будем тут делать? Смерти ждать?..

— Немедленно прекратите, ведите себя сдержаннее, давайте лучше еще раз подумаем, как нам поступить, — терпение профессора истощалось, все это видели.

Артык в который раз смирился и замолчал, но ни у кого не было уверенности, что он откажется от своего решения и выслушает предложения других.

Ни за что ни с кем не согласится, как пить дать, даже если все останутся, один уйдет, был уверен Султанов. На что только надеется? Небось на свой опыт альпиниста? А есть ли он у него на самом деле? Да и так ли уж он пригодится ему в пустыне? Среди всех Артык, пожалуй, самый выносливый. Но и Атамурад не уступит ему в силе и ловкости...

— Присядьте-ка все, — поднял наконец голову профессор, — надо еще раз посоветоваться.

Артык и Атамурад молча последовали его совету.

Султанов пристально глядел на домлу, размышляя, как ему поступить и кого поддержать, если дискуссия примет крутой оборот. Так и не придя ни к какому решению, он начал нервно пересыпать горсть песка из одной ладони в другую.

— Итак, есть два предложения, — сказал профессор. — Ну что, ставить на голосование или сначала выскажемся?

Сердце Султанова бешено колотилось, в горле застрял комок: хорошо, если Артык найдет убедительные слова, а вдруг не сможет и снова начнет кричать да руками размахивать? Он обменялся с ним взглядами, и тот едва заметно кивнул: между ними было достигнуто со-

глашение нынче рано утром, когда все спали, о котором знали только они двое. Султанов приободрился:

— Пусть только объяснят, обоснуют свои предложения...

И тут Султанов поймал на себе пристальный взгляд Зульхумор, которая, оказывается, внимательно за ним наблюдала. Он переменялся в лице, опустил глаза.

— Ну что же, послушаем, — профессор посмотрел на Артыка. — Начнем с вас?

— Я уже высказывал опасение: на кого мы надеемся, кого нам тут ждать? Подумайте сами: там, в лагере, ни машины, ни лошади, ни даже рации. Когда, как, кому они смогут сообщить, что мы не вернулись на базу? Пока из Агачкудука приедет вездеход, пока свяжутся с Большой землей, пока нас начнут искать, пока, наконец, найдут, мы наверняка концы отдадим! Нет, так не пойдет! Мы непременно должны идти. И как можно скорее. Пройдем хоть десять километров, и то дело. Кто знает, может, до чинка именно столько. Надо использовать этот единственный шанс!

Артык умолк. У Султанова на сердце полегчало. Молодец, подумал он, весьма доказательно!..

— Хорошо, — профессор обернулся к Атамураду. — Что скажете вы?

Тот поднял загорелое лицо:

— Я считаю, с тремя литрами воды, которыми мы располагаем, далеко не дойдешь. И на два дня не хватит. Только измучаемся, рискуем к тому же заблудиться. Думаете, так просто идти по пустыне, увязая в песке, под палящим солнцем, без воды и пищи? Пусть, кстати, каждый подумает не только о себе, но и о других. Нет, я против!

Султанов рассердился: «Подумаешь, заботу проявляет. Тут не до жиру!..»

Артык раздраженно махнул рукой:

— Зачем нагоняешь лишнего страху, парень? Удивляюсь, кто вы, геологи или...

— Погодите, — перебил профессор, — пусть каждый теперь хорошенько все обдумает. Чтобы потом не пенять друг на друга и на обстоятельства. Давайте, как принято, поднимем руки! Договорились? — Камалиддин-ака с доброй усмешкой оглядел всех. — Ну а теперь давайте голосовать. Кто за то, чтобы идти?

Лишь Артык потянул ладонь кверху, вертя головой, волнуясь, глядел на остальных, словно побуждая их по-

следовать его примеру. Атамурад, нахмурившись, смотрел то на Артыка, то на Султанова. Следом за Артыком тот решительно поднял руку, посмотрел на профессора:

— Хуже всего на свете, домла, ждать. Артык прав. Он призывает нас бороться! Если не одолеем пустыню, что мы за геологи — грош нам цена! — говорил Султанов, обретая решимость. Ведь теперь их было двое. Ну еще... хоть один человек!.. Один!..

Зульхумор посмотрела на Атамурада.

— Вы это делаете из-за меня, чтобы я не мучилась? Говорите же правду, вы должны сказать! Не думайте, я все выдержу, я постараюсь!.. — девушка говорила горячо, убедительно.

Обрадованный Артык сорвался с места.

— Ну вот, что я вам говорил? Молодец, Зульхумор! Вы настоящая Тумарис!

Слова девушки решили судьбу спора. Голосования теперь не требовалось: за предложение Артыка была теперь и Зульхумор. Султанов поднялся, протянул руку, чтобы поздравить Артыка.

— С этой минуты вы наш проводник, — думаю, никто не возразит против этого. С удовольствием и надеждой передаю вам свои полномочия! Если повезет и выведете нас отсюда, считайте, мы все ваши должники на всю оставшуюся жизнь.

Атамурад и профессор почему-то пристально глядели на чересчур оживленного Султанова. Начальнику партии от этого взгляда стало не по себе, он забеспокоился, смущенно заморгал вдруг, заерзал на месте и наконец сделал вид, что ничего не заметил, но всем чувством своим почувствовал неладное.

Черт возьми, неужели он прогадал, согласившись с Артыком на эту аферу?..

Но поздно, дело было сделано.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

...Артык радостно закричал:

— Молодец, Зульхумор, вы настоящая Тумарис!..

Но, тотчас бросив молниеносный взгляд на Атамурада, почувствовал себя скверно: не сумел, значит, скрыть своей радости, может быть, тем самым дал основание заподозрить себя в чем-то?

И в самом деле, словно разгадав его намерения Атамурад глядел презрительно. Артык торопливо оглянул-

ся: неужели и у профессора он вызывает такое же чувство? Нет, нет, никто не видел, как он обменялся с Султановым многозначительным взглядом! Так думать было легче, Артык оживился, осмелел: перед собой-то какой резон таиться. Кто победил в споре? Повергнутый шоферишка со всем своим гуманизмом и заботами о других лежит у его ног. Правда, все еще пыжится изо всех сил подставить ему, Артыку, ножку. Не выйдет, милейший! Теперь во что бы то ни стало надо войти в доверие к профессору и к этой девке — ну он по ходу дела что-нибудь придумает...

— Когда я занимался альпинизмом, — голос Артыка стал льстивым, лицемерным, — мы делали переходы и подлиннее, до восьмидесяти километров. Какие тяжелые, отвесные скалы приходилось брать приступом! А тут всего-навсего какие-то песчаные барханы! Даст бог, я вас выведу отсюда. Только вы должны верить мне и подчиняться. Это главное условие, как в горах. Не будет железной дисциплины, бррр... наши кости навеки останутся здесь. Это вам говорю я, предоставьте же мне право нести воду: я буду ее экономить и беречь. Нам, уверен, хватит ее, чтобы выбраться.

Говоря это, Артык избегал встречаться взглядом с шофером, Атамурад же не спускал с него внимательных своих глаз, словно видел его в этот миг преобразования насквозь, желая тотчас же разоблачить его лицемерие, будто хотел крикнуть: «Не верьте!..»

Чтобы переключить его внимание, Артык грубо распорядился:

— Чем попусту паять на меня, готовьтесь лучше к дороге. Собирайте свои котлы-мотлы, да поживее!

Атамурад обиделся, огрызнулся:

— Только вы еще мной, кажется, не командовали! — и, накупившись, отошел.

Артык чувствовал, если спустить нахалу грубость, потом каждый сможет последовать его примеру, поэтому громко крикнул:

— Стой-ка, парень!

Атамурад оглянулся.

— Ты чего злишься? Потому, наверное, что не прошло твое предложение? — Артык, как ему показалось, постарался быть предельно искренним. — Не устраивай тут театр! Ладно, предположим, мы послушаем тебя и будем сидеть сложа руки, надеясь, что нас скоро отыщут. Хорошо, если так оно и будет. А если нет? Если

поедут искать, да не найдут? Пустыня велика! Тогда как? Неужели тебе, парень, не хочется жить? Если о себе думать не привык, хоть о других побеспокойся, это же в твоём духе — заботиться. Ты, как я слышал, холост, а у меня, у профессора, у Султанова — семьи, дети, и в этом мире нас ждет, поверь, еще много разных дел. И надежд у нас много! Да, да, надежд! Все хотят жить!.. Это тебе ясно?..

Артык надеялся, что его слова, сказанные вроде тепло, по-товарищески, как-то подействуют на Атамурада. Но, увидев, что тот по-прежнему хмур и неразговорчив, удивился и понял, что так просто Атамурада не одолеешь: он не из тех, кто легко сдается. Теперь, решил он, парня надо на время оставить в покое: пока неизвестно, что ждать от него, опозорит еще перед всеми как пить дать... А что это неминуемо бы случилось, Артык убедился в следующую минуту, когда Султанов внезапно вмешался в разговор:

— Эй-эй, друзья, в своем ли вы уме? Как не стыдно! Ведете себя, словно враги заклятые!

Шофер молча смотрел на Артыка, у него явно чесались кулаки, но он подавил желание врезать этому наглецу Артыку и пошел к костру, над которым все еще висел котелок.

Султанов для видимости пожурил Артыка:

— Ну это вы уж слишком... того, хватило! Все хорошо в разумных пределах, и критика, и взгляды испепеляющие, и проповеди...

Артык пожал плечами:

— А что я лишнего сказал? Или плохого сделал? Правду ведь сказал, но никто ее не любит...

Он остановился на полуслове, потому что увидел в этот момент глаза Зулхумор и поразился. Девушка, которая только что поддержала его, можно сказать, воодушевила своей поддержкой, смотрела теперь с нескрываемым страхом, будто поняв вдруг, как она ошиблась в этом человеке.

Профессор сидел, не меняя позы, на подножке газика, упершись локтями в колени и свесив голову на грудь, поднял ее, услышав голос Атамурада:

— Чепуху вы болтаете, Артык, насчет своей правды! Только о своей шкуре думаете! Если бы вас хоть немного интересовала судьба ваших товарищей, уверен, вы бы не так себя вели.

— Слушай, парень, не валяй дурака! Кто отвергает твое предложение? Пожалуйста, сможешь — докажи, что прав! Сумеешь всех убедить — считай, твоя взяла.

Салахиддинов испытующе глядел на Атамурада и будто спрашивал: не оробеет ли тот, найдет ли нужные слова, чтобы переубедить противника, бросившего ему вызов?

Атамурад опустил глаза. Артык усмехнулся иронично, глядя в упор, молча торжествуя победу. Атамурад набрал в легкие побольше воздуха, будто готовился глубоко нырнуть:

— Мы не первые, кто потерял дорогу в пустыне. Известно немало случаев, когда люди, разумно себя ведущие, выбирались из нее. И еще я знаю, что в таких случаях не паникуют и не ссорятся. В прошлом году, кажется, — он посмотрел на Султанова, — вы тоже знаете об этом, — кассиры, которые везли зарплату буровикам, потеряли дорогу...

Султанов равнодушно кивнул, стараясь всем видом своим показать, что не согласен с шофером.

— ...и тоже в самое пекло остались без воды и без бензина.

— Ну и что же из этого? Чем наше-то положение лучше? — нервно хихикал Артык.

Атамурад хмуро посмотрел на него:

— Правильно, ничем не лучше! А вы помните, товарищ Султанов, — снова взгляд в сторону начальника партии, — как поступил тот шофер, который вез заблудившихся? Он в течение трех суток держал их всех в машине, а когда кассиры, не выдержав, все-таки вырвались, наивно надеясь на остаток своих сил, он переловил их и привязал. И тем спас им жизнь, избавив от верной гибели, потому что был убежден, что, не зная местных условий и не имея ориентиров, из пустыни не выберешься.

Не ожидавший такой резкости, Артык промолчал, не найдя сразу, сделал вид, будто усердно обдумывает слова шофера. Ему в голову пришла острая, как булава, мысль, и эту булаву он тотчас, не раздумывая, метнул в Атамурада, рассчитывая уязвить самолюбие парня:

— Так то был другой шофер, не тебе чета! А у нас за рулем оказался, к нашему глубочайшему сожалению, ты!

Булава попала точно в цель. Артык хладнокровно продолжал наносить удар за ударом:

— Да не сможешь ты нас спасти! Ты виноват перед нами. Из доверия вышел, сам это хорошо знаешь! Попробуй-ка докажи обратное, горе-шофер!

Атамурад стал бледнее мела, потом лицо его стало медленно покрываться красными пятнами.

— Знаешь что, — сказал он, отделяя каждое слово, заикаясь от волнения, — доказывать ничего не собираюсь, но чем быть таким вот чистеньким да ни в чем не виноватым, как ты, уж, по мне, лучше всю жизнь плохо-бедно баранку крутить, делать одно дело... но свое.

В глазах Артыка потемнело, закружилась голова, как тогда, на вышке, земля под ногами качнулась раз, другой. Ему казалось, что он сейчас упадет, и изо всех сил старался овладеть собой. Ошеломленный, лишившийся дара речи, он ощутил, что булава, несколько секунд назад метко пущенная в шофера, вернулась к нему и вонзилась в его тело. Но ведь он сам начал поединок и начал не для того, чтобы так запросто сдаться! Последнее слово все равно должно остаться за ним!..

— Наша жизнь под угрозой, а ты, парень, раздражаешься да другим нервы портишь из-за пустяков. Мелу ты всякую потерял! Думаю, нечего нам тут препираться, надо собираться да трогаться побыстрее. Складывай-ка вещи — и в дорогу! А свое мнение оставь при себе — нас ты все равно не убедишь. — Артык махнул в воздухе рукой, будто точку поставил. — Решили же, что я прав, и я требую, чтобы все безоговорочно подчинялись мне. Вот когда выберемся из проклятой пустыни, тогда на меня хоть в суд подавай!

Никто не проронил ни слова. Зулхумор с профессором продолжали сидеть на подножке машины, низко опустив головы, и Артыку показалось, что они оба сожалеют, что не выступили против его предложения. По их лицам он без труда уловил также и то, что эти двое никогда не посмели бы бунтовать. А это было равнозначно его окончательной победе.

Глядя на этих двоих, он был готов, не обращая ни на кого внимания, ликовать, неистовствовать. Но время для этого было самое неподходящее. Смеяться, право, еще рано, подумал он.

— Ну довольно, — словно самого себя одергивая, сказал Артык. — Теперь пусть каждый возьмет из машины все самое необходимое — и в путь!..

Зулхумор бросила мимолетный взгляд сначала на него, потом на Салахиддинова, что-то торопливо запи-

сывающего в блокнот. Услышав слова Артыка, она молча стала собираться. Девушка глянула на Атамурада: словно нехотя, он укладывал котелок в рюкзак. Зульхумор, не выдержав, запротестовала:

— Да что, враг нас, что ли, гонит? Может быть, двинемся в путь завтра, а не сегодня?

Но Артык проявил непреклонность:

— Раз уж решили выйти сегодня, так и сделаем. Пройдем сколько сможем.— Он посмотрел на часы.— Тем более до вечера еще далеко...

Атамурад обошел машину, вытащил из-за водительского сиденья помятое ведро, поднял капот. Потом принялся выпускать из радиатора воду, поставив ведро под капот. Сидя на корточках, подождал, пока вытечет все до капли, поднялся, держа в руках ведро полуржавой воды. Артык, заглянув в него, обрадовался:

— Нам здорово повезло! Вода-то кипяченая, кажется. Для питья вполне сгодится.

Однако никто и на этот раз ничего не сказал, не разделив его радости. Разозлившись, Артык полез в машину, вытащил пустые бутылки из-под минеральной воды, протянул их Султанову:

— Чем стоять без дела, лучше поработайте на коллектив. Разлейте-ка воду из радиатора по бутылкам!

— Зачем по бутылкам, когда есть пустая канистра?— недоумевая, спросил Султанов.

— Проснитесь, товарищ дорогой! И не забывайте, что вы теперь никакой не начальник, указания которого исполняются беспрекословно. Вы такой же, как все, человек, заблудившийся в пустыне. Делайте, что вам говорят!

Артык произносил каждое слово язвительно, но одернуть его в этот момент не решился никто, так как в его словах, как ни странно, была известная доля истины. Лицо Султанова залилось темно-красной волной, обидой сверкнули глаза. Молча вытащив из-под сиденья бурдюк с водой и поставив его рядом с машиной, Артык бросил взгляд на стоявшую неподалеку Зульхумор.

— А вы что стоите, девушка, не работаете? Ждете, может быть, особого приглашения? Считайте, что вы его получили.

Зульхумор вконец растерялась, не зная что ответить. Артык беззвучно рассмеялся: если уж сейчас она обалдела совсем, что с ней станет через день-другой, если они не найдут к тому времени дорогу? Чего она-то по-

теряла в пустыне, дурочка? Не увяжись он за ней... Артык посмотрел на студентку с презрением: ведь это она, она была главной виновницей его поездки сюда, поэтому в голосе Артыка не проскользнуло и тени сочувствия:

— Возьми вон тот рюкзак, выкинь образцы пород и укладывай барахло! Ну что ты снова встала как столб, с места не двинешься?— он грубо говорил ей «ты».

Зульхумор, словно в шоке, широко раскрыла глаза: еще никогда никто с ней так грубо не обходился. Артык понял, что окончательно подавил ее волю. Пусть, так и надо, будет умнее, думал он, податливее и сговорчивее! Подумаешь, раз девушка, так ее на руках всем носить надо? Не время теперь о рыцарских выкрутасах заботиться, оправдывал он себя в собственных глазах, грубо торопил:

— Давай, давай быстрее, времени в обрез!

Неожиданно в лице Зульхумор появилась решимость: она подошла к профессору, который, вырвав из тетрадки лист бумаги, крупными и размашистыми буквами вывел что-то и прикрепил записку к ветровому стеклу машины. На листке бумаги она прочла: «Товарищи, мы ушли пешком на северо-запад»...

— Домла, да что же это такое, наконец? Собирали-собирали образцы пород, а теперь вот так запросто выкидываем плоды нашего многодневного труда?..

Предвосхищая объяснение, Артык спешил, не дав ей продолжить:

— Но ведь вы-то, наверное, понимаете, домла, что с собой в путь надо брать только самое необходимое и минимум вещей! Была бы голова цела, а камней мы потом еще насобираем. Не сожрут же их собаки!

Он схватил рюкзак и приготовился вывалить на песок образцы, но, изумленный, вдруг замер, обратив внимание на стрелку компаса, прикрепленного теперь к сумке профессора. Когда он проносил мешок мимо, стрелка компаса бешено заколебалась, а конец ее по мере удаления рюкзака следовал за ним, как привязанный. Удивленный Артык положил рюкзак на прежнее место, его вдруг осенило, и он закричал что было мочи:

— Вот в чем причина наших несчастий! Домла, идите сюда скорее! Нас сбили с толку ваши камни! Будь они трижды прокляты!— Он злобно метнул мешок к ногам Салахиддинова.

Все смотрели на Артыка, не понимая, в чем дело: ведь колебания стрелки видел только он. И профессор, кажется, начал догадываться.

— В чем дело? Что стряслось? — всполошился он, но Артык вне себя от ярости орал:

— И это называется — ученые! Разве вы ученые? Вы и в студенты не годитесь!

Профессор застыл на месте. Брови над оправой очков задвигались, губы дрожали.

— Что ты сказал... мальчишка? Да как ты смеешь!.. Оскорблять меня?

— Это не оскорбление, а сущая правда! Вы же не отличаете камень от магнита! Поднесите-ка к компасу свои образцы! Поднесите и поглядите, что будет!

Профессор хоть и был вне себя, однако сделал то, что советовал Артык, и не поверил глазам. Лицо его сразу просветлело, от раздражения не осталось и следа:

— Это же открытие, товарищи! Дорогие... Зульхумор, идите сюда, он прав, прав! Поздравляю вас всех! — радовался Салахиддинов. — Недаром была наша экспедиция. Среди найденных образцов есть магнетиты. Значит, и металл здесь тоже есть! Ура, товарищи! — Он снял соломенную шляпу и неожиданно для всех, как мальчишка, подбросил ее высоко вверх. Все окружили домлу, забыли на мгновение о том, что секунду назад готовы были разругаться в пух и прах. Словно старатели, нашедшие наконец золото, поздравляли друг друга, обнимали, чуть не пустились в пляс. Султанов радовался вместе со всеми, ведь он тоже, черт возьми, был геологом...

Только Артык, словно пораженный молнией, неподвижно стоял неподалеку, сжимая в ладонях камень, который сыграл в их судьбе роковую роль.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

И вот, вытянувшись в цепочку, они идут молча, друг за другом, наступая на собственные тени. Высоко поднявшееся солнце жжет немилосердно. Тени незаметно уменьшаются. Пустыня, словно огромный тандыр¹, исходит жаром: от раскаленного воздуха пересыхает в горле, дышать становится все труднее.

¹ Т а н д ы р — печь для выпекания лепешек.

Идущий впереди Артык отрывается от цепочки довольно далеко, останавливается, оглядываясь, нервничает:

— Что вы ползете, Султанов, как черепаха? Кто по вашему виду скажет, что вы геолог? Давайте-ка побыстрее! Прибавьте шаг! И ты догоняй, Зульхумор, что ноги еле переставляешь? Шагай увереннее! Не задерживай тех, кто идет за тобой!

Никто не обращает внимания на его понукания. Все идут, как позволяют силы. Замыкает шествие Атамурад, злость которого все еще не проходит: и так нелегкий путь, а тут еще этот зануда Артык подгоняет. К чертовой матери такого проводника! Ему хотелось сплунуть в сторону, но в пересохшем рту не было слюны, язык прилип к нёбу. Давно надо всем отдохнуть, думает он. Не дал даже как следует позавтракать, торопит, торопит, как на пожар, пугая, что начнется жара. Ноги и так уже еле держат. Зульхумор хромает. Утром все время шла впереди, а сейчас с ней что-то случилось. Если не позаботиться о ней вовремя, ноги могут и вовсе отказать.

Проводник, по-прежнему упорно, опережая всех, преодолевает бархан за барханом, не сбавляет шаг, подавая, наверное, личный пример: кто, мол, хочет жить, должен догонять. Но ему, считает Атамурад, конечно, нет дела до тех, кто шагает за ним. Порою кажется, что вот-вот конец пустыне...

Наверное, проводник должен быть таким вот непреклонным, размышляет Атамурад. Без такого отсюда не выбраться. Но есть, видно, разумный предел требовательности. Иначе чем люди отличаются от дикарей? Атамурад решительно качает головой словно в подтверждение собственным мыслям. Надо, наверное, посоветовать ему быть более снисходительным, пока нас всех не погубил своей поспешностью. Но как лишишь его прав проводника за это?..

Атамурад след в след ступает за припадающей на ногу Зульхумор, не спуская глаз с ее обуви. За день пути, заметил он, ее спортивные кроссовки почти развалились. Ноги девушки увязают в песке, она то и дело спотыкается о ветки саксаула, чуть не падает. Но нет, снова выпрямляется, идет наравне со всеми. Атамурад вспоминает ее вчерашние слова: «Вы это делаете из-за меня? Но я выдержу. Постараюсь выдержать». Как она, бедная, старается! Но вряд ли долго вытерпит. Лишь бы

скорее дойти до чинка. Атамурад все время идет за ней, чтобы, если потребуется, поддержать. Весь мокрый от обильного пота, профессор впереди Зулхумор тоже то и дело спотыкается. Он все время оборачивается к девушке, словно хочет поддержать ее улыбкой, добрым словом. И тогда Атамураду становится видно его красное лицо. Крупные капли пота на бровях, срываясь, падают на подбородок, на грудь. Измученный, окончательно обессиленный, но стиснувший зубы, домла продолжает путь: не позволяет отстать чувство собственного достоинства, смущение перед идущей следом Зулхумор. Да и перед Атамурадом, наверное, тоже. Силы его на исходе, это заметно, может запросто сдуть, если ветер поднимется...

Встретившись взглядом с Атамурадом, профессор настораживается. Дорожа своей репутацией, он теперь только усилием воли заставляет себя держать шаг. Сколько он так сможет? Насколько хватит сил? Атамурад вздыхает, опускает глаза, некоторое время, сосредоточившись, стоит, не зная, как поступить. Потом спешно догоняет цепочку, ускоряет шаг, но ноги, словно деревянные, слушаются все хуже и хуже. Каждый новый шаг достается труднее, начинает мутить, тело ломит. Хочется прилечь, вытянуть ноги...

Но что поделаешь, проводник не стоит на месте, двигается вперед, лишь изредка ненадолго останавливается, чтобы поторопить, бросить отстающим пару ядовитых слов. Едва стоит подтянуться, он снова пускается в путь. Перед глазами Атамурада встает то и дело козел-вожак с бубенцами на шее, которого специально держали на старом мясокомбинате в Бешагаче: сколько помнил себя, все стада в загон заводил он — «сдавал» мяснику. Говорят, был очень хитер: проведет стадо через ворота, а сам, оказывается, после этого вскакивает в нишу сбоку и замирает там. Потерявшие проводника овцы по одной попадают в руки мясника, козел же, пожевывая сено, бесстрастно наблюдал, как сдирают шкуру с обманутых.

Минувшей ночью этот хитрец козел приснился Атамураду. Будто идут они по жаре усталые, готовые вот-вот упасть, а впереди слышен далекий звон бубенчика. «Что это, караван, что ли?» — думает Атамурад, подняв голову, и видит того самого козла-загонщика с мясокомбината...

Атамурад приходит в себя и видит склонившегося над ним Артыка:

— Вставай, да вставай же, парень! Ты что лежишь, не выспался?

— Чего тебе? — Язык Атамурада еле шевелится во рту. Когда же это он свалился?..

— Вставай же, время уходит! Из-за тебя мы должны идти по самой жаре? Вспомни-ка, кто договаривался проходить каждое утро по десять километров? Да что я вам, нянька, что ли, поднимай каждого? Пошли скорее!

С той самой минуты, как он проявил слабость, на душе очень скверно, перед глазами то и дело появляется нагло уставившийся на него бородатый козел. Но этого ведь никому не расскажешь! А сердце гложет тоска, и не знает Атамурад, как от нее избавиться. Оттого что все время смотрит себе под ноги, шею не разогнуть. С трудом поднимает тяжелую, словно чугуи, голову, поглядывает вперед. Его спутники, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, идут опираясь на бугристые саксаульные палки, — целина между каждой парой барханов по-прежнему в зарослях саксаула. Когда впереди виднеется тамариск, бледная его тень тянет к себе словно магнит. Хочется упасть в эту обманчивую тень, вытянуться, расслабиться. Но где там, Артык не соглашается ни в какую. Он и с теми-то, кто устал и хромает, обращается не очень-то вежливо, так что не заговоришь о такой блажи, как отдых в тени!..

Внезапно, видит он, нога Зулхумор проваливается в сусликовую нору, она падает. Атамурад хочет ее подержать, но не успевает подойти, она уже сама поднялась, сидит на песке. Он берет девушку под руку, но она, совершенно ослабев, лишь в отчаянии мотает головой, закрывает глаза: с лица льется пот, она прерывисто дышит и едва произносит пересохшими губами:

— Воды, попросите у них воды!

Атамурад сбрасывает рюкзак, бежит вперед, окликая Артыка:

— Эй, остановитесь! Остановите же его! Скажите, что Зулхумор нужно дать попить. Пусть остановится!..

На шум наконец оборачивается Артык, нервничая, сплевывает в сторону. Для него это лишний повод сорвать на ком-нибудь зло.

— Какого черта вас понесло в пустыню? Сидели бы себе дома! Одна обуза!

Увидев, что проводник наконец обернулся, переводя дух остановился и Атамурад. Профессор, возвращаясь, ковыляет к Зульхумор, словно может чем-то ей помочь. Увидев это, Артык вопит:

— Ккк-ууу-да? Вернитесь, я говорю! Из-за чепухи какой-то столько паники!

От этого окрика все застывают на месте, с недоумением смотрят друг на друга: да в своем ли Артык уме? Теперь он цепляется к Атамураду:

— Эй, ты! Чем орать: «Воды, воды!» — поднял бы ее. Чего паникуешь? Что она, умирать собралась, что ли? Подними-ка ее, пусть потерпит немного, пройдет нога!.. Ну, всё, встали и пошли вперед!..

Но на сей раз никто не слушает его, не трогается с места.

— Подождите! Есть у вас совесть? — не выдерживая, кричит Атамурад.

— Что? Что ты сказал? — глаза Артыка блестят, как у бешеной собаки.

— Вы на меня так не смотрите! Давайте воду! — требует Атамурад, протягивая вперед руку.

— Ты... еще!.. Ты мне приказывать вздумал, парень? — Артык дрожит всем телом.

— Да, приказываю! — не сдаётся Атамурад. — Знаю, у вас ни к кому из нас нет жалости! Но кто дал вам право так нагло обращаться с девушкой?

— А что, может, ты мне посоветуешь посадить ее к себе на плечи? — ерничает Артык, похлопывая себя по шее.

В разговор вмешивается Султанов, решив, что его-то Артык послушается:

— Нехорошо, Артык-ака, к чему такие обидные слова? Всем нам трудно. Не убудет же вас от глотка другого воды...

Этими словами он и на себя навлекает гнев проводника:

— А я тебя не спрашиваю, что хорошо, а что плохо! Ты не вмешивайся! Однажды я тебя уже послушался, так до сих пор расхлебываю — расхлебать не могу!

Султанов умолкает, как-то весь съеживается. Не зная удержу, не встречая уже ничего сопротивления, Артык твердит свое:

— Сказано — все! Будете терпеть! Если после каждого шага давать по глотку — воды не хватит!

Атамурада душит гнев. И от этого подлеца они теперь все зависят! Должны его умолять! Он в гневе делает несколько шагов по направлению к Артыку, но его останавливает профессор.

— Вы бы поставили себя, уважаемый Артык, на место этой девушки... Не будьте таким... бессердечным. Это может плохо кончиться...

— Как это кончится — мое дело! Вас это не касается! — Однако тут же в ярости сбрасывает со спины бурдюк, трясущимися руками наливает в кружку воды, протягивает подошедшему Атамураду. — На, отнеси, пусть... подавится! Трусиха!

Нервы Атамурада не выдерживают напряжения, кровь ударяет в лицо посильнее, чем от полуденной раскаленной жары, сердце готово выпрыгнуть из груди, стучит как кузнечный молот, подкатывает к горлу. Первое движение — плеснуть проклятую воду из кружки прямо в лицо наглеца.

Не выдерживает и Зульхумор, она дрожит, но в глазах презрение.

— Изверг! — шепчет она, отворачиваясь. — Изверг!

— Дал ей воды и оказался еще и извергом, хватит! — кричит Артык, с губ его срывается грубая брань. — Ишь распутница!..

Хорошо еще, что девушка не поняла, что он сказал, зато Атамурад хорошо расслышал. Отдав кружку профессору, он бросился на Артыка:

— Стой, подлец!

Тот не успевает оглянуться, как в два прыжка его нагоняет Атамурад, хватая за плечо и, неожиданно повернув к себе, дает звонкую пощечину.

— Что ты сказал? Повтори, гад, громче! Повтори-ка при всех!

Артык прикрывает голову руками, пятится от него. Атамурад с кулаками при всеобщем молчании налетает на него, хватая за шиворот:

— Так ты, значит, девушку, деликатного человека, обзываешь? Над кем издеваешься? Злобу срываешь на ком? — Он в презрении говорит Артыку «ты». — Мало того что издеваешься над всеми нами, так теперь еще и к девушке пристал? А ведь только вчера, кажется, она была Зульхумор-хон? Из твоих ядовитых уст сочился мед? Да? Не ты ли вчера называл ее нашей Тумарис, превозносил до небес? А сегодня жалеешь глотка воды, подлец? Слушай обоими ушами! Если ты еще раз оби-

дишь ее, знай, я так тебя... так тебя... что всю жизнь потом помнить будешь!

Атамурад отпускает ворот рубахи и толкает Артыка в грудь. Оглянувшись на профессора, извиняется:

— Простите, домла, не сдержался...

Профессор растерянно, быстро кивает. Атамураду неудобно за свою несдержанность, профессор, конечно, недоволен его поведением.

Подавая Зульхумор кружку, тихо говорит:

— Идите в тень, отдохните немного.

Держа под руку, Атамурад ведет Зульхумор к зарослям тамариска. Профессор с Султановым опускаются на песок шагах в десяти, под саксаулом. Атамурад хочет сесть возле девушки, но Султанов манит его рукой, Артыка же зовет профессор:

— Идите сюда, молодой человек!

«Вот это другое дело! Давно надо было взять руководство в свои руки», — думает Атамурад, говорит Зульхумор:

— Я сейчас вернусь. А вы передохните! Расслабьтесь.

Все рассаживаются в жидкой тени саксаула, молча, каждый на свой лад, переживая недавнюю стычку молодых людей. Никто не смотрит друг другу в глаза. Утомившись, профессор все еще не может отдышаться.

— Значит, так, — молвит он наконец. — Я вам честно признаюсь: так мы никогда не выберемся из этой проклятой пустыни. Тяготы дороги, да еще эта... брань, фу... молодые люди, чуть до драки не дошло! Если не теперь, когда так трудно, когда и должны мы все проявлять максимум чуткости и взаимопонимания друг к другу? Но коли каждый будет думать только о себе, то никто, поверьте, живым отсюда не выйдет. Если найдется такой «герой», пусть теперь при всех заявит: нет, я не согласен, я вырвусь!..

Камалиддин-ака перевел дыхание.

— А теперь слушайте-ка меня внимательно: если, не дай бог, с этой девушкой что-то случится и мы не выведем ее отсюда живой-здоровой, люди не простят нам, всю жизнь будут проклинять, говорить: что же это за мужчины, если вчетвером не могли спасти одну женщину, продолжательницу рода?! Не знаю, как все сложится... Поскольку по возрасту я здесь самый старший... Вам, Атамурад, я поручаю заботу о девушке, — голос домлы становится мягким, расслабленным. — Во-

да тоже будет храниться у вас, с этой минуты и за воду, и за Зульхумор вы отвечаете головой! Мы-то можем без воды обойтись, а вот ее без воды оставить не имеем права.

— Хорошо,— подняв голову, соглашается Атамурад и смотрит на Салахиддинова. Профессор, заметно успокоенный твердостью голоса молодого человека, глубоко задумывается, Артык сидит, отвернувшись от всех.

Прилетев неведомо откуда, на грудь Артыка вдруг садится огромный кузнечик с красными крыльями, и, вздрогнув от неожиданности, парень накрывает его ладонью, закидывает в сторону. Кузнечик подпрыгивает и скачет, расправив крылья, дальше.

— Вот так-то,— грустно вздыхает Салахиддинов, поглядев ему вслед и потирая затекшие ноги.— Качество золота определяется пробой, а честность человека — трудностями. Да, да, испытаниями, которые подбрасывает ему жизнь. Так было прежде, так, уверен, будет всегда.

Задумчиво зачерпнув рукой горсть песка и пересыпая его в руках, профессор неторопливо будто за столом, рассказывает:

— Много веков назад на берегу моря жили семеро братьев. Ловили рыбу на лодке, которая осталась в наследство от отца и деда. Однажды, выйдя в море, попали братья в страшную бурю. Ветер нес утлое суденышко неведомо куда, и они окончательно заблудились. Измученные, усталые братья, сколько ни сражались со стихией, так и не смогли выйти к берегу. Тогда, чтобы другие рыбаки впредь не мучились, оказавшись в таком положении, все семеро превратились в путеводные звезды. Вы, наверное, догадываетесь: так родилось созвездие надежды людской — Большая Медведица. До сих пор именно по нему люди отыскивают дорогу, а бесчисленные испокон веку передвигающиеся по земле путники часто бывают обязаны именно ей своим спасением.

Камалиддин-ака высыпал из ладони песок и поднял голову.

— Такова легенда. Но кто из вас, друзья, может сказать, что мы с вами не способны на подобную самоотверженность? — спросил он без тени улыбки.— Конечно, легенда легендой, но нам тоже надо искать путь к спасению, искать всем вместе. Думаю... надеюсь, у нас хватит воли.

И пока профессор говорил, горячо, взволнованно, стараясь посеять в душе путников надежду, Атамурад мысленно соглашался с домлой, твердил про себя: «Да, он прав, как он прав!»

Камалиддин-ака бросил взгляд на Артыка.

— Такие вот дела, дорогой... Не обижайтесь на старика, но я человек пожилой и могу вам дать совет: никогда не будьте таким грубым. Вам еще немного лет, честью надо дорожить смолоду. Подумайте, разве время затевать споры и препираться из-за мелочей. И без того всем тяжело. Надо верить, придет конец и этим испытаниям. Все надо делать так, чтобы потом не было стыдно смотреть друг другу в глаза... Будьте, дорогой, сдержаннее, а сейчас отдайте, пожалуйста, Атамураду воду и компас, а у него возьмите рюкзак с образцами.

— Знаю я, чего вы добиваетесь! — Артык неожиданно резко вскочил, сорвал с плеча бурдюк с водой, бросил на песок. — Берите, берите, если вам так угодно! Но ваши камни, дудки, пусть тащат те, кому они нужны! Я не нанимался носильщиком!

Атамурад молча поднял бурдюк.

Артык отошел, встал, засунув руки в карманы, спиной ко всем.

И все поняли: от такого добра не жди.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Миновал полдень. Солнце пекло и слепило, не давая поднять глаза. Шли гуськом, стараясь хоть немножко уклониться от палящих лучей в тени друг друга. Зулъхумор брела за Атамурадом, каждый шаг давался ей все труднее. Заметив это, профессор подождал девушку, и она благодарно прошептала:

— Спасибо, домла, долгой вам жизни!

Камалиддин-ака сочувственно спросил:

— Ну как? Держитесь, дорогая?

— Держусь пока... А вообще, домла, трудно. Едва наступаю, наверно, мозоль натерла. — Нога Зулъхумор то и дело попадала в сусликовые норы, и она, прикусив губу, вскрикивала от боли.

— Потерпите, дочка, осталось не так уж долго до вечера. Остановимся, отдохнем за ночь, глядишь, и полегчает, — успокаивал профессор, присев и вытряхивая из ботинок песок.

— Вы, ака, тоже, наверное, натерли ноги? Хромаете? Ботинки у вас, слава богу, еще целы! Как же в них песок-то попадает? — искренне огорчилась Зульхумор.

— Какая обувь выдержит такое путешествие? — махнул рукой Камалиддин-ака, посмотрев на свои ботинки: подметки уже отставали, и он подумал, что надо было бы чем-то подвязать их, пока совсем не оторвались. Не прошло и трех дней, а его обувь не выдержала. Чего уж тут перед собой-то скрывать, и так видно: кроме идущих впереди Атамурада и Артыка, трое остальных уже выдохлись. Султанов, тот, правда, бодрится, а они с Зульхумор уже с трудом переставляют ноги, на каждом шагу спотыкаются, увязают в песке. А брюки — на что стали похожи его брюки!..

Каждый шаг дается теперь Салахиддинову с трудом. Коленки дрожат, силы заметно убывают. Продвигаясь вперед, тяжесть тела он все время старается переносить на палку. Какой-то внутренний голос, наперекор всему, твердит: не довольно ли на сегодня? Разве не извели уже всех эти мучения? Ведь будет еще завтра...

И на минуту он поддается этому внутреннему голосу, ему хочется наконец остановиться. Как было бы хорошо!.. Но перед всеми... Надо пересилить себя, найти силы, чтобы продолжать путь. Профессор запоздало раскаивается: поспешили они, напрасно поставили вопрос на голосование, не посоветовались. Не сразу поняли Атамурада, приняли сторону Артыка. Теперь-то уж что, бесполезно сожалеть. Хорошо, если мучения подходят к концу и цель близка. А если нет? Сколько они еще смогут так? Профессор вздыхает и, отгоняя мрачные мысли, делает шаг вперед, однако они никак не идут из головы.

Да, он ошибся, с самого начала неправильно повел себя. Зачем согласился на предложение Султанова: здесь, в пустыне, справлять свой день рождения, да еще с шампанским, коньяком? Ничто теперь не может оправдать легкомысленного поступка профессора. А после первой ошибки пошли и другие... Согласиться ехать на охоту, это же безумие! Ехать — для чего? Чтобы погубить невинного сайгака, а потом подвергать опасности жизнь всех этих людей? Во всем виноват бокал шампанского, который в тот вечер он выпил вместе со всеми, заслушавшись сладких речей Султанова. Несколькими глотками — подумать только! — и куда подевался

его всегда ясный ум? Совершена ошибка, за которую теперь он платит непомерно дорого.

Да, споткнулся, споткнулся... И все ради того, чтобы лишний раз открыть известную истину о том, как губительна водка даже для самых мудрых.

Он-то свое прожил, многого достиг в жизни, след на земле, уверен, оставит. Открытые им месторождения, написанные за долгие годы научной деятельности монографии послужат людям не один десяток лет. Немало у него способных учеников, которые продолжат его дело. Конечно, смешно думать, что без него наука остановится... За дом свой он тоже спокоен: дочери замужем, сыновья женаты. Слава богу, ребята умные, дорогу в жизни выбрали, — как говорится, выпорхнули из гнезда, не нуждаются теперь в его помощи. Но он доволен: они самостоятельные, не как дети некоторых... Давнишней мечтой его всегда был Устюрт, заболел он им давно, этой затерянной в песках страной, хотел попробовать вдохнуть жизнь в мертвое плато между Аральским морем и Амударьей... Что ж, не всем мечтам в жизни суждено сбываться. Видно, это как раз тот случай...

На глазах домлы выступили слезы, все виделось ему сейчас в тумане. Боясь споткнуться, Камалиддин-ака смахнул со лба пот, подавил тяжелый вздох. И снова принялся успокаивать себя: о нем-то люди вспомнят как об отдавшем жизнь за нужное дело. По крайней мере, когда на Устюрт проведут железную дорогу, найдут воду, нефть, его-то уж помянут добрым словом. А человеку небезразлично, какую он оставит по себе память. Был, мол, такой первопроходец... Салахиддинов.

Нет, не исчезнет его имя, ученики продолжат его дело. А молодые, которые сегодня тут с ним? Что им привелось повидать в их короткой жизни? Шофер этот, например, Атамурад... Разве мало хлебнул горя хотя бы со своим начальником Султановым? Поговаривают, будто попал парень в эти края из-за несчастной любви. Не верится, что в наше время может случаться такое... Но как не верить, когда перед тобой живой человек? Отец девушки, которую он любил, запретил ей и думать о парне, который ей неровня. Простой шофер — разве о таком зяте мечтал занимавший важный пост ее папаша? Счастье дочери видел в выгодном браке. Бедный парень! Мало ему одного несчастья. Угодил в эту экспе-

дицию! Не затеял бы Султанов проклятую охоту, разве мучился бы сейчас так Атамурад?

Тяжелее всех, конечно, Зульхумор. И прояви он, профессор, решимость, не возьми ее в экспедицию, отсидела бы себе практику где-нибудь в городе, в проектном институте, и дело с концом. Так нет, уступил... Не выдержит она этих мучений... Если ребята не понесут на руках, ей не добраться. А ведь самое время жить, самое время любить!.. Неужели ее-то не спасут они?

Профессор снова тяжело вздыхает. Что-то горячее подступает к горлу. Не дай бог, не дай бог... А если... В газетах, конечно, появится некролог по поводу его смерти. О других, наверное, ни слова... Но ведь потом узнают, что их было пятеро. Если же какой-нибудь дошлый журналист захочет докопаться до правды в этой истории, его с первых шагов ожидает разочарование: заблудились, стали жертвой собственного легкомыслия, выпили, перед тем как отправиться на охоту. Право, и писать-то не о чем будет. Для всех останется тайной их исчезновение, никто никогда не узнает об их трудных последних днях, проведенных здесь, среди раскаленного песка. Никто не узнает, кто как проявил себя в этом походе, кто пал духом, а кто и в самые невыносимые минуты оставался человеком... Об этом никто не узнает, в лучшем случае, как это бывает, напишут, может быть, что исследователей Устюрта было пятеро и все героически погибли в неравном бою с пустыней... Вряд ли кому-то придет на ум докапываться до истины, до деталей жизни последних дней геологов, а ведь не все они достойны посмертной славы, которая выпадет на их долю после мучительной смерти: герои будут поставлены рядом с малодушными, завистливые будут возвеличены. Корыстные и благородные станут рядом... Перед смертью все равны!.. Так получается?

Более всего Салахиддинову было обидно за себя. Другие, наверное, еще и не предчувствовали, как он, конца, а профессор уже давно понял. Понял он и кто есть кто, кто чем дышит, о чем мыслит, что у каждого за душой. Таково свойство зрелого возраста — разбираться в людях. На счастье или на беду. И ему вспомнилась не дававшая покоя история, рассказанная давным-давно покойной бабушкой. И теперь, останавливаясь на отдых, он каждый раз порывался рассказать ее своим спутникам, но все не решался, считая, что это не очень удобно, когда человек в такое время лезет со своими детскими

воспоминаниями: история эта могла кое-кого и задеть, а этого домла не хотел ни в коем случае...

Вдруг путники, шедшие перед ним, остановились, и мысли Камалиддина-ака прервались. Посмотрев вперед, он увидал падающего Султанова: у него в руках сломалась палка. Подскочив, Атамурад пытался поддержать его, но не успел. Когда его подняли, на мягком песке остался глубоко вдавленный след от тела, и начальник партии какое-то время не мог даже открыть глаза.

— Не ушиблись ли, шеф? Что с вашими глазами? Может, передохнете малость? — участливо расспрашивал Атамурад.

Султанов выплевывал песок, качал головой. Он далеко вперед забросил обломки палки из саксаула, с трудом взвалил на себя рюкзак с образцами пород и молча пошел дальше. Оглядев идущих сзади, Атамурад решительно остановился:

— Ну все, товарищи! На сегодня хватит. Спустимся с этого бархана и заночуем в тех зарослях тамариска!

Услышав об отдыхе, все облегченно вздохнули. Собрав последние силы, на гудящих от усталости, распухших ногах профессор еле плелся за Атамурадом, пятки одеревенели, ничего не чувствовали.

Едва добрались до зарослей тамариска, как профессор опустился на песок словно подкошенный. Артык лег на спину, вытянул над головой руки, закрыл глаза. Зульхумор в изнеможении прислонилась к саксаулу, сбросив с ног кроссовки... Погруженные в невеселые мысли, все замолкли.

Все еще беспощадно палящее солнце словно застыло на горизонте. Лишь иногда несильные порывы ветра напоминали о близящемся вечере. Где-то рядом что-то грызет суслик, потом, наверное испугавшись людей, ненадолго замирает. Вспархивает птица, ее гнездо в зарослях тамариска; пищат птенцы, прожорливо раскрывая желтые клювики. Испуганная мать семейства мечется, словно предупреждает своих детенышей об опасности.

Слышится вздох. Профессор видит, как Атамурад вытащил из-за голенища сапога завернутый в тряпицу нож. Его продолговатое смуглое лицо заросло бородой: загоревший до черноты, он стал похож на индуса и выглядит бодрее других; глаза ввалились не так, как у Зульхумор. Пусть парень будет жив-здоров... Все на-

дежды теперь только на него. Он уверен, Атамурад найдет выход из положения, на других надеяться нечего.

Атамурад поднимается, идет к самому молодому тамариску, срезает побеги. Профессор не может догадаться, зачем он это делает. Артык тоже привстает, смотрит на шофера, упираясь обеими руками в песок, потом вскакивает, хватается ладонями за виски:

— Ох, разламывается!.. Решили ночевать здесь, Атамурад? Да? Что мне делать? Может, разжечь костер?— спрашивает он, словно ничего между ними не произошло.

Атамурад удивленно оборачивается. Его вопрос, прозвучавший деликатно, без нажима, заставляет парня просветлеть лицом:

— Конечно, разжигайте! Сейчас смастерю шампуры, — вот для чего молодые побеги тамариска, удивляется изобретательности парня профессор, — и будем наслаждаться шашлыком. Мясо сайгака отличное! Приготовим, как говорится, в собственном соку, пальчики оближете! Пора бы и подкрепиться, что вы на это скажете, домла?— Он старается придать своему голосу бодрость, уверенность. — А как вы относитесь к шашлыку, приготовленному на раскаленных углях, Камалиддин-ака?

Салахиддинов считает неудобным разговаривать лежа и немедленно поднимается. Поясницу ломит, и, как он ни старается не показать виду, делает это с трудом, подавляя боль.

— Вы нас, Атамурад, право, балуете. Скажите, сегодня случайно не ваш день рождения?— шутит он.

Сказал и тут же понял неуместность своей шутки, посмотрел на Султанова, пытаюсь понять, не задела ли его неосторожно брошенная фраза. Тот делает вид, что не расслышал, продолжает лежать, хотя подрагивающие ресницы его закрытых глаз свидетельствуют о том, что он не мог не слышать разговора. Профессор удивляется: ведь Султанов не выказал и тени смущения.

Тем временем Атамурад обстригивает новые ветки для шампуров, кладет их рядом.

— Дорогой домла!— говорит он излишне оживленно, чтобы как-то сгладить неловкое молчание. — День, когда живыми-здоровыми мы выйдем к чинку, и будет днем нашего общего рождения. Так, Зульхумор?

Услышав Атамурада, девушка не могла удержаться от горькой усмешки; скривив губы, готовая разрыдаться, она отворачивается, плечи ее вздрагивают, и Кама-

лиддин-ака вспоминает, что в один из ближайших дней у нее в самом деле — день рождения. Вспоминает и расстраивается: всего три дня назад она так заразительно смеялась и ничто, казалось, не предвещало несчастья...

Глядя на ее подрагивающие плечи, профессор хотел успокоить, но понял, что любые слова утешения только усилят обиду и боль. Поэтому промолчал, перевел разговор на другую тему:

— Если будет шашлык, то и чаю вскипятить не мешает, как, Атамурад?

Атамурад принимает профессора с полуслова:

— Ничего, домла, если у чая будет небольшой привкус масла? — шутит он.

— Конечно, ничего страшного! К шашлыку как раз нужны специи, а у нас их нет! Так пусть будут хоть в чае!..

Неподвижно лежащий Султанов поднимает голову, устало усмежается:

— Эх, не занеси нас господь бог в эту пустыню, когда бы еще отведали шашлыка на раскаленных углях, да еще с чаем, сдобренным машинным маслом!

Даже Зульхумор не удерживается от улыбки. Артык, собиравший невдалеке сушняк для костра, обеспокоен: неужто над ним подшучивают? Узнав в чем дело, изображает на лице подобие улыбки.

Кивнув на Артыка, Камалиддин-ака тихо говорит Атамураду:

— Кажется, слава богу, наконец в нем совесть заговорила.

Атамурад пожимает плечами:

— Наверное, — ответил вполголоса, — просто было время подумать обо всем, что произошло.

Султанов перевертывается на другой бок, смотрит на огненное заходящее солнце. Перед наступлением сумерек беспокойно щебечет какая-то маленькая птаха, прыгая в кустах тамариска, торопливо заглядывает в гнездо, словно пересчитывает своих птенцов, потом снова улетает за добычей. Профессор почему-то медлит, не разводит огня, потом решительно встает, собирает ветки в охапку:

— Мы потревожили несчастное создание! Давайте расположимся подальше отсюда, чтобы не мешать ей! Мать как-никак, хоть и птичья, охраняет потомство.

Атамурад молча помогает профессору, Султанов поднимает рюкзак, идет за ними, не спуская глаз с мечущейся птахи. Наконец, когда все они отходят, пичужка успокаивается, скрывается в гнезде. Султанов улыбается:

— Удивительно, как такое крохотное создание местом своего обитания выбрала этот ад? Да еще гнездо свила и птенцов вывела. Прокормить-то она их прокормит, а вот как быть с водой? Откуда она ее-то берет?

Атамурад смеется:

— И воду, будьте уверены, найдет!

Его шутку Зульхумор принимает всерьез:

— Вы думаете, она носит воду из Арала? Не может быть!

— Почему же, вполне может быть, — уверяет профессор, чиркая спичкой и поджигая сушняк.

Атамурад достает из рюкзака мясо, прилаживается поудобнее и режет его на мелкие куски. Сайгачина пахивает... О чем бы теперь ни заходила речь, темой разговора обязательно становится вода. Вот как сейчас. Камалиддин-ака решается поддержать Султанова в его попытке поговорить о мужественном крохотном создании природы. Внимательно все его слушают.

— Кто-то мне говорил, — неожиданно отзывается Зульхумор, — будто на берегу Арала водятся птицы-водоносы... И они совсем не похожи ни на зверей, ни на птиц. Под огромным клювом будто бы у них есть большой такой мешок, ну бурдюк, что ли. В жару они набирают в него запас воды, а потом спасают разных птиц в пустыне, когда те попадают в беду. Интересно, правда это, домла?

Профессор улыбается наивности девушки, принявшей чью-то шутку за чистую монету, не отрывает взгляда от разгорающегося костра.

— Наверное, кто-то вам про пеликана рассказал. Уж не знаю, носит ли он из Арала воду птицам, обитающим в пустыне, но то, что у него имеется клюв, похожий на желоб, это точно. Говорят, он в зобе носит воду птенцам, и не только воду, но и пойманную рыбу, а когда выпускает по желобу-клюву эту рыбешку, птенцы на лету подхватывают, вырывая друг у друга... Очень забавно получается!..

Артык принес еще одну охалку саксаула, бросил у костра, сел, устало прикрыл глаза, прислушался к разговору.

— Значит, правда, профессор, — спросил он, — что в животе у верблюда тоже есть водоносный бурдюк? Иначе как ему удастся вытерпеть без воды иногда целый месяц?

— И об этом я слышал! — кивает Камалиддин-ака, не желая, очевидно, вдаваться в подробности.

Но Артык на полном серьезе продолжает:

— Прежде, когда караван долгое время оставался без воды, жертвовали одним верблюдом — забивали его и вынимали то, что вы называли бурдюком. В нем, оказывается, вода всегда хранилась чистой.

Атамурад улыбнулся, профессор тоже: наивность взрослого человека его удивляла, но он не желал смущать его и не собирался объяснять истинное положение вещей.

— Жаль, что у нас нет верблюда, — заключил Атамурад. — А то бы и наши дела пошли на лад. Шутка ли, целый бурдюк воды!

Смеется Зульхумор, на минуту забывает о нестерпимых ранах на ногах, и Атамурад, видя ее улыбку, старается всюю:

— Бедный верблюдик! Зачем же его убивать? Стоило бы, наверное, его хорошенько попросить, и он бы вынес нас из этой мертвой пустыни...

— У кого какая забота, а вам бы только насмешничать! — недоволен Султанов. Артык же, видно, старался изо всех сил подавить обиду. Профессор решительно прекращает спор, готовый в любой миг снова перерасти в столкновение.

— Никакого бурдюка у верблюда нет! — спокойно заявляет он. — Но правда, в его горбу копится про черный день жир, он служит ему и пищей, и водой. Другие животные соленую воду не пьют, а верблюд пьет. Чего-чего, а в пустыне больших и малых соленых озер хватает, потому верблюд и считается королем пустыни. Вынослив, как никто из собратьев!

Слушая Камалиддина-ака, Атамурад подкладывает на угли шампуры с нанизанной на них сайгачиной, и уже через некоторое время аппетитно попахивает шашлыком. Вспомнив, что нужно подготовить место для еды, Зульхумор с трудом встает, медленно подходит к костру. Поддерживая ее, профессор продолжает объяснять:

— Однако прежде путешественники, отправляясь в далекий путь, в отдельный бурдюк собирали и молоко

верблюдицы. Если кончалась вода, добавляли к молоку соленую озерную воду и пили. Верблюжье молоко, разбавленное водой, утоляло и жажду, и голод. Все это вполне достоверно...

Профессор смотрит на Артыка, который подбрасывает в огонь сушняк. Но тот машет рукой:

— Все это, домла, простите меня, одни разговоры, у нас с вами нет верблюжьего молока, нет и верблюда...

Горизонт на глазах быстро темнеет, ночь наступает сразу. На небе загораются одинокие звезды. Пустыню окутывает тьма, барханы будто кто-то накрывает черным бархатом, и они становятся невидимыми. Темнота все сгущается, вызывая у сидящих около костра чувство полной оторванности от мира. Каждый устраивается, насколько это возможно, поудобнее, и Атамурад торопится раздать всем по палочке готового шашлыка.

— Берите, ешьте, наш тоже сейчас будет готов!— говорит он, насаживая мясо на палочки для себя и для Артыка.

— Удивительно, очень вкусно! Вот бы еще немного уксуса и лука, было бы совсем здорово!— неожиданно смешит всех профессор.

— И еще бы по кусочку хлеба или лепешки...— весело продолжает Зульхумор.

— Да, наверное, самое главное на свете — хлеб, — вздыхает, похваливая шашлык, Султанов. — Ничто его не заменит. Но сейчас и шашлык — райское угощение! Такой вкусный — навек запомнишь. А вы что скажете, профессор?

— Скажу, что это большое искусство, не каждый умеет его жарить. Ешьте и молитесь, дети, на нашего Атамурада, — профессор через костер подмигивает шоферу, с аппетитом снимая с импровизированного шампура кусочки мяса.

— Добавка за мной, — обещает Атамурад. — Вот выйдем к чинку, я вам такой шашлык закачу, пальчики оближете!

— Мы тебе это припомним, — говорит Артык, только и моля об этом провидение. Зульхумор вылила закипевшую воду в кружку, бросила в нее щепотку чая.

— Берите, не обессудьте, что мало, — она протягивает кружку профессору.

Он отпивает глоток, возвращает кружку девушке:

— Теперь пейте вы, от шашлыка ведь всегда жажда.

Все молча по очереди пьют. Атамурад расстроено отодвигает бурдюк:

— Воды осталось на один раз, не больше.

Слова молодого шофера звучат как приговор. И хотя все знают об этом, Артык вздрагивает, глаза его в свете костра блестят, кажутся сумасшедшими.

— А в канистре? Думаю, рано паникуете! — успокаивает он больше самого себя.

— Это так, но я говорю о воде чистой, — спокойно констатирует Атамурад.

— Так и говори! — недовольно бросает Артык.

Все молчат, повисает неловкая тишина. Почувствовав это, Атамурад ставит на песок «Спидолу», принимается искать в эфире музыку. И вот сквозь треск прорывается сначала лихая лезгинка. Потом голос диктора, напоминающий чтеца Корана, что-то долго, нудно говорит. Его сменяет веселая индийская мелодия — поют двое, мужчина и женщина. Минутное молчание — и вдруг пустыня взрывается знакомой мелодией «Ташкентского мотива». От знакомой песни на душе становится легче.

Профессор принимает свою любимую позу, обхватывает руками колени, сидит неподвижно, глядя на превращающиеся в мелкие красные угольки саксауловые ветки. Снова вспоминается ему рассказ покойной бабушки, он никак не может выбросить его из головы, понимая, что ему не отделаться от воспоминания, пока не поведает о нем своим спутникам. Он страстно желает этого, ему кажется, что он должен, обязан рассказать им эту историю, но не знает, как подступиться, начать.

Голос певца, постепенно стихая, удаляется, а потом и вовсе умолкает.

— Такой хороший концерт, а у нашей «Спидолы» батарейки почти сели, — невесело, с сожалением говорит Атамурад, и, обернувшись к профессору, не скрывает восхищения: — Какие хорошие слова! Кажется, лучше сказать невозможно? Верно, домла?

— Вы правы, Атамурад. «Ташкентский мотив» напоминает мне сказки детства, услышанные много лет назад от моей бабушки... Вот и теперь я вспомнил одну из них, — нерешительно начинает Камалиддин-ака.

— О чем она, расскажите, домла! — придвигается, устраиваясь поудобнее, Атамурад. Зулхумор все еще глядит в огонь. Султанов и Артык пребывают в глубоком молчании, оба вглядываются во тьму ночи.

— Эта история весьма поучительна. — Камалиддин-ака снова обхватывает руками колени. — Так вот, друзья, слушайте! В небольшом горном ущелье жили были Лисица и Барсук. Жили в довольстве, никто не смел сказать им и слова, все животные ущелья были у них на побегушках. Зная, что Лиса перехитрит весь мир, Барсук попросил стать ее своим советчиком. Уже не помещаясь в своей норе, так Барсук разжирел за счет других, пожаловался он лисице: мол, ему в ущелье тесно и хочет он, чтобы все обитатели соседних ущелий верой-правдой служили ему. И Барсук спросил у Лисицы совета, как ему этого добиться.

Хитрая Лиса объяснила, что это не так-то просто, и один из путей — угодить главному хозяину здешних мест, Медведю. «Что мне для этого надо сделать? — спросил Барсук. — Как завоевать расположение хозяина?»

«Неужели не догадываешься? — удивилась Лисица. — Что, по-твоему, Медведь любит больше всего?» «Мед!» — ответил Барсук. «Правильно. Так пригласи его к нам и угости самым вкусным медом. Раз устроишь ему царский прием, а там, глядишь, ты уже и самый близкий друг Медведя. Ну а потом заживешь в свое удовольствие там, где только твоя душа пожелает. Никто слова не посмеет тебе поперек сказать, все будут знать, что ты близкий друг самого Медведя. Ведь ты об этом мечтаешь?»

И вот Барсук вместе с Лисой уговорили Медведя прийти к ним в гости. Стал известен день и час, когда должен прибыть Медведь. К предстоящему празднеству были привлечены все: Иволга стала глашатаем, Белка — гонцом, Дятла приставили сторожем к пасеке, Соколу назначили рассыльным. Настал наконец долгожданный день. Сопровождая Медведя и Барсука, Лиса шла впереди и своей болтовней, как могла, веселила всех. То там, то здесь, приветствуя гостя, выводил рулады Соловей. Перепархивая с ветки на ветку, скомоорошничала Обезьяна. Бабочка и Стрекоза танцевали свой грациозный танец.

А Медведь ел мед прямо из улья — ел до тех пор, пока от обжорства не закружилась голова. Потом на радостях неуклюже пустился в пляс и рассмешил всех. Но случилось непредвиденное: в самый разгар пиршества природа словно разгневалась — вдруг закачались горы, деревья под ураганным ветромгнулись до самой земли,

с треском ломаясь. Птицы разлетелись и попрятались, кто куда успел. Испуганно крича, забивались поглубже в дупло обезьяны. Гул землетрясения сменил нарастающий шум водопада. Пролетела в панике Сорока. Ойданкул¹ вышло из берегов, и ущелье стало быстро заполняться водой. «Берегитесь! Берегитесь! Наводнение!» — предупреждала Лисица всех.

Не зная, как спасти именитого гостя, хозяева растерялись. А вода прибывала и прибывала, и все едва успели укрыться в ветвях огромной орешины, поваленной наводнением.

И тогда Лиса, уверенная, что всем вместе не спастись, стала на ухо потихоньку уговаривать Барсука, чтобы тот больше не надеялся на всемогущего Медведя: «Надо бежать, пока не утонули, оставить его, неповоротливого!» Незаметно спустившись с орешины, Лиса и Барсук бросились в воду и поплыли, а Медведь-то не заметил, когда это случилось. Барсук был слабее Лисицы и на полпути к берегу стал отставать. «Вернемся назад!» — молил он Лису, но та все хитрила, уверяла, что-де осталось совсем немного, надо только постараться... Ноги Барсука свело судорогой, он испугался, просил, чтоб Лиса помогла ему выбраться. Но хитрая Лисица, опасаясь, что, помогая Барсуку, сама пойдет ко дну, поплыла не оборачиваясь, будто не слышала мольбы о спасении. Только и успел Барсук пожалеть: «Если бы я с тобой не пошел, предательница, такого несчастья никогда б не случилось!..» Вода прорвалась в нижнее ущелье, а в верхнем начала убывать, наконец ушла совсем. Взобравшийся на орешину Медведь и другие животные благополучно спустились на землю и, невредимые, разошлись по своим домам...

— Очень поэтично! — воскликнула Зульхумор под впечатлением услышанного. — Как в «Калиле и Димне».

— Мудрая сказка, ничего не скажешь, — согласился Атамурад.

Артык неожиданно спросил:

— И как же, интересно, в дальнейшем сложилась судьба Лисы? Спаслась?

Подбрасывая в потухающий костер ветки саксаула, профессор испытующе посмотрел на него, помедлил с ответом, пожав плечами:

¹ Ойданкул — сказочное лунное озеро.

— Не все ли равно, спаслась она или нет, важно то, что она оказалась п р е д а т е л ь н и ц е й.

Артык раздумывал над ответом профессора. Султанов, опустив глаза, не проронил ни слова.

Салахиддинов поднялся немного размяться, посмотрел на небо, густо усеянное большими и малыми звездами, и увидел, как упали одна за другой две звезды — упали и мгновенно погасли. Одновременно по пустыне пронесся вдруг легкий ветерок, который, словно целебный бальзам, коснулся лиц усталых путников. Камалиддин-ака с наслаждением вдохнул полной грудью вечерний воздух, прохлада пустыни поистине живительна. Но завтра... завтра снова настанет утро.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Песок, песок, песок... Перед глазами одно и то же: громоздящиеся друг на друга светло-коричневые барханы, нет им ни конца ни края. Мучителен подъем: песок плывет, осыпаясь под ногами, неодолимо тянет обратно. Огромного труда стоит путникам взобраться на бархан. Переноса тяжесть собственного тела вперед, опираясь на палку, каждый продвигался чуть не ползком. Но и спуск не менее труден: опасаясь, что песок придет в движение, приходится отклоняться, насколько это возможно, назад, почти садиться на корточки. И так — от бархана к бархану... Мучительно преодоление песчаных хребтов, оно изнуряет, гудят ноги, невысказанно стучит сердце...

Наравне со всеми Артык терпит мучения, изнуряющий голод. Готов отказаться от сна, только бы продолжать путь, не останавливаясь, лишь бы знать, что вырвешься из проклятой пустыни живым. Адские муки усугубляет жара, она причиняет самые тяжкие страдания. Едва показавшись, солнце с утра жжет немилосердно. Раскаленный воздух не дает глубоко вздохнуть, во рту пересыхает, губы трескаются, на них запекается кровь. Кажется порою, все: выдержать невозможно...

Темнеет в глазах, куда ни глянешь, всюду мерещится вода. Зыбко колыхание раскаленного воздуха над полосами барханов, похожих на волны, перекаत्याющихся на поверхности невесть откуда взявшегося озера. Иногда Артык слышит, как совсем рядом журчит ручей, знакомый голос напевает что-то из Махтумкули¹.

¹ Махтумкули — известный туркменский поэт.

«...Кто не блуждал в песках сыпучих, водою... дорожить... не может... не может...» — мозг на пределе напряжения, а голос монотонно напоминает о прохладе родника, хочется закричать: «Воды! Когда же наконец вода? Сколько можно терпеть эту жажду?»

Артык едва сдерживает себя, вспомнив, что совсем недавно они получили по глотку.

Ему немного легче: он идет последним по проложенному следу. Первым — Атамурад. «Он железный, железный... он железный, этот парень, ни разу не запыл! — завидует Артык, и ему кажется, что губы движутся сами собой, помимо его воли срываются слова: «Если бы не этот окаянный, уж я, Артык, сумел бы распорядиться водой, не стал бы из-за глотка пресмыкаться перед ними, как мальчишка. Сам виноват, под шумок часть воды надо было зарыть в песок, а потом незаметно отстать... удрать — ведь с водой никакая пустыня не страшна».

Вот и следующий бархан. Занятый своими мыслями, Артык сбивается со следа впереди идущего и падает. Еле переставляющий ноги Камалиддин-ака тянется помочь ему, но тут же сам падает навзничь. Артык злится, молит про себя: «Хоть бы кто помог!» Злость прибавляет силы: опираясь на локти, резким движением он отрывается наконец от песка, словно наперекор всем хочет доказать, что не нуждается ни в чьей помощи. Профессор никак не может снова попасть в след и чем больше для этого прилагает усилий, тем сильнее в нем вязнет.

Атамурад ведет под руку Зульхумор. Силы девушки на пределе. Султанов остановился на месте, зная, что профессору помогут и без него. И в самом деле, к нему подходит Атамурад, подхватывает Салахиддинова под руку, успокаивает:

— Еще немножко, домла! Спустимся сейчас вниз и отдохнем. В тех вон зарослях. Промочим горло, может, переждем самую жару... И у меня ноги совсем плохи.

Профессор задыхается, качает головой:

— Ничего, ничего, я терплю... Берегите воду, она еще пригодится.

Артык раздражен: «Подумаешь, валится с ног, выбился из сил, а туда же: «Берегите воду, берегите воду!»

Чуть не ползком добираются они до одинокого тамариска и, словно по команде, падают на песок, стараются спрятать от солнца головы, закрывая их руками.

Артыка сильнее прежнего мучит жажда; он, как все, еле добирается до тамариска, из последних сил раскапывает песок, жаждет хоть кончиками пальцев ощутить желанную прохладу. Так бы и сунул голову в песок... Богу было угодно лишить его бурдюка с водой, который он подкладывал на каждой остановке под голову, когда там еще переливалось на доньшке... Теперь бы пригодился! Не спрашивая, открыл бы его и сделал вид, что смачивает горло... а сам напил бы вволю. А теперь все они в зависимости от этого упрямого, как осел, шофера. Слышал, какая-то личная драма погнала его сюда. Повелевает, скажи на милость, и ничего с этим не поделаешь, и образования нет, а у него, Артыка, высшее. И кто бы слушать его стал, не будь он хранителем воды?.. Надо же, болван, выпустил из собственных рук спасение — воду! И как теперь выберешься отсюда с этими немощными калеками? Только б не остаться навеки в проклятых барханах! И еще эта девчонка Зульхумор! Подумаешь, женщина! Попала в переплет. Почему он должен жалеть ее, ведь у нас равноправие... Господи, будь у него литра два воды, он тогда бы точно знал, как поступить... Знал!

Артык слышит тяжелое дыхание. «Не иначе наше научное светило плетется! Что его-то, человека, говорят, феноменальных способностей, достигшего в жизни всего, потянуло на эту богом забытую землю? Похоже, растирает уставшие ноги». Но, повернув голову, Артык видит, что Камалиддин-ака, разувшись, как совсем недавно Зульхумор, прокалывает на ногах иголкой пузырьки мозолей. Согнувшись в три погибели, он морщится от невыносимой боли после каждого укола. Так вот в чем дело, вот почему Салахиддинов не мог идти! Не приведи бог испытать такое! Даже мысль об этом заставляет Артыка содрогнуться, он невольно шевелит пальцами собственных ног. Боли не чувствует, радуется: его ноги закаленные, пройдут столько, сколько надо. Лишь бы была вода!.. Лишь бы дойти до воды!.. А что, если сейчас встать, сказать: «Друзья, давайте последний раз посоветуемся. Наверное, все же прав Атамурад. Напрасно, я, Артык, не соглашался. Простите. Теперь понял, прозрел... Знал бы, что все так обернется, ни за что бы не предлагал идти!.. Намерения были самыми искренними,

думал, только так удастся найти путь к спасению. Позвольте же искупить вину. Если доверите, пойду один, а вы подождите, не двигайтесь с места. Выдержу, не думайте, выйду к колодцу, сообщу людям. Лишь бы вы дали мне на дорогу воды!»

Но поверят ли ему после всего, что наговорил тут? Не прочтут ли в глазах истинных намерений? А главное: сумеет ли он один выбраться из этой проклятой пустыни?

Кто-то глубоко вздыхает, нетерпеливо поднимается с места.

— Ну и ну, ну и пустыня! Спалить готова!— Это Атамурад. Он снимает свою кепку, усиленно обмахивается.— Такое громадное пространство — и ни ветерка...

— Значит, до ущелья далеко. Помните, как веяло прохладой из ущелья Нугитеема?— напоминает профессор, осторожно поглаживая икры ног.

— Откуда вы знаете, профессор, может, ущелье уже за одним из этих барханов?— возражает Султанов, продолжая лежать неподвижно, не проявляя признаков жизни.

Профессор пожимает плечами:

— Может быть, вы правы.

— Погодите!— просит Зульхумор.— Что-то непрерывно гудит. Слышите?— она приставляет руку к своему уху.

Все замолкают. Слушает и Артык, но, как ни старается, не может ничего уловить.

— Наверное, показалось,— нарушает молчание Атамурад.

— Тише! Тише! Слышу, где-то невдалеке идет машина,— вскакивает Султанов, поднимая голову.

Сердце Артыка радостно екает. Однако, оглядевшись, он снова, сдерживая дыхание, внимательно прислушивается. Лишь Камалиддин-ака спокойно сидит, равнодушный, не доверяющий даже собственным ушам.

— Какая там машина!— машет он рукой.— Это, дочка, у вас от усталости. Поверьте!

Зульхумор разочарованно качает головой:

— Да, наверное, это так, домла.

Атамурад старательно делит на тоненькие ломтики кусок вареного мяса. Артык считает: один, два, три... десять кусочков, первые четыре потолще... Кому они, интересно, предназначены?

Вытащив из рюкзака деревянную ложку, Атамурад кладет ее прямо на песок, пододвигает к себе бурдюк, хочет открыть его, но, передумав, потирает руки.

— Ну, друзья, пожалуйста обедать! — смущенно приглашает он. — Хорошо бы, конечно, мясо запить чаем... хотя бы по глотку. Но с водой, знаете, у нас туговато, в бурдюке едва ли наберется кружка...

Покончив с мозолями, профессор прикалывает иголку к своему воротнику и, не глядя на шофера, подтверждает:

— Что поделаешь, по одежке протягивай ножки! Распределяйте, как сочтете справедливым, Атамурад.

Последние слова неприятно задевают Артыка: чего это профессор так доверяет самоуверенному парню? Оттого что он такой честный? Ерунда! Даже самый порядочный в подобной ситуации думает только о себе. И этот небось не ангел! Себе на уме. Хочет жить, еще как хочет! Просто до поры до времени умело маскируется. Да, надо признаться, он не из простачков. Вот кончится запас в бурдюке, дойдет очередь до ржавой воды в канистре, тогда посмотрим, как себя этот добренский поведет!..

Все подвигаются к газете, на которой лежат ломтики мяса: кто на корточках, кто скрестив ноги, рассаживаются около. Лишь Зульхумор все еще медлит, как бы не решаясь.

Артык исподтишка наблюдает за Атамурадом: тот выбирает самые тоненькие, угощает оставшимися, большими, других:

— Вот, начальник, пожалуйста, приятного аппетита!.. Это, Артык-ака, вам. Профессор, Зульхумор, берите!

Артыку кажется, он наконец-то разгадал «хитрость» парня: «Значит, тем, кто посильнее, и куски поменьше?.. Но чем девчонка и домла лучше остальных? Плевать я хотел на философию этого шоферишки! У нас равноправие — если уж угораздило очутиться в одной лодке, так изволь делить все поровну! Разве сохранишь силы, если откажешься от своей доли в пользу этих калек?»

Камалиддин-ака будто читает мысли Артыка, глядит на него, переводит взгляд на Атамурада:

— Вы несправедливо поступаете, дорогой, надо делить поровну. Пусть это будет в последний раз. Договорились?

Атамурад не оправдывается, виновато соглашается:

— Хорошо, обещаю, домла, больше это не повторится. — И добавляет едва слышно: — Да и мяса-то осталось совсем немного, кот заплакал, так что и делить нечего...

Артык хочет и тут съязвить, но молчит, остерегается Атамурада: в парне пугает не физическая сила, а его идиотская прямолинейность.

Вот Атамурад открывает наконец бурдюк, выцеживает оттуда все до капли в кружку — каждому достается по ложке, не более.

— Что поделаешь, придется довольствоваться малым, — говорит шофер смущенно, будто один виноват в этом.

Как жадно проглатывается эта ложка, как цедится сквозь зубы по капле! Но такая малость не может даже смочить пересохшее горло. Артык не глотает, надеясь, что от этого жажда станет хоть немного меньше. Но теплая жижа от долгого держания во рту вызывает тошноту: на вкус вода кажется странной. В конце концов он заставляет себя проглотить эту влажную малость, так мало похожую на воду, и думает, что даже остаток остывшего чая, который он в той жизни терпеть не мог, был бы сейчас вполне приемлем.

Ужин закончился, но у всех на уме одна-единственная мысль: об остатке воды в канистре. Никто, конечно, не подает и виду, даже не смотрит в сторону последнего сомнительного резерва. Атамурад отодвигает от себя пустой бурдюк, собирает рюкзак. Время от времени поглядывает на Зульхумор, отводит глаза, когда встречается с нею взглядом. Он жалеет девушку и не скрывает этого, но не знает, чем может ее подбодрить. Артыка коробит сострадание Атамурада: дурачок он, этот шофер, надо о себе больше думать, а он все об этой девчонке печется. Чего ее жалеет, родная она ему, что ли?..

Покончив с рюкзаком, Атамурад неожиданно стаскивает с себя сапоги. Артык пугается: что за черт, неужели и у этого что-то с ногами? Тогда уж все они точно застрянут!

Нет, у него отлегло от сердца: Атамурад берет в руки нож, освобождает один из рюкзаков и порет его по швам. «Что он, спятил, что ли? — удивляется Артык. — Неужели хочет из мешка сделать портянки?»

Да, это так. Атамурад разрезал мешок на два полотнища, отрезал грубые швы, приложил к своей ноге. Потом берет сапоги с портянками в руки и идет к Зульху-

мор, которая, морщась от боли, массировала ступни ног. Он молча пристроился рядом, спрятав сапоги за спину, и протянул ей то, что недавно было рюкзаком.

— Ну-ка попробуйте обернуть ноги вот этим, думаю, будет неплохо.

Девушка мельком взглянула на него, глаза ее наполнились слезами, губы задрожали, она решительно замотала головой:

— Нет, нет, Атамурад-ака, что вы, не надо!.. Не надо из-за меня калечить ноги, не надо, спасибо.— Слезы не дают ей договорить.

Атамурад спокойно улыбается, настаивает:

— Вы сначала попробуйте, может, сапоги вам и не подойдут еще... Не возьмете, очень меня обидите,— говорит он решительно. Потом поднимается.— Думаете, легко нам, мужчинам, видеть вас в таком положении? Ведь не дикари же мы какие-нибудь бесчувственные...

Голос его, кажется Зульхумор, немного дрожит. Он бросает портянки на сапоги и отходит. Артык смотрит на следы, которые оставляют его ноги на песке, ежится, будто сам идет босиком и его подошв касается раскаленная пустыня.

— Не дай бог! — произносит он машинально.— Не дай бог!..

Еле ступая, к Зульхумор подходит профессор и как ни в чем не бывало помогает ей намотать портянки. Удивление Артыка не проходит: как это парень решил-ся остаться босиком?.. Ведь никто не обвинил бы его в бесчеловечности, не отдай он девушке сапоги. Что за благотворительность?

Кроме удивления Артык ощущает и нечто другое. Он ставит себя на место этого шофера и понимает, что сам бы никогда не поступил так, не отважился на жертву, жалея прежде всего себя.

Сердце его беспокойно бьется, в нем просыпается какое-то подобие совести, шепчет на ухо: «Знай, это и есть человечность. Но разве ты обладаешь ею?» Артык злится, убеждает себя снова и снова: «Что, в самом деле, должен я этой девчонке, что ли?»

Он хмуро смотрит на Зульхумор. Вот только что она выглядела такой подавленной, а теперь на глазах преобразилась. Натянула сапоги, притоптывая ими по песку и не скрывая радости избавления от ненавистных порванных кроссовок, глаза горят, она то и дело поглядывает на своего избавителя, не зная, видно, как его от-

благодарить. А шофер, закатав брюки, словно ду-валзон¹, присел на корточки и складывает в рюкзак с канистрой вещи, которые до того были в мешке, превратившемся в портянки. Он решительно откладывает в сторону кроссовки Зульхумор, котелок, «Спидолу», затягивает и продевает руки в ремни. Потом приспособливает сверху рюкзака пустой бурдюк: вдруг пригодится...

Атамурад, пригоняя рюкзак поудобнее, встряхивает его, и в канистре едва слышно плещется вода. Артык весь превращается в слух. Неужели и вправду осталось только на дне? Он дрожит от мысли, которая, словно молния, ударяет в голову: «Что теперь делать? Что предпринять?» Он сам себе не смеет признаться в том, что еще надеется на чудо. Откуда ему быть? Он еще и еще раз задается вопросом, что же теперь будет со всеми ними, вернее... с ним. И, прикрывая веки, не находит ответа.

Перед глазами возникает дворик на окраине Ташкента, где воздух чист и прозрачен. Ему видится виноградник с тяжелыми янтарными кистями, просторная теплица посреди двора, источник его немалых доходов. Комнаты дома, расписанные нежными, позолоченными красками, «Москвич» в гараже. Неужели он всего этого лишится? Неужели уже не суждено ему владеть всем этим? Ради чего тогда, не жалея сил, он все эти годы собирал, копил, строил? Чтобы бездарно погибнуть в этой проклятой пустыне? Не лучше ли было вообще не появляться на белый свет?..

Кто-то трогает Артыка за плечо. Он открывает глаза, испуганно вздрагивает и видит Султанова, который волочет на себе рюкзак с камнями. Слава богу, думает он, есть еще в этой компании человек, понимающий его, Артыка. Ему-то можно, в случае чего, довериться. И в спутники свои можно взять. Он не такой размазня, как все эти гуманисты.

Артык поднимается, опираясь на палку, бросает взгляд на брошенный Атамурадом котелок. У него екает сердце. Ну вот, началось... Теперь они, пожалуй, станут бросать все, что в тягость. Сегодня котелок, завтра канистру из-под воды, послезавтра... Мысли путаются. Он идет в цепочке последним, свесив голову на грудь, почти касаясь ее подбородком, не думая ни о ком и ни

¹ Ду вал зон — мастер по кладке стен из глины.

о чем, кроме себя... В голову приходит шальная мысль. А что, если... когда стемнеет, тихонько отвести Атамурада в сторонку, попытаться уговорить его бежать вдвоем? Небогатенький парнишка, как пить дать, может, клюнет на деньжата? Не так ведь просто он здесь окочачивается, тоже подработать небось приехал, шоферит. Ведь в Ташкенте для классного водителя работы всегда хватает, не иначе погнался за длинным рублем. По крайней мере, Артык по-иному и не представляет себе причины, заставившей молодого парня променять безбедное столичное существование на каторжный труд в пустыне.

Да, надо попробовать склонить! Если объяснить поумному, сделать, как говорится, толковый заход, наверняка согласится. К каждому можно подобрать ключик! Ну а что если так сказать: приятель, нам, мол, теперь с этими попутчиками далеко не уйти, сам видишь, в каком они состоянии... Зачем же нам с тобой, здоровым ребятам, такая обуза? С ними мы все тут сложим свои головы...

И Артык уже мысленно обращался к Атамураду: «Ты согласен, парень? Никому, никому не хочется пропасть! Все хотят жить! Я прав?» Так спросит он его... Вот прямо сейчас, не откладывая, и спросит. Ну, наверное, это будет так. Атамурад смотрит на него хмуро, исподлобья. Взгляд его тверд, будто видит насквозь. И не отвечает сразу на вопрос, спрашивает, что называется, в лоб: «Что вы предлагаете? Бежать?» — «Да нет... почему бежать?»

Артык, конечно, сначала будет в замешательстве.

«Тогда что же вы хотите сказать?»

«Ты бы их уговорил, что ли... Они бы подождали, пока мы... Если бы они... где-нибудь на привале, а тем временем мы с тобой...»

«Что мы с вами?..» — нетерпеливо переспрашивает Атамурад, повышая голос на этом «мы с вами».

«То есть я... мы... Собрались бы в дорогу. Ты парень волевой, стойкий... Не успокойсья, если не добьешься... Тебе можно доверять, я понял. Только ты один и сможешь дойти до чинка. Не отказывайся! Ради бога, не говори, что нет! Кроме тебя, никто не сможет! Решайся!»

«Это все, что вы хотели мне сказать?» — холодно прерывает его Атамурад.

«Все? Но... если бы ты согласился... — Артык спешит объяснить свои намерения. — У меня есть к тебе небольшая просьба...»

«Что же это за просьба?..»

Артык понимает, чувствует, что Атамурад уже готов согласиться, несмотря на злобный его вид. Да, да, еще немного... и он согласится.

«Если ты не против, если тебе это будет не в тягость... Возьми меня с собой в спутники. Все отдам — лишь бы вывел меня отсюда! Я буду твоим рабом на всю оставшуюся жизнь. Буду исполнять все твои желания — лишь прикажи! Скажешь — ляг — лягу, скажешь встать — встану... Только возьми меня с собой. Если хочешь, я сейчас напишу тебе расписку. Проси всего, чего только пожелаешь. Скажешь — деньгами — будут тебе деньги, скажешь — вещами — будут вещи, какие пожелаешь. Только спаси меня! Хочешь, я куплю тебе машину, ты же шофер, знаешь цену настоящей машине...»

Атамурад насмешливо улыбается, качает головой:

«О, какой ты, оказывается, человечный!»

«Что, не веришь? Я же говорю от сердца, от души...»

«Почему так сразу — не верю? Подачку мне суе-те? — злитесь Атамурад. — Извините! За кого вы меня принимаете? Ошибаетесь! Думаете, за деньги можно все купить? И машину, и шофера в придачу? И совесть? Нет! Мне не нужны ваши деньги. Они поганые, они мне не нужны».

«Что, что? — вскипает Артык в этом мысленном споре. — Это мои-то деньги — поганые? Мои? Заработанные в поте лица? Так, по-твоему, я скопидом, падкий на деньги, на богатство? Нет, приятель, ты ошибаешься. Я все зарабатываю своим трудом, кровью и потом, если и кидался иной раз в сделки, то с одной лишь целью — жить не хуже других. Не знал покоя. Ты прежде спроси, чем я только не занимался! Ходил на работу — раз... Ухаживал за теплицей — два. Принимал больных на дому — три. Ночью ездил на «скорой помощи», подрабатывал — четыре. Откармливал бычка — пять... И еще... еще. Что же, это не труд, по-твоему, получается? По-разному деньги пахнут? А те, что ты зарабатываешь здесь? Они разве другие? Да, из-за денег и я торчу тут, не зная ни сна, ни покоя, хочу заработать две тысячи и поменять машину! Что в этом плохого? Почему деньги эти, говоришь ты, поганые? Разве не знаешь,

парень, что и у нас в Ташкенте, не выходя из дома, не ударив палец о палец, можно иметь тысячи и швырять их как бог на душу положит? Чихнул — и пожалуйста, потекли эти самые тысячи. А откуда? Присваивают народное добро, грабят государство... Им только позволю, они и самолет купить готовы, и вертолет... Есть, бра-тишка, такие... И немало. Я-то уж знаю, имел с ними дело. Мы букашки по сравнению с ними, нам-то все да-ется тяжелым трудом...»

«Говорите яснее, кто это — «они»? — предвидит во-прос Атамурада Артык. — Что за люди?»

«Спрашиваешь, парень, будто сам не знаешь, о ком идет речь? Скажи лучше другое: есть ли теперь хоть одно важное дело, которое можно сделать без денег? Куда ни сунься, всюду смотрят тебе в кошелек. И по-пробуй не дай! Ничего не выйдет у тебя. Потом все рав-но будешь вынужден дать, только уже больше. Попро-сят! И телефон без этого не поставят, и квартиру не да-дут, и газ не подключат. Везде нужны знакомства, по-дарки, как говорится: «ты — мне, я — тебе...» Вот один из тех, кто хорошо знает жизнь, Султанов, наш началь-ник экспедиции. Думаешь, зря он организовывал уго-щение в пустыне, зря превозносил до небес нашего до-млу? Есть на него у Султанова виды! Мечтает на работу в Ташкент перевестись, а уж если за него Камалиддин-ака похлопочет, словечко замолвит где надо, — всё, счи-тай, он уже в столице живет...»

Артыку в этот момент видятся глаза Атамурада — строгие, осуждающие... Да, зря он готовил этот разговор с ним. Ничего путного не выйдет. В ушах будто звучит готовый ответ Атамурада, он словно по живому режет:

«Вы, Артык, не простачок, как я погляжу. Да не преувеличивайте вы значение этих самых денег!.. Что касается предложения одним смотаться, скажу — на-прасно стараетесь. Подло!..»

«Тогда отдай то, что мне причитается! — потребует Артык. — Немедленно отлей воду, которая полагается мне! Не хочешь идти, я один пойду! Хватит, сыт по гор-ло, не желаю больше плестись за вами в хвосте и смот-реть, как из профессора и этой девицы песок сыплется, его в пустыне и так до черта! Ухожу немедленно! Решу сам, как мне поступить...»

Атамурад, знает он, пристально так посмотрит и молча будет продолжать путь, будто и не было этого разговора. И опять замаячат перед Артыком его широ-

кие плечи, вот как сейчас. И как ни кричи, не докричишься, что ни сули, Атамурад ни на какие посулы не поддастся...

Артык сжимает кулаками виски: что же такое происходит? Почему навязчивые мысли все лезут и лезут в голову? Почему так лихорадочно работает его воспаленный мозг, темнеет в глазах? Ведь так и свихнуться недолго...

Кто-то становится перед ним, нервно, грубо спрашивает:

— Кто вы, наконец, — носильщик, компаньон?

Артык испуганно протирает глаза, наткнувшись на препятствие, и видит перед собой взмокшего до седьмого пота, тоже еле держащегося на ногах Султанова. Глаза его почти скрыты за отросшей в дни скитаний черной щетиной, сам он заметно постарел... Артык удивляется, что всего какой-нибудь час назад, на привале, он этого не видел.

— Ну что? — произносит, придя наконец в себя, Артык. — Что вы имеете в виду?

— Как это «что»? — шипит Султанов. — Вы вообще когда-нибудь в жизни путешествовали?

— Да, конечно, приходилось... — отвечает Артык.

Султанов смотрит на него с нескрываемым презрением: Артык, кажется, все еще ничего не понял. Тогда, сбросив с плеча рюкзак, Султанов тоном приказа предлагает:

— Может, вы понесете немного?

До Артыка только теперь доходит наконец смысл сказанного Султановым, и он отмахивается обеими руками:

— Да вы что, спятили? Кому нужны тут ваши камни? Подумаешь, ценность, придет время, найдете еще столько же! А сейчас важно силы сберечь!

Артык, конечно, не хочет злить начальника партии, да к тому же и Султанов ему несравненно ближе, чем тот же заумный профессор или истеричка Зульхумор. Пригодится ему еще дружба с Султановым. Да и он, Артык, умеет быть полезным...

— Ладно уж, давайте ваше богатство! — неожиданно соглашается он. — У другого, хоть убейте, не взял бы! — говорит он, протягивая руку к рюкзаку.

Султанов облегченно вытирает пот, признательно кивает, как бы извиняясь за проявленную слабость. Передавая рюкзак, он с трудом дышит:

— Будь прокляты и этот Устюрт, и эта экспедиция! Жаркий воздух пустыни так и полыхает: удивительно, что все они еще передвигают ноги. Артык испытующим взглядом окидывает фигуру Султанава, и ему приходит в голову мысль, что этому человеку, наверное, жизнь дорога по-настоящему — дорога именно в том понимании, как и ему, Артыку. И, взваливая рюкзак с образцами на плечо, он неожиданно приходит к выводу: этого наверняка уговорит. Жаль только, что не Султанов несет воду...

В эту ночь незадолго до рассвета Артык увидел странный сон. Будто еще не взошло солнце и Атамурад собирается в дорогу, прощается со всеми:

«Извините, товарищи, если что не так... Не принимайте близко к сердцу. Только прошу, поймите меня правильно. Я долго думал и решил, сам пожелал!..» — С этими словами он вдруг на глазах у всех превратился в белого верблюда.

«Зачем ты это сделал? Какая нужда была в этом?» — упрекают его со всех сторон.

«Я же просил, чтобы вы не препятствовали моему желанию, — обижается Атамурад и объясняет: — Вижу, нам до чинка не дотянуть. Вода кончилась, ноги устали, с каждым днем все труднее. Вот я и решил превратиться в верблюда и вести вас за собой, довести до чинка тех, у кого нет сил. Только бы не ругали меня потом последними словами... Я же ни на кого из вас зла не держу...»

«Один верблюд дело не поправит! Как нам-то поступать? — кипятился во сне Артык. — Все равно ведь придется идти пешком...»

Верблюд-Атамурад многозначительно покашливает:

«Выход есть, каждый из вас тоже может стать... верблюдом, если пожелает».

«Как? И мы это можем?» — спрашивают все наперебой.

«Нет, не все. Но тому, кто действительно желает помочь своим друзьям, достаточно моей шерстью провести по глазам. И тут же он превратится в повелителя пустыни — верблюда, которому никакие пески не страшны», — говорит Атамурад, и на его верблюжьей морде, отдаленно смахивающей на человеческое лицо, возникает подобие улыбки.

«Ура-а! — радуется Артык. — Близок конец нашим страданиям!» — И, танцуя, он виснет на шее белого верблюда, целует его лоб, гладит голову.

А тот все качает и качает головой:

«Дослушайте же до конца! Подумайте хорошенько, а то потом станете меня укорять...»

«Зачем так говоришь? Разве плохо, если я спасусь сам, да и еще и другим помогу?» — спрашивает Артык.

«Дело в том, — отвечает Атамурад-верблюд, будто поддразнивая Артыка, — что, превратившись, ты навсегда останешься верблюдом, гарантировать обратного превращения не могу, потому что это тайна, которая мне недоступна».

«Тьфу, тьфу, чур меня, чур!» — пугается Артык и в ужасе пятится от Атамурада-верблюда.

А профессор, как и наяву, собирает всех, чтобы по-советоваться:

«Один верблюд для нас не выход. Но один из нас, наверное, должен все-таки на это пойти. Ради жизни остальных кто-то всегда жертвует собой. Как это сделал Атамурад. Так кто решится?» — Камалиддин-ака проницательно осматривает всех.

«Я согласна! У меня нет ни родных, ни близких, я одна-одинешенька», — Зульхумор поднимает, как в школе за партой, руку.

Но профессор не согласен с нею:

«Да что вы, милая, видели в жизни-то? Много ли радостей? У вас еще все впереди! Нет, я не согласен! Как, друзья? Другое дело — я... Детей вырастил, внуков дождался, учеников воспитал. Деревья посадил... Много ли, мало, но для науки кое-что сделал, принес людям пользу... И напоследок послужу...»

И домла хочет встать, подойти к Атамураду-верблуду, чтобы приложить его шерсть к глазам, но его не пускают:

«Профессор, вы нужны нам, мы не согласны!..»

«Значит, — разводит он руками, — выбор очень мал: вы, Султанов, и вы, Артык».

«Бросайте жребий», — советует белый верблюд.

Артык весь дрожит. Султанов держится спокойно, сидит и чертит что-то на песке.

Бросают монету. Артык, как заклинание, повторяет:

«О, боже! Пусть выпадет Султанову! Спаси меня, господи, не опозорь!»

Все смеются, мольбы не помогают: жребий выпадает ему. Не глядя по сторонам, Артык срывается с места, бежит вверх по бархану:

«Стой, подлец! Стой! Все равно я тебя догоню! Стой, говорят!» — слышится сзади голос Атамурада.

Артык из последних сил карабкается вверх, ноги все сильнее вязнут в песке, он вот-вот сорвется вниз. И тут просыпается...

Теперь он не знает, как толковать ночное видение: радоваться, что верблюд не догнал его, или печалиться, что был на грани падения. Нет, наверное, хорошо, что не упал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Уже не видать и одиноких саксаулов, то тут, то там виднеющихся между барханами. Пошла сплошь выжженная, без признаков жизни мертвая пустыня. Низенькие барханы жмутся друг к другу, словно застывшие волны морского прилива, далеко на горизонте сливаются с такырами¹, блестящими, как зеркало, и переливающимися в лучах немилосердного солнца.

...В былые времена, много тысяч лет назад, думает Камалиддин-ака, когда человек еще не был хозяином на этой земле, легендарное Аральское море заполняло и Устюрт... Только потом, под напором мощных тектонических сил, выросла тут огромная возвышенность, а воды Арала отступили на восток. Сарыкамышская низменность, нижняя отметка которой и сейчас на одном уровне с морем, появилась уже тогда, и мельчайшие песчинки напоминали муку — такой песок был на дне моря и много веков назад...

И вот теперь — надо же! — угораздило забрести в это богом забытое место. Не выбраться отсюда — значит исчезнуть бесследно, никто не найдет и останков, это так.

Хотя день перевалил на вторую половину, солнце жжет, ощущение такое, что и тень бежит, спасаясь, прочь от палящего раскаленного шара. Верхушки барханов окрашиваются в огненный цвет, на них нет сил глядеть — рябит в глазах, и кажется, еще мгновение, и они вспыхнут, как вспыхивают в костре раскаленные угли.

¹ Такыры — углубления, заполненные солевыми отложениями.

Будто нарочно, песок так нежен и мягок, что, едва ступаешь, нога тут же уходит в сыпучий плен. Каждый шаг дается с неимоверным трудом. Камалиддин-ака как-то еще идет. Ничем не унять жар, временами мучает жажда до помутнения сознания, голова кружится, ноги подкашиваются, одно неловкое движение — и он падает лицом вниз, лишь в последний момент каким-то чудом успевает повернуться на бок. Плечо вязнет в мягком песке, обволакивает мутной мглой... и профессору начинает казаться, будто его несет течение бурной реки. Только вода почему-то не освежает, он тянется к ней губами, желая сделать хоть один глоток. За воротник, в брюки течет горячий песок, и Камалиддин-ака не в состоянии противиться ему. Он понимает, что необходимо подняться, но, распластав руки и ноги, старается задержаться в таком положении, хоть немного передохнуть. Ах, если бы ему не мешали, если бы не надо было больше идти, он, наверное, так и остался бы лежать в этом песке...

Но кто-то, он не понимает сначала кто, бросается ему на помощь, теревит, помогает подняться. Профессор нехотя садится, голова еще кружится, фигуры спутников по-прежнему не обретают четкости. Все плывет перед глазами, словно в тумане, будто мало этих мук, так нет, еще и жажда невыносимо обжигает все внутри, снова подступает удушье, хочется облизать языком спекшиеся губы, но и это не получается.

— Воды! Дайте глоток воды!— кричит кто-то над ним, кричит чей-то знакомый голос, но он никак не может узнать чей.

— Сейчас, сейчас! Иду, домлажон, потерпите минутку!— торопливо откликается другой голос, который, как кажется сейчас профессору, он тоже где-то слышал... Атамурад! Только этот парень может помочь, когда так нестерпимо...

Кто-то подносит к его рту ложку. Влага касается губ, она так желанна, он разом глотает ее. Горло, будто маслом, смазывается водой, домла открывает наконец глаза, еще машинально причмокивая. Атамурад подносит еще одну ложку к его рту, он хочет что-то возразить, но не в состоянии сказать и слова. Тяжело дыша, тянется к ложке.

— Спасибо,— наконец выдыхает Камалиддин-ака, когда огонь в горле слабеет и жажда немного утолена. И как раз в этот момент он видит Артыка, безумный

взгляд которого устремлен на ложку. Профессор чувствует себя неловко, будто человек, посягнувший на чужое. Едва разлепляя губы, шепчет Атамураду:

— Вы тоже промочите горло... всем дайте... не мучьте себя...

Все словно только и ждут этих слов. Тяжело опускаюсь на колени около канистры, каждый пьет свою ложку. Камалиддин-ака постепенно приходит в себя, его движения обретают уверенность. Он видит измученных, доведенных до крайней степени изнеможения своих спутников, испытывающих, как и он, жгучую жажду, — видит, как медленно смакуют они каплю за каплей долгожданную ложку воды, жадно поглядывая на канистру. Он отворачивается, чтобы не видеть этого, со щемящей болью в сердце думает: «Что эти ребята видели на своем веку? Что успели сделать? Самое время получать удовольствие от жизни, а тут вдруг такое...»

На глаза навертываются слезы, к горлу подкатывает горячий ком, и начинает казаться, что теперь перед глазами плавают какие-то черные тени, в непрерывном кружении они сходятся, снова расходятся, и все словно в тумане.

Домла протирает глаза кулаком. Но нет, это не призраки, это проплывающие по песку тени огромных птиц. Он с трудом поднимает голову: и впрямь, изредка взмахивая крыльями, над ними медленно кружит стая черных воронов.

Ужасная догадка мелькает у профессора: «Чувствуют, стервятники, мы в безысходном положении, выжидают! Не иначе — предвестники беды!..» Лоб Камалиддина-ака покрывается ледяным потом; пересиливая охвативший его страх, он резко поднимается, какая-то неодолимая сила помогает ему сделать это.

— Вставайте, друзья, пошли! — невесть откуда появилась уверенность в голосе.

Но оказывается, что, кроме него, никто не в силах подняться на ноги: опустившись на песок, все напряженно вглядываются в небо. Застыл в испуге Артык. Султанов, наверное, наслышан, что птицы черные питаются падалью, и глаза его округлились от ужаса. Лишь Атамурад спокойно следит за воронами, словно охотник, у которого нет ружья. Приложив ладони ко лбу, с любопытством рассматривает птиц Зульхумор.

— Какие странные, верно, домла? Это коршуны? — задает вопрос девушка.

Профессор не знает, что отвечать: нужно ли говорить правду?.. Да нет, пусть уж знает.

— Вороны это, дочка, вороны! — молвит он наконец.

— Странно, — удивляется Зульхумор, — все птицы боятся человека, а эти — хоть бы что, никогда таких не видела! Наглые...

Атамурад выразительно посматривает на профессора, словно просит не открывать девушке всей правды, потом встает, медленно взваливает на спину рюкзак, сожалеет:

— Было б у нас с собой ружье, мы бы им показали...

— Хорошо бы, конечно, пристрелить одного-двух.

А кстати, кто знает, мясо у них съедобное? — спрашивает, обращаясь к Атамураду, не опуская головы, Зульхумор.

Парень отводит глаза, и, пока он собирается с мыслями, за него раздраженно отвечает Артык:

— Что вы тут болтаете! Разве съедобно мясо птиц, питающихся падалью? Это они... наше мясо... с удовольствием!..

Атамурад резко поворачивается и так смотрит на Артыка, что тот уже не решается говорить больше того, что сказал. Зульхумор, однако, все уже поняла и в ужасе бледнеет как полотно. Теперь ее взгляд, полный страха, прикован к воронам, удаляющимся от них и набирающим высоту.

«Надо же, какие есть на свете вредные люди! Говорят — будто жалят... Неужто не знает, болван, что слово убить может... Или поступает так с расчетом?» — Профессор в упор разглядывает Артыка, и тот кажется ему таким несимпатичным. Один за другим, усилием воли поднимаются и остальные, бредут следом за домлой. Лишь Артык все еще стоит, будто взвешивая, стоит ли трогаться и ему.

Профессор все время думает об Артыке, порывается оглянуться, чтобы убедиться, что он тоже идет следом, уже сожалея о только что брошенном в порыве досады взгляде. И когда наконец оглядывается, видит, как Артык изо всех сил старается догнать ушедших вперед. Как он боится отстать, как самолюбив и эгоистичен, думает Камалиддин-ака. Из таких не получается ни надежных друзей, ни добрых спутников...

Салахиддинов останавливается, делает небольшую передышку и снова пускается в дорогу, стараясь не думать ни о чем неприятном. Но чтобы забыть о палящем

солнце, изнуряющей дороге, есть только одно средство: попробовать отвлечься. Только воспоминания о чем-то приятном на время избавят от мучительных предчувствий, и профессор вспоминает институт, свои исследования по обводнению и освоению Устюрта.

Не он один постоянно думал об этой мертвой земле. Не он один был тайно влюблен много лет в эту загадочную землю. Не одному ему снился по ночам Устюрт. Таких было много и до него, будет, видно, и после. Сколько ученых в разные времена, не пугавшиеся адской жары, исхаживали вместе с древними караванами плато вдоль и поперек, проводили географические исследования. А потом публиковали любопытнейшие дневники, которые изо дня в день вели на Устюрте и прозвали этот край потерянным миром. Даже автор словаря русского языка Даль однажды, направляясь в Хиву, пересек Устюрт. Академик Бертольд именно на этих землях завещал потомкам искать останки средневекового города Шом.

Кого только не притягивал Устюрт, каких только великих людей не влек к себе! Но решающее влияние на Камалиддина-ака, который давно мечтал заняться этой проблемой, оказали записки географа Гербарта. И этому последнему его путешествию тоже в немалой степени способствовали интереснейшие дневники, оставленные ученым.

Гербарт писал об Устюрте тринадцатого века. Вода и тогда была тут самой большой ценностью — ценнее золота; многие путники поворачивали обратно, не пройдя и половины пути, только из-за того, что не хватало ее запасов. Караван русских и греческих торговцев, с которым следовал Гербарт, подвергся нападению местных грабителей, но, получив отпор, вынуждены были отступить. Бандиты пошли на хитрость: перекрыли пути к редким колодцам и оставили путников без воды. И за эту воду караванщики расплачивались несметными богатствами, стремясь только к одному: вернуться поскорее домой. Гербарт писал, что уже тогда он встретил в пустыне несколько кишлаков, правда, многие из них были ко времени его путешествия заброшены, покинуты жителями. Но население уже тогда научилось сохранять пресную воду в своеобразных колодцах: появились подземные водяные амбары.

Именно эта старая как мир идея сбора воды под землей не давала все время Салахиддинову покоя. Почему

бы в наши дни не использовать опыт предыдущих поколений? Исследуя Устюрт, не попытаться использовать данные, приведенные в дневниках путешественников? Можно попытаться повторить путь, пройденный ими, найти места, где когда-то обитали люди, выбрать наиболее пригодные для земледелия, построить современные поселки. Ведь были же здесь и колодцы, в которые собиралась драгоценная дождевая вода из такыров и использовалась как питьевая — чего-чего, а такыров этих на Устюрте не счесть. Воды и нынче можно насобирать достаточно, чтобы вдоволь напоить здесь и людей, и посевы.

Профессора Салахиддинова как раз и побудила к экспедиции идея создания таких подземных водохранилищ. Изыскатели, отправившиеся не так давно в Агачкудук, сообщили о редкой находке на месте развалин древнего кишлака — странной формы водяного амбара. И надо же, какая досада — когда мечта Камалиддина-ака была близка к осуществлению, именно теперь произошел этот нелепый случай: они заблудились... Да еще в день его рождения. Как же согласился он поехать на эту охоту? Как?! Теперь все пойдет прахом — и начатая работа, и расчеты, и все, все... Из-за единственного легкомысленного поступка.

Камалиддину-ака кажется, что он теряет последние силы.

Неужели судьба всегда немилосердна к тем, кто приходит на Устюрт? Неужели печальный конец ждет всех, кто старается разгадать его вековые тайны? За что он, Салахиддинов, так страдает? В чем его ошибка? Может быть, есть доля истины в словах Зульхумор — это справедливое возмездие за жестоко убитого сайгака? Наверное, в таких суровых местах, как Устюрт, приходится дорого платить за каждый неверный шаг... Еще виной всему наверняка и те несколько глотков спиртного, которые он, как мальчишка-именинник, заслушавшись речами Султанова, заставил себя выпить тогда. «Ах, если б знать заранее!» — который раз терзает душу запоздалое сожаление.

Сегодня же вечером, думает Камалиддин-ака, он записывает свои мысли, набросает кое-какие планы относительно Устюрта в свой дневник, ведь день ото дня положение становится все более безвыходным: профессор с ужасом замечает, что порою мутнеет его всегда ясный ум, теряется память. Да и кто знает, что готовит им

завтрашний день, выдержит ли сердце... Но ведь когда-нибудь обязательно разыщут то, что останется от них, и его записи обязательно зажгут, он уверен, какого-нибудь человека, преданного науке, любящего родной край; подземные водохранилища Устюрта — он верит — наполнятся питьевой водой, в этой богом проклятой пустыне зацветут сады, будут пастбища, поля... Профессору достаточно знать и верить, что люди добрым словом помянут когда-нибудь имя Салахиддинова, увы, не дожившего до осуществления своей мечты. При этой мысли он будто чувствует дуновение теплого ветра, душа его понемногу обретает покой, и он в первый раз за день с надеждой глядит туда, куда им предстоит идти. Глядит и останавливается: впереди виднеется песчаный холм, напоминающий своими очертаниями лежащего и вытянувшего вперед шею верблюда, а рядом четко выделяется обложенный кирпичами обод колодца, ворот с ведром и цепью, чуть дальше — дорога, обсаженная трепещущими на ветру тополями, за ней — сады и огороды... С ближней стороны, сливаясь с горизонтом, светлеет изумрудная гладь озера. То ли голуби парят над ним, то ли чайки... Хотя птицы кажутся далекими, они видны четко, и невозможно оторвать от всего этого великолепия взгляда.

— Смотрите, друзья! Мы вышли к Аралу!

— Где? В какой стороне? — с надеждой спрашивает то ли Султанов, то ли Артык.

— Ничего не вижу... Где?! — это в отчаянии Зухумор.

Артык, не скрывая торжества, подхватывает радостный крик профессора:

— Смотрите скорее, вон вода! Наконец мы дошли до воды! Мы спасены! — И он бежит вперед — к озеру, птицам, деревьям...

Все устремляются за ним, норовя обогнать друг друга, спотыкаясь и снова поднимаясь. Но странное дело: чем дальше они бегут, тем более отодвигается от них водная гладь. Вроде рукой до него подать — вот оно, озеро, а расстояние все не сокращается. Но вода, переливаясь, голубея, манит измученных путников, близость ее придает новые силы...

Наконец, совершенно выбившись из сил, профессор падает, но тут же поднимает голову, еще и еще раз с надеждой устремляет взгляд вперед. И тогда картина, которую минуту назад можно было рассмотреть в мель-

чайших деталях, вдруг меркнет, растворяется в туманном мареве.

Тяжело дыша, Артык все еще бежит туда, где только что виделась вода. Зулхумор и Султанов в нерешительности останавливаются около профессора, что-то взволнованно говорят друг другу, но оглохшие уши словно отказываются понимать неразборчивые слова разочарования и отчаяния.

— Зачем мы бежим, что это? — удивляется Султанов.

— Ей-богу, ровным счетом ничего не понимаю, — признается Зулхумор, опускаясь в изнеможении на песок рядом с Камалиддином-ака.

— Из-за чего столько паники? — обращается неизвестно к кому Султанов.

— Но я ведь четко видел — голубую воду, птиц... — Атамурад все еще не может оторвать жадного взора от того места на горизонте, где путникам померещилось спасение.

С трудом поднявшись, профессор чувствует неловкость перед младшими товарищами. Он грустно смотрит на каждого, угрызения совести столь сильны, что в наступившей тишине голос его слышится еле-еле:

— Я ошибся, друзья. Это был мираж. Ах, как я обманулся!.. И вас ввел в заблуждение. Так ведь всегда бывает: кто-то видит, кто-то нет...

Он вспоминает о своих недавних ощущениях, когда он, как и все, стремился навстречу озеру, деревьям, и устало усмехается. Атамурад вопросительно смотрит на Камалиддина-ака:

— Вы говорите, мираж, а я почему-то уверен, что это был Кудукмазар, я сразу узнал его... Мне неоднократно приходилось там бывать по служебным делам.

Профессор, все еще не пришедший в себя после непосильного марафона по пескам, тяжело дышит:

— Случается, друзья, и так...

Все молчат. Сердце Салахиддинова наполняется смятением: «Что же это такое, неужели пришел конец, раз уж мы все вместе как один видим мираж?» Но тут же заставляет себя рассудить трезво: «Да нет же, не так все безнадежно! Просто мы все устали, сильно устали. Вот передохнем немного, может, и пройдет усталость. Но пройдет ли? А что будет с нами, когда совсем кончится вода, если уже сейчас мы в таком состоянии?»

Профессор вспоминает о жене, которая осталась в Ташкенте и ждет не дождется его возвращения, все прислушивается: не он ли звонит в дверь. Камалиддин-ака представляет себе ее глаза, полные грусти, она будто спрашивает: «Что с вами, мой дорогой? Почему так долго не возвращаетесь к домашнему очагу? Почему от вас нет вестей? Что случилось?»

Домла не в силах успокоить ее, утешить. Он бы подал весточку, если б мог, что же он бы написал ей?.. Наверное, как всегда: «Не беспокойся, моя родная. Мы живы, но пока преодолеваем трудности, возникшие в пути. В лагере остались наши люди, и, конечно, Мухамаджан-ака не сидит сложа руки, он давно дал знать, что мы потерялись. Наверное, нас уже ищут по всему Устюрту, чтобы помочь нам. Потерпи еще немного, и мы увидимся...» Он мысленно ставит себя на место жены и думает о том, как прислушивается она к каждому телефонному звонку, как печется в его отсутствие о детях и внуках, и ему вдруг становится очень грустно. Тяжелый вздох вырывается из глубины души. Ведь его жена серьезно больна, и врачи говорят, что ей совсем нельзя волноваться. Что же будет с ней, когда ей сообщат... пусть в самой деликатной форме, что муж ее пропал без вести в пустыне?

Камалиддин-ака все это представляет себе так ясно, будто он уже там, в своей ташкентской квартире. Он хочет отогнать от себя эти мысли, чтобы не видеть, не представлять себе лица жены в этот скорбный миг, когда до нее дойдет весть о его смерти, но от этого не становится легче. Повинуясь какому-то неясному чувству, он поднимается, считает шаги, продолжая путь вслед за остальными.

Профессор пытается переключиться мыслями на что-нибудь иное. Он вспоминает слова Атамурата о Кудукмазаре, вспоминает, что и сам когда-то слышал от геологов легенду об этом месте. Как это там говорится?.. Ах, да, вот так, кажется...

...Старый пастух, сколько помнил себя, пас баранов. И имел двух сыновей — Хасана и Хусана. Однажды почтенный человек призвал к себе детей, посадил рядом и завел такую речь:

«Сыновья мои! Вот уже пятьдесят лет я пасу скот чужих людей. Сколько пастбищ избородил, сколько верст прошел — не счесть. Оглянулся на прожитое и понял: даром прошла моя долгая жизнь. А почему? Да

потому, что вам, моим детям, я не оставляю ничего, что напоминало бы о вашем отце. А ведь если бы хоть раз в пять лет я копал всего один колодец, то сколько бы осталось их на земле... Что может быть драгоценнее в пустыне, чем колодец с ледяной водой?.. Жаль, что поздно понял я: надо оставлять людям о себе добрую память. Но, я думаю, еще не поздно, дети мои, и прошу помочь мне в этом деле...»

Сыновья, помогая отцу, стали копать колодец. Пока они работали, их верблюд-трудяга лежал все время рядом и, беспокойно вытягивая шею, поворачивал ее то в одну, то в другую сторону, будто хозяевам грозила какая-то опасность. Видя это, люди никак не могли взять в толк, откуда им ждать беды.

День ото дня колодец становился все глубже. И однажды, когда на дне его наконец показались признаки воды, обрадованный Хасан, младший сын старика, с трудом подняв сопротивлявшегося верблюда, взобрался на него и, не спросив разрешения ни отца, ни брата, отправился в ближайший кишлак за кумысом, желая поскорее отметить долгожданное событие. Узнав об этом, враг воды Пустыня отдала приказ своему верному слуге Ветру поднять бурю и засыпать вырытую яму, которая осталась без глаз людских: Хусан с отцом работали в это время на дне колодца. Хасан уже прошел половину обратного пути, когда поднялся вдруг невиданный ураган. Верблюд перестал слушаться юношу, брыкался, свалил парня и, насколько мог быстро, побежал к колодцу. А настух со старшим сыном так и не выбрались наверх: как ни кричали и ни старались подняться по отвесной стене ямы, не успел верблюд помочь... Между тем верный слуга Пустыни Ветер не дремал: поднимая горы песка в воздух, забрасывал его в колодец. Подбежал верблюд и нашел на месте бывшей ямы только большой холм, заплакал горячими слезами, вытянул в печали шею, опустил на колени возле холма да так и застыл, никогда больше не поднялся.

Буря утихла. Полюбовался своей работой Ветер и полетел к Пустыне, врагу Воды, чтобы сообщить, что приказ выполнен. А непослушный младший сын в отчаянии тысячу раз пожалел о содеянном, обливался слезами, но продолжал работать. Раскидал холм, выбросил из колодца наметенный песок, но, увы, отца и брата нашел бездыханными. Похоронил Хасан их рядом с песчаным верблюдом и построил гробницу. Со временем

гробница осела, сровнялась с землей, а чистая, холодная вода в источнике рядом не иссякает и по сей день...

Тяжело вздыхая, профессор качает головой: только бы судьба их не была похожа на судьбу старого пастуха и его старшего сына... Как бы и ему не остаться навеки здесь вместе с его молодыми спутниками. Камалиддина идет медленно и видит: снова собираются вороны над головами, их зловещие тени темным отсветом скользят по песку.

Они вернулись!.. Вернулись, чтобы посмотреть, не остался ли кто-нибудь из этих упрямых безумцев, неизвестно куда бредущих по безжизненной пустыне, на песке. У профессора пробежал мороз по коже, но, не подавая виду, он торопил:

— Если хотите, чтобы стервятники больше не появлялись, прибавьте шагу, идите увереннее!

Артык бросает на Салахиддинова быстрый взгляд: вроде хочет что-то ответить и совсем было открывает рот, но передумывает. Почему?.. Профессор не понял его странного взгляда, за его сдержанностью что-то скрывается. Но что?.. Для домлы этот человек непонятен.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Плохо помогали Зульхумор сапоги, отданные Атамурадом: ступни очень скоро снова покрылись водянистыми мозолями, и каждый шаг доставлял страдания. Пройдет десять шагов, и подкашиваются ноги, она опускается на колени, чтобы не упасть, переживает, снова поднимается. Зульхумор вспоминает, как перед отъездом на охоту легкомысленно обещала профессору, что стерпит все. Ей стыдно теперь смотреть и на Атамурада, который мучается без сапог, идет по раскаленному песку босиком.

Первые дни она хоть с трудом, но передвигалась сама. Но наступил час, когда без помощи Атамурада она и шагу сделать не может. Парень подставляет плечо. Девушка очень стесняется воспользоваться этой помощью, пытается сначала даже отказаться от нее, но потом, смирившись, послушно идет рядом словно прикованная.

Атамураду не до церемоний. Он силой заставляет ее обхватить себя одной рукой за шею, другую крепко придерживает за локоть. Зулхумор мучает стыд, и Атамурад понимает состояние девушки, но все равно не отпускает. Он старается выдерживать дистанцию, не задеть, не смутить неловким прикосновением, но это делать все труднее. Не получается у них идти в ногу: его рука то и дело касается ее груди.

Атамурад пытается отвлечься, старается думать о другом, то и дело задает себе один-единственный вопрос: когда же кончатся наконец барханы, сколько они еще смогут пройти? Нет ли по дороге хоть какого-нибудь колодца?.. Но от вопросов без ответов легче не становится, почему-то именно теперь вспоминается прохлада вечерних ташкентских парков. Вспоминается та, которую он любил. Было у них заветное место свиданий, своя скамейка. Они встречались почти каждый вечер в парке Тельмана у тихих безмолвных львов. Обнявшись, тесно переплетя руки, медленно поднимались по лестнице. Журчал ручеек, поблизости пел соловей, издали доносились невнятные людские голоса, звуки музыки, а они, забыв обо всем, шли, опьяненные любовью, садились на свою скамейку под большой чинарой, перебивая друг друга, торопливо шептали горячо, с каким нетерпением ждали свидания. У девушки была привычка: разговаривая, она то и дело переспрашивала его, почему он полюбил с первого взгляда: она ведь не красавица какая-нибудь, как ее подруги, что ему нравится в ней? Когда, сбиваясь и смущаясь, Атамурад отвечал ей, она с замиранием сердца слушала, нежно обнимала сильные его плечи, шею. А еще они любили бродить по безлюдным вечерним улицам, останавливались на каждом углу, клялись вечно принадлежать друг другу, успокаивали себя тем, что их любви ничто и никто не может помешать. Как потом думал Атамурад, им казалось все время уже тогда, что они не смогут пожениваться, быть вместе, будто предчувствовали, что очень скоро кончатся их встречи, но не решались признаться в этом друг другу.

Отец и братья девушки, узнал он, запретили ей встречаться с ним. А старенькую мать Атамурада, которая пошла свататься в ее семью, бесцеремонно выпроводили, принеся тысячу извинений. Увидев слезы на глазах возвратившейся ни с чем матери, Атамурад понял, что ничего у них уже не получится. Он тяжело пе-

режил разрыв, они больше не виделись с тех пор: родственники держали ее взаперти, а он в отчаянии бросил дом, мать, институт и уехал далеко от Ташкента, где все напоминало о ней. Он понимал: бывает, человек, рассердившись на блоху, как говорится, сожжет иной раз и одеяло. Но что мог поделаться он с собой, как мог стерпеть несправедливость?..

Нога Зульхумор подвернулась, и она стала падать, увлекая за собой Атамурада. Он еле успел поддержать девушку, крепко прижав к себе, поставил на ноги.

— Будьте осторожны, Зульхумор-хон, — голос его нарочито строг. — Еще немного, и мы вместе упали бы...

Девушка устало улыбается, взгляд ее полон благодарности.

— Ничего, еще немного потерпите! — успокаивает он. — Дойдем до тех зарослей саксаула, а там остановимся, будем отдыхать.

Все время подбадривая, Атамурад снова вел девушку, спеша догнать ушедших вперед путников. Девушка уже не дичилась его и, когда совсем выбивалась из сил, доверчиво опиралась на его руку, подлаживалась под его шаг, без опаски прижималась к нему, смирясь с тем, что передвигаться иначе теперь уже не могла. Но Атамураду по-прежнему не дает покоя ее рука, крепко обхватившая его талию. Шаг, еще шаг... Его рука снова случайно касается ее упругой груди, и это прикосновение лишает его покоя. И не касаться он не может, ловит себя на мысли, что от этих прикосновений он заряжается бодростью, энергией.

Ему кажется или это в самом деле: кто-то дергает его сзади за рюкзак. Повернувшись, Атамурад видит, что это Султанов.

— Давай помогу, ты, наверное, совсем измучился, — говорит с сочувствием.

— Да ладно, спасибо, — Атамурад не в силах отказаться от помощи, освобождает плечи от ремней и снимает рюкзак. Он слышит, как в канистре плещутся остатки воды. Наверное, судя по звуку, ее осталось на доньшке.словно магнит, привлекает этот плеск внимание идущих, заставляет жадно сглотнуть. Жажда жжет грудь, и тут Атамурад словно спохватывается, вспоминая предостережения профессора о том, что он головой отвечает за воду.

Парень оборачивается, чтоб взять рюкзак обратно, но понимает, что опоздал: он уже за спиной Султанова;

Атамурад стесняется сказать своему начальнику, что сваял дурака, но ведь это не Артык, не чужой, которого, может, и стоит опасаться. Этим он успокаивает себя, берет Зульхумор под руку и продолжает путь. Теперь начальник занимает его мысли. Нет, этот, конечно, не способен на подлость... Каким он был всего несколько дней назад, никому не дал бы себя в обиду, а теперь вот тише воды ниже травы: поедом ест себя, наверное, за эту охоту. С опущенной головой сидит на привале, будто толкна в рот набрал. Ночами, слышал Атамурад, не спит, до рассвета мается не смыкая глаз. Но никому не изливает душу. Последнее время хоть и не оказывает особого внимания Артыку, который все вертится вокруг него, но и не говорит ему резких слов. С чего бы это?.. Да, нелегко ему, наверное, нелегко... Может, и у Атамурада, будь он на его месте, настроение мало чем отличалось от его.

Неожиданно Зульхумор останавливается, тянет Атамурада за руку.

— Смотрите, смотрите, какая туча!— говорит девушка, она радуется, словно ребенок.— Пойдет дождь, и мы наберем воды! Много-много, да, Атамурад-ака?

Атамурад видит, как невесть когда выплывшие из-за горизонта две черные тучи, неумолимо приближаясь друг к другу, надвигаются прямо на них. Идущий сзади Артык суетится:

— Смотрите, какие чернющие! Если пойдет дождь, обязательно будет проливной как из ведра! Вот увидите!— кричит он в восторге.— Смотрите, домла, смотрите, сейчас польет! Наконец-то мы напьемся! Вдоволь!

Он готов пуститься в пляс от радости, и никто его не осуждал, все остановились, с надеждой глядя на приближающиеся тучи, туда, где солнце, клонившееся к закату, вдруг погасло.

— Слава богу!— шептал Султанов, оживляясь.

Но профессор, тяжело опершись на палку, отвел взгляд от горизонта, невесело покачал головой:

— Эх, если б действительно полил!.. Да не польет,— он расстроен.— Похоже, идет буря, такой вид у этих туч...

Теперь все с удивлением смотрят на Салахиддинова.

— Вы говорите, домла,— буря?— шепчет в испуге Артык.

— Может, конечно, и пронесет мимо, но все равно надо поскорее добраться до зарослей саксаула, пока не

налетел песчаный вихрь. — И Камалиддин-ака ускоряет шаг.

«Этого еще не хватало!» — думает Атамурад, крепко сжимая локоть девушки, подбадривая ее:

— Пойдемте быстрее, сестричка... Лишь бы не буря! Нам нельзя тут оставаться. Идемте! Если не поторопимся, нас всех засыплет песком. Кроме зарослей саксаула, нам негде спрятаться.

Они не успевают пройти и сотни шагов, как случилось то, чего опасался профессор: горячий ветер ударил в лицо, сбивая с ног, дышать стало нечем. И почти на глазах в небо взвился песчаный столб, с бешеной быстротой делаясь все выше и приближаясь. Смерч втягивал в свое неистовое кружение все, что попадалось на пути. Спасение казалось невысказанным. Слово увеличенная в миллион раз детская юла, смерч налетел на близкие заросли саксаула: деревья раскачивались, скрипели, и казалось, гигантский вихрь вот-вот вырвет их с корнем, словно невесомую пушинку. Песок скрипел на зубах, не давал приоткрыть глаза.

Крепко сжимая руку Зульхумор, Атамурад прилагал все усилия, чтобы девушка не упала. Пригнувшись до земли, он пытался вместе со всеми добраться до деревьев, надеясь, что ураган не вырвет их и бурю можно будет переждать.

Песок бил по лицу, проникал всюду — в уши, за воротник, под рубашку, ветер не давал поднять голову, тащил прочь от цели, и Атамурад не знал, устоит ли после следующего шага. Он едва успевал подхватывать Зульхумор, которую заносило то в одну, то в другую сторону. И они снова устремлялись вперед, к спасительным деревьям, но тут же новый порыв ветра отбрасывал их назад. Откуда-то сбоку доносился слабый голос профессора:

— Ата-му-рад! Где-е вы? Зульхумо-ор! Скорее, к зарослям са-а-а...

Ветер унес последние слова домлы. Атамурад прерывисто дышит, Зульхумор вцепилась в его руку, плачет навзрыд.

— Не беспокойтесь, сестренка, — успокаивает ее парень, — вот... уже близко. Потерпите немного! — голос срывается на крик.

Завывание ветра заглушает рыдания девушки. Атамурад уже не слышит ее; хотя она совсем рядом, голос ее различается с трудом. Теперь и Атамурад уже ничего

не видит — не знает, что с остальными, с профессором. Едва приоткрывает глаза, пытается оглянуться, но по-прежнему ничего не видно. Снова порыв ветра почти сбивает его с ног, снова он, сопротивляясь ветру, старается устоять, но ему это не удается: ноги отрываются от земли, и, как подкошенный, он падает вместе с Зульхумор. Буря так разыгралась, что кажется, еще немного — и она подхватит их, словно мешок сухих листьев, понесет в неведомое. Атамурад старается заслонить девушку от очередного порыва.

— Не бо-ойтесь, я здее-е-есь, с ва-а-ми! — Он сам себя не слышит.

Ветер не утихает, каждый новый порыв обрушивает на них шквал песка; похоже, Атамурад ошибался, когда предвещал скорый конец ненастью. И странно, теперь он почему-то не думает ни о чем, кроме спасения девушки. «Буря, наверное, — проносится в голове, — испугала бедняжку насмерть, лишь бы не потерялась, да помогут нам силы небесные!» — молит он горячо, никогда прежде и в шутку не помнивший о боге.

2

Зульхумор приходит в себя на рассвете оттого, что ей в уши откуда-то сыплется песок. Она приоткрывает глаза, на лице ее удивление: вокруг так тихо и спокойно, будто вчерашний кошмар приснился в страшном сне. Прояснившееся небо безмятежно голубеет, там же, где встает солнце, оно словно синька. Ни шороха. Песчаные барханы словно караван отдыхающих верблюдов, покрытых попоной коричневого вельвета.

«Где Атамурад-ака? Где домла?!» — первое, что приходит в голову Зульхумор. И от этой мысли, пронизавшей ее, как молния, она вскакивает. Приходит вдруг страшная догадка: Атамурада, наверное, засыпало песком!.. Но тут же, увидев парня рядом, облегченно вздыхает, хватая его за руку, принимается что есть мочи трясти:

— Вставайте же, Атамурад-ака! Вставайте!

— А? Кто? — не проснувшись окончательно, парень с трудом поднимает голову. — Что случилось?

— Вставайте же скорее, смотрите, сколько песка навалило!

— А-а! — Атамурад, поняв наконец, что сидит по пояс в песке, смеется. — Оказывается, здорово спать в пустыне-то?

— Да, уж и не говорите! Я тоже так крепко заснула, словно мертвая... Ну и ну! — Зульхумор испуганно вспоминает о профессоре: — А где же Камалиддин-ака? Где остальные?..

Атамурад молча отряхивает песок. Зульхумор не без труда присев на корточки делает то же. Оглядывается. Чуть поодаль лежит чей-то одинокий ботинок с оторванной подошвой, за ним пустой раскрывшийся рюкзак, вещи из которого валяются рядом. От рюкзака идут следы босых ног, четко отпечатавшихся на песке. Чуть подальше к ним присоединяются следы ботинок.

— Странно, — вздыхает Зульхумор и вопросительно смотрит на Атамурада. — Неужели ушли, не найдя нас? Или, может, отправились на поиски?

— Если так, то где же следы третьего человека? Ведь здесь следы двух людей, видите? — Атамурад мотает головой: — Нет, я уверен, что профессор никогда, ни при каких обстоятельствах не бросил бы нас!..

— Но вполне возможно, что и его занесло песком, как нас?

Встревоженная Зульхумор от волнения не находит себе места.

— Может быть и так, — Атамурад стремительно взбирается на бархан, где виднеются уходящие следы, и, едва достигнув вершины, кричит: — Он здесь! Здесь!

Зульхумор успокаивается, облегченно вздыхает и медленно поднимается на бархан следом за Атамурадом. Когда достигает гребня, видит Камалиддина-ака, растерянно сидящего с непокрытой головой. Профессор и не пытается вытянуть ноги из песка, лишь вытряхивает его отовсюду.

— Кажется, домла, вашу соломенную шляпу забрала на память вчерашняя буря? — шутит Атамурад, подойдя и помогая искать шляпу, внимательно оглядываясь.

— Шляпа-то ладно, бог с ней, со шляпой! Хуже, что я не могу найти своих очков. Надо же, буря, оказывается, словно сорока, набрасывается на то, что блестит!.. — Профессор смеется, похлопывает вокруг себя ладонями по ровной песчаной глади.

Зульхумор, прислушиваясь к голосам мужчин, внимательно смотрит на следы, и удивлению ее нет границ: следы огибают место, где сидит профессор, направляются к такырам. Почувствовав недоброе, она восклицает:

— Вы говорите, домла, очки... а тут, кажется, еще не только очки... люди пропали!

— Да нет же! Не может быть, ищите лучше! Наверное, лежат себе где-нибудь под тамариском... и спят еще, — голос профессора тих и неуверен.

— Тогда кто мне объяснит, что это за следы, которые ведут к такырам? — спрашивает Зульхумор, подходя ближе.

Камалиддин-ака, видит девушка, обеспокоен; он встает, внимательно глядит в том направлении, где следы пропадают. Сомнений нет: две пары ног, направившиеся к такырам, сливаются там в один... Значит... один шел по следам другого?..

— Конечно, они ушли! Сбежали! Чужало мое сердце!.. Это Артык подговорил Султанова, сбил с пути истинного! — с досадой высказал предположение Салахиддинов.

Атамурад чувствовал: наверное, и в самом деле так, недаром были эти таинственные взгляды, которыми они обменивались все время и думали, что никто не замечает их.

— Ой, а где же мой рюкзак? — Атамурад обескуражен окончательно. — Неужели унесли с собой?

И тут же, еще раз бросив взгляд на валявшийся невдалеке мешок с разбросанными вокруг вещами, бежит к нему. В несколько прыжков он достигает цели и замирает как вкопанный, Зульхумор испугана — слишком неожиданно он остановился и замер.

— Неужели они украли... всю воду? — в ужасе кричит девушка, и кажется, будто все вокруг звенит от ее пронзительного, отчаянного голоса.

— И это люди... люди способны на такую низость? — говорит домла, ни к кому не обращаясь, — тихий голос его слышен в повисшей тишине.

Атамурад все еще стоит, низко опустив голову, и, похоже, не знает, что сказать своим оставшимся спутникам. И вдруг рядом с брошенным рюкзаком замечает торчащий из песка кончик какой-то тряпицы. Лицо его радостно проясняется. Он бросается к ней, разгребает песок, разворачивает тряпицу, и глазам предстает небольшая алюминиевая фляжка не более ладони.

— Вот все, что у нас осталось! — с горечью роняет Атамурад еле слышно.

— Когда же это случилось, когда они... унесли рюкзак? — в недоумении разводит руками профессор.

— Еще вчера! — Голос парня дрожит. — Да я сам, домла, во всем виноват, что уж теперь говорить! Сам! Думал, начальник мой человек порядочный, — не Артык, — при всех его недостатках... Оказывается, ошибался я, домла, в нем, ох как ошибался! Знал бы, что Артык может сбить его с пути, — Атамурад резко махнул рукой, — глаз бы не спускал с обоих, уж и не знаю, что сделал бы теперь с ними!..

— Значит, Артык только и выжидал подходящего момента? — Профессор никак не может успокоиться. — Побоялся, трус, бежать один, Султанова подговорил...

— Знаете, домла, — Атамурад смотрит на него, — в канистре, которую они утащили, почти не осталось воды. Она не поможет им, все равно надолго ее не хватит! На верную гибель пошли... Были бы вместе... Эх!.. Мне кажется, их еще можно вернуть, образумить, наверняка ушли не слишком далеко...

— Не торопитесь, давайте сначала повнимательнее разглядим следы, — предлагает Камалиддин-ака. — Если они совсем свежие, стоит сделать, как вы предлагаете, Атамурад. Если же они ушли еще ночью, какой прок догонять их? Только выбьемся из сил... — С этими словами профессор вглядывается в отпечатки ног беглецов. Ковыляя следом, Зульхумор с болью думает: «Как же они, если мы их догоним, будут смотреть нам в глаза? Неужели совести хватит? И девушка представляет себе, как Артык с Султановым, словно обвиняемые на скамье подсудимых, готовы провалиться сквозь землю от стыда, стоя перед домлой, перед всеми ними... В ней кипит негодование: «Чтоб у вас руки отсохли, проклятые...»

— Уверен, намерение удрать от нас с запасом воды у них созрело уже давно! — Профессор с ожесточением машет рукой, будто грозит кому-то. — Иначе бы не ушли, едва буря стихла. Думаю, они смылись давно, это факт...

Он выпрямляется и, словно делая шоферу замечание за плохое поведение, строго произносит: «Вот так-то, дорогой!..»

— Ну, Артык — ладно! От него можно было ждать чего угодно... — сокрушается Зульхумор. — Но как Султанов дал уговорить себя, ведь это он, он всю кашу с охотой заварил! Толковый организатор, отменный снабженец — и до чего докатился!

Атамурад молчит. Взгляд профессора смягчился.

— Вот так-то, дочка! Друзья познаются в беде. Золотая истина! К сожалению, порой только в нелегкие минуты мы узнаем, кто есть кто, нередко заблуждаемся, принимаем за золото все, что блестит...

Прислушиваясь к чему-то, Атамурад смотрит на Салахиддинова.

— Домла, если позволите, я все же поищу их. Что бы там ни было, знать, что у них мало воды... и они одни... Не по-человечески это. Мне кажется, недалеко они ушли...

Камалиддин-ака одобрительно хлопает Атамурада по плечу:

— Ладно уж, идите, так и быть, а мы подождем вас тут, в зарослях. Но побыстрее возвращайтесь, постарайтесь до наступления жары.

Атамурад осторожно протягивает профессору фляжку, будто боится расплескать воду, широким шагом идет к ближайшему такыру.

— Стоит ли беспокоиться о них, домла? — возмущается Зульхумор. — Ведь и след их давно простыл?

— Стоит, дочка, стоит! Правильно он поступил! Во всяком случае, у нас будет хоть совесть чиста, — с этими словами профессор, прихрамывая, делает несколько шагов следом за Атамурадом.

А Зульхумор смотрит вслед уходящему шоферу и думает о том, какой он все же благородный парень. «Нет, наверное, большей низости, чем украсть что-то у другого человека. А украсть воду у спутников в пустыне — нет?! Опуститься до такого позора! А профессор с Атамурадом еще об их судьбе заботятся, говорят: что бы там ни случилось, все-таки... люди, невозможно, чтоб они погибли. Хоть бы Атамурад поскорее вернул их, не напрасно пошел!»

Зульхумор на всякий случай подбирает и укладывает в мешок разбросанные вещи Атамурада, берет пустой бурдюк, идет следом за профессором.

И только когда солнце поднимается высоко, начинает нещадно палить, возвращается измученный Атамурад.

— Дошел я до такыров и потерял их следы. Неизвестно, в каком направлении ушли. — Он устало сел в тень. — Правда, мне показалось в какой-то момент, что вдали мелькнуло что-то белое, похоже, то ли низкий за-

бор, то ли чинок — не разобрал. А может, опять померещилось.

— Да, наверное, это Сарыкамышский чинок, а белели, видно, известковые пласты. Я думаю, может, и до воды недалеко? А? — Профессор заметно воодушевляется. — Если доберемся до того места, дальше будет проще, к колодцу какому-нибудь выйдем.

Атамурад качает головой.

— Вы не согласны? — Камалиддин-ака растерянно на него взглядывает.

— Да очень далеко! — озабочен Атамурад. — В таком состоянии, как мы, да еще без воды, нам туда не дойти, даже если мне не померещилось.

— Так что же?.. Что тогда нам делать?.. — Зульхумор в растерянности смотрит то на шофера, то на профессора.

— Я думаю о другом, — Атамурад посмотрел на Салахиддинова, потом на девушку. — Если вы согласитесь, мне надо проверить... свои предположения...

— Один намерены проверять? В какую сторону вы хотите пойти?

— Дело вот в чем, — твердо говорит Атамурад. — Мне кажется, вам лучше остаться здесь и ждать меня. По дороге сюда, я уверен, видел колодец, по крайней мере мне показалось, что это был именно колодец... Хочу вернуться и посмотреть... Это было как раз там, где нам вчера привиделся мираж.

— В Кудукмазаре? Нет, нет, оставьте эту мысль, и не думайте! Ведь это всего-навсего легенда, дорогой! Вы же взрослый человек! Чего только не привидится, когда такая жара донимает и одолевает мираж.

— Не верите? Но я сам как-то пил воду из этого самого колодца! — Атамурад уверенно смотрит на домлу. — Ей-богу, это правда! Однажды вышло так: мы сбились с пути и наткнулись на этот колодец. Теперь я окончательно вспомнил: он расположен в самом конце обманчивого Сарыкамышского чинка, который там сливается с такырами. По-моему, домла, все же стоит сходить! Мы ничего не теряем! И ведь это недалеко, самое большее день пути...

Зульхумор хотя и верит Атамураду, но боится оставаться в пустыне одна с профессором — слишком ненадежная защита.

— Нет! Оставьте лучше эту мысль, Атамурад, про-
шу вас! Давайте не будем расставаться. Что бы ни слу-
чилось... давайте будем вместе...

Но Атамурад очень хочет, чтобы они оба верили ему:

— Вы сомневаетесь в моих словах?

— Нет, нет, ни в коем случае, но пустыня есть
пустыня, Атамурад-ака... Что с нами будет, если вы, не
дай бог, заблудитесь?

В голосе профессора тревога: конечно, Атамураду
понятны его опасения, но он все же продолжает настаи-
вать на том, чтобы одному пойти на разведку:

— Помните, миновав этот колодец, мы ехали на ма-
шине некоторое расстояние вдоль чинка? Потом поняли,
что заблудились, и вернулись обратно. Может, сейчас
и Артык с Султановым идут как раз туда же... Может,
зря мы их подозреваем?.. Может, они хотят принести
нам с вами воды?.. И пошли за ней?

Профессор скептически усмехается, смотрит на
юношу.

— Уж очень у вас чистая душа, сынок, — вздыхает
он. — Нет, на них теперь никакой надежды! А вот в вас
мы с Зульхумор не сомневаемся! Правда, дочка? Поэто-
му... Если думаете, что там наше спасение... идите!
Найдете колодец! Раз уж собрались, мы с Зульхумор
можем вам лишь пожелать счастливого пути. — Про-
фессор по-отечески похлопывает Атамурада по спине. —
А сейчас, пожалуй, всем надо немного отдохнуть... пе-
ред дорогой.

— Хорошо, но я думаю, что сначала попробуем со-
орудить для вас что-то вроде шалаша. — И Атамурад
глядит на заросли саксаула.

— Не беспокойтесь, сынок, мы тут уж сами как-ни-
будь!.. Готовьтесь потихоньку. Будет неплохо, если на
всякий случай ты положишь в свой мешок и бурдюк. —
Профессор незаметно для себя переходит с Атамурадом
на «ты». — Забери с собой и остатки воды, ведь дорога
долгая, а мы на одном месте. На вот, держи... — и он
протягивает Атамураду фляжку.

— Да что вы! — парень решительно протестует. —
Я ведь иду к колодцу, кто же ходит к колодцу с водой?

— Знаю, знаю, что к колодцу, но ведь чтобы до него
дойти, тоже нужно хоть немного воды.

— Нет, нет, я не могу взять ее! И не просите!

— Да мы же будем сидеть в тени, сынок, а тебе по солнцу сколько идти! Бери! Лишь бы ты вернулся живым и здоровым!..

— Ладно, если вы так настаиваете, я возьму, но только свою долю. А вы потерпите, я постараюсь скоро вернуться.

— Потерпим, не волнуйся! Вы вернетесь, наверное, дня через... три?— спрашивает профессор, что-то прикидывая в уме.

— Почему, домла, через три? Я постараюсь управиться максимум за два!— В голосе Атамурада прибавилось бодрости, и он во что бы то ни стало хочет убедить профессора с девушкой, что дольше он не задержится.

Взяв в руки фляжку, он отливает из нее в бурдюк на глаз примерно треть воды.

Профессор молча принимает из его рук фляжку, крепко завинчивает пробку и закапывает в песок рядом.

Атамурад вешает на плечо рюкзак.

— Ну что ж... я пошел. Счастливо вам дождаться моего возвращения! И обязательно с водой.

Взгляд Зульхумор падает на его босые ноги.

— Постойте!— она поспешно стягивает сапоги, морщась от боли.— Не напомнишь вам, так бы и ушли!

— Да, да! Наденьте, в них будет легче!— поддерживает домла.— Зульхумор вам их хорошо разносила!— шутит Камалиддин-ака, сглаживая тяжесть последних минут расставания.

Надев сапоги, Атамурад поднимается.

Встали и они, готовые проститься. Первым пошел профессор, потом девушка. Молча, со слезами на глазах, обнялись.

— Ждите меня, я скоро вернусь,— Атамурад волнуется, решительно поворачивается, идет не оглядываясь.

— Счастливо тебе, сынок!— профессор поднимает руку над головой.

— Бог даст, еще увидимся!— говорит Зульхумор тихо, зная, что Атамурад уже не может ее услышать. Потом смотрит в том направлении, куда идет парень, наступая на свою длинную тень, преодолевая барханы. Его фигура становится все меньше и меньше и вот уже превращается в еле заметную движущуюся точку, которая, мелькая, растворяется в жарком мареве, поднимающемся от песков.

Профессор и Зульхумор, полные надежд, смотрят ему вслед. Когда вернется Атамурад?.. Вернется ли вообще, отыщет ли воду? Какие испытания готовит судьба ему и им, оставшимся здесь? Зульхумор опять невольно думает о Сабире, который остался в лагере. Вот бы ему, как хызру¹, встретиться с Атамурадом! Она представляет себе, как ее Сабир ловко спрыгивает с вездехода, подбегает к шоферу, забрасывает вопросы:

— Где все? Куда вы идете? Почему один? Я вас спрашиваю, где Зульхумор?.. — И Сабир принимаетя трясти Атамурада за плечи, сажает его в машину, и тот рассказывает ему, как доехать до того места, где он оставил их.

Зульхумор кажется, вот-вот заблестят на солнце стекла вездехода и, поднимая облака пыли, мощная машина ее Сабира вынырнет из-за ближайшего бархана, с шумом подьедет к ним. Она так надеется на чудо, на то, что Сабир найдет ее! И никто не может в эту минуту поколебать ее уверенность.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Едва вскарабкавшись на чинок, Атамурад идет по самому краю оврага. Его тень то удлиняется, то укорачивается, и он никак не может понять, почему это происходит. Ему кажется, что земля под ногами качается, и, делая очередной шаг, он не знает, попадет ли в то место, куда он хочет поставить ногу. Хочет остановиться, но голова идет кругом. В изнеможении он судорожно схватывает саксауловую палку, без которой не мыслит себе ходьбы, опирается на нее всею тяжестью изможденного тела, с помощью обеих рук еле сохраняет равновесие, чтобы не упасть. Даже когда головокружение понемногу проходит, земля под ногами продолжает ходить ходуном, качается овраг. Ноги его дрожат. Похоже, удерживают еще остатки сил, сохранившиеся в руках; стоит Атамураду посмотреть в сторону, как снова начинает кружиться голова. Перед глазами туман, он закрывает их, решает немного передохнуть.

Скорей бы это проклятое состояние проходило!.. Ему надо в тень — кажется, он получил солнечный удар.

¹ Хызр — легендарный пророк, по преданию, он испил живой воды из источника и обрел вечную жизнь, помогая терпящим бедствие.

С самого утра он двигается вдоль чинка, едва дотягивает до полудня. Солнце палит, и так душно, что Атамураду кажется, будто он попал в огонь и задыхается в его пламени. Словно гигантский тандыр, дышит жаром овраг.

Он лезет вверх, карабкаясь по склону из гравия. Сможет ли он спуститься обратно — вот вопрос, позволит ли его состояние? Не дай-то бог оступиться, тогда — крышка, тогда уже не встать.

Он открывает глаза, смотрит вниз и неожиданно видит силуэт человека с рюкзаком за плечами, опершегося на палку.

Атамурад чуть не кричит: «Э-ге-гей, путешественник!..» Но в последний момент приходит догадка: ведь это его собственная тень!..

Ему бы немного полежать, отдохнуть. Пусть хоть и на солнцепеке. Может, он немного придет в себя. Нет, если он будет разлеживаться, когда-то еще доберется до колодца? Его ждут не дождутся профессор и Зульхумор, а он, неженка, тени возжаждал!.. Он решительно качает головой: никакого отдыха, пока не доберется до колодца. Терпеть, терпеть... Стиснуть зубы — и вперед. Так надо.

Раз он обещал найти колодец — значит, найдет, чего бы ему это ни стоило. Ведь он должен, обязан принести воду. Сбиться с пути, падать он просто не имеет права, потому что от него теперь зависит не только сохранение собственной жизни. Какой он человек, если не сдержит данного слова?!

И он находит в себе силы подняться, заставляет сделать себя шаг, другой. Забыв на какое-то время и про тень внизу, и про желание отдохнуть, он с надеждой смотрит вдаль, мысленно прикидывает длину оврага, думает, когда же у этого проклятого чинка начнется склон.

Говорят, понукая верблюда, помогаешь ему... С утра Атамурад, наверное, прошел немало, и теперь ему показалось, что чинок незаметно начинает наконец снижаться. В конце-то концов должно же это когда-то случиться... Должен же чинок где-то достигнуть одного уровня с такрырами... А там ерунда останется, всего ничего. Хоть ползком, но он доберется до колодца. Он радуется этой мысли, надежда поднимает настроение. Теперь он шагает увереннее, держится бодрее. Головокружение и тошнота проходят, он даже на какое-то время

забывает о смертельной усталости, словно второе дыхание появилось. Это, наверное, и называется волей к победе, к жизни... И тут Атамурад замечает на дне оврага, как раз над своей движущейся тенью, летящих птиц, на миг приостанавливается. Поднимает голову, приставив козырьком ладонь ко лбу, смотрит в небо: это вороны. Но летят они не как в прошлый раз, низко, нагло, а высоко и осторожно, описывая небольшие круги. Покружив, очень скоро улетают на запад, и Атамурад облегченно вздыхает: оставленные им Зульхумор и профессор в другой стороне! Он надеется, они живы и здоровы. Пусть будут невредимы. Только бы переждали два дня! Только бы не ушли, потеряв терпение в поисках воды. Ах, поскорее бы ему увидеть колодец...

Неизвестно, сколько времени идет так Атамурад, погруженный в свои невеселые мысли, и земля снова начинает плыть под ногами. Он в изнеможении шатается, ему кажется, он сбился с пути, но упорно не желает сдаваться.

Ему снова становится дурно. Да, так далеко не уйти. Неужто суждено остановиться на полпути?.. Что тогда будет с профессором и с Зульхумор? Он-то, Атамурад, человек маленький, и, если не вернется, никто о нем особенно плакать не станет. Кто-нибудь другой будет шоферить вместо него. Вот профессор — совсем другое дело. Известный ученый погибнет здесь, в пустыне, из-за какой-то дурацкой охоты, пропадут результаты такой экспедиции!.. Разве справедливо? И разве один Султанов будет виноват в их гибели? Виноват и он, доверивший машину своему начальнику. Ни за что нельзя было соглашаться, тем более что Султанов здорово хватил тогда на именинах профессора. И вот расплата за рюмку...

Ведь сам-то он никогда не пил ни капли, мог, в случае чего, и остановить, сказать: образумьтесь, перестаньте. Разве не знал, что и прежде, бывало, многие попадали в подобные ситуации? Знал, конечно, но проявил слабость и доверился Султанову. Какое он имел на это моральное право?.. Значит, и он совершил преступление — перед людьми и собственной совестью.

Теперь, вместо того чтобы найти воду, спасти, испить вино, он еле тащится, никак в руки себя не возьмет. Где твоя воля, Атамурад? Ты же сильный парень!..

Подбадривая себя таким образом, он идет чуть бодрее. Но поясница, ноющая, саднящая оттого, что долго

шел согнувшись, предательски подводит. Он останавливается, у него темнеет в глазах, теперь, наверное, от боли. «Нет, видно, это конец, — думает с тоской. — Наверное, я уже ничего не смогу поделать, только себя измучаю...»

Но боль постепенно уходит, и он стоит, боясь пошевелинуться. Что же делать? Ни лечь, ни сесть, ни идти...

Перед глазами то и дело мелькает то прохладный хауз¹, над которым висит влажный воздух, то колодезные ведра, старые, помятые от долгого употребления, то водопад, то река, с шумом несущая свои воды... Сердце Атамурада сжимается, он жаждет тени и пить, пить, пить...

Мелькает спасительная мысль: может быть, не дожидаясь пологого склона, подойти к краю оврага, найти спуск поровнее и попробовать соскользнуть вниз? Может, удастся? А если он потеряет равновесие и полетит кувырком? Нет, уж лучше не рисковать.

Чинок начал снижаться.

Атамурад выпрямляет спину, переносит тяжесть тела на посох, делает шаг, еще шаг, боится, что снова подведет поясница, но нет, пока ничего. Терпимо. Ноги гудят, болят, но к этому он уже привык — столько дней идет босиком по песку... Он старается больше ни о чем не думать, но мысли сами лезут в голову. Тогда Атамурад пытается припомнить недавнее прошлое, детство. Вспоминает мать, которая целыми днями работала в поле, а вечерами при тусклом свете копилки, зарабатывая на жизнь, шила. Одна-одинешенька она растила его, сироту, выучила, но не дождалась, когда он по-настоящему встанет на ноги. И, когда матери уже не было в живых, понял, что вся его радость, все его богатство — это была она, его мать. А он, молодой и беззаботный, никогда не думал об этом. Принимал все как должное. Теперь воспоминания не дают покоя. Как она, порой недоедая, уговаривала поесть его, потеплее одеться, старалась делать все, чтобы он был не хуже других. Как могла, заменяла ему отца, растила, ограждая от огорчений, никогда не давала почувствовать, что он сирота. Мечтала дожить до свадьбы, понянчить внуков. Но никогда не навязывала в жены приглянувшихся девушек, как это делали ее подруги. Не говорила, что проклянет, если он послушается ее, ни о чем никогда не просила, не

¹ Хауз — искусственный пруд.

попрекнула лишним словом, всегда уступая желаниям единственного сына.

«Сам выбирай, — говорила она не раз, — не эту, так другую». Терпеливо ждала согласия родителей его девушки Дильбар. Но они решили, что он их дочери неровня. Сначала говорили — нет отца... Да, не было у него отца, но разве кто-нибудь был повинен в этом? Потом мать Дильбар стала твердить, что не отдаст дочь за простого студента. Ее братья через посредников издевательски советовали Атамураду искать себе равную. Они упрекали их с матерью в бедности, а отец девушки заявил, что думает о счастье дочери и никогда, мол, из сорокопута не выйдет соловья... Только одна Дильбар понимала его, не отреклась от их любви. Она плакала, встречаясь с ним, и Атамурад долго не мог ее успокоить. Потом им и вовсе запретили видеться. Но даже тогда Атамурад не терял надежды, ждал последнего слова самой Дильбар: она должна была решиться, он надеялся. Продолжалось это ожидание целых полтора года. В конце концов родители отдали Дильбар в жены племяннику министра, и Атамурад уехал тогда в эти глухие места. Он сделал это назло Дильбар, а сердце его матери не вынесло переживаний. Не прошло и трех месяцев, как вслед за любимой он лишился матери, остался в этом мире один-одинешенек. Как душа его разрывалась тогда от запоздалых сожалений! Теперь он не мог понять, как мог бросить больную мать, уехать от нее... И он, подавив боль, смирился с утратой, похоронил мать. Как было жить дальше?.. Повесил на дом замок и опять вернулся сюда, в Устюрт. Бежал от любимой, из-за которой столько вытерпел, от людей, которые ради денег разрушили счастье. Ах, если бы можно было все это забыть! Но не уходили из памяти счастливые дни и вечера, которые он провел с Дильбар, лунные ночи вдвоем. Наверное, воспоминания будут преследовать его до самой смерти...

«Атамурад-ака! Не знаю, счастье вы мое или несчастье, — писала ему Дильбар в одном из последних своих писем...» Нет, не стала она его счастьем; никого он не любил и не полюбит так, как ее, неужели любовь так безжалостна и ради самого высокого наслаждения казнит жестоко, приговаривая к разлуке? Но раз уж она так немилосердна, делает человека несчастным, что стоит ей и затушить пожар в его душе?..

Атамурад считал зазорным для себя поджидать любимую в переулках, преследовать ее, как это делали некоторые его приятели. Хватит того, что он несчастлив, делать и ее несчастной он не хотел. Пусть спокойно живет себе со своим мужем, которого ей выбрали родители. Он не хотел тревожить ее. Уехал. Поэтому и бродит теперь здесь, сбившись с пути, без воды. Поделом ему, если он здесь и голову свою сложит! Родители и братья Дильбар, когда узнают об этом, с облегчением вздохнут: наконец-то избавились. А она? Конечно, не наденет траурного платья, не станет оплакивать. В лучшем случае, оставшись одна, уронит слезу-другую, вспоминая о том времени, когда они были вместе, а с годами и совсем забудет...

Нет, Атамурад не хочет, не имеет права умирать. Он дал слово профессору и Зульхумор. На белом свете не все живут так, как Артык и его начальник. Чем существовать, как они, лучше вовсе не родиться на свет белый. Человек живет любовью, состраданием, разве можно назвать достойным того, кто бросает другого в беде или несчастье?

И Атамурад идет, не поднимая глаз от земли, погруженный в свои невеселые думы. Много ли времени прошло, он не знает, но только когда он останавливается, чтобы передохнуть, и поднимает голову, то не может сдержать радостного восклицания: там, вдали, где чинок сливается ровень с такыром, он видит холмик, похожий издали на прилегшего и вытянувшего шею верблюда. Глубокий вздох вырывается из его груди. Это же Верблюжий холм! Есть справедливость на свете! Теперь только бы добраться до него! Спешу, Атамурад, подгонял он себя. Ты дойдешь до воды, дойдешь! Спотыкаясь, он устремляется вперед. Пытается ускорить шаг, но ноги не слушаются. Он снова делает попытку идти быстрее, но падает лицом в песок, лежит долго, обняв землю, которая качается, словно колыбель на океанских волнах, а в мыслях его все тот же колодец... И он никак не может понять, что же произошло, ведь вроде уже дошел, вода — вот она, совсем рядом! Столько пройти и сдать, когда осталась самая малость... Нет! Хоть ползком, невзирая на боль, но он обязан дойти. Атамурад еще раз прикидывает расстояние до холма. Но что это? На том месте, где он только что видел колодец, ничего нет. Пустыня, жар. Он без сил роняет голову. Мираж, до каких пор ты будешь дурачить?! Издева-

ешься, смеешься?! Атамурад сжимает кулаки и ощущает в них раскаленный песок. Он разжимает пальцы, из его груди вырывается вопль отчаяния, он в исступлении катается по земле.

Расслабься, еще немного, скажи: хватит, видно, не судьба, и — конец. Так бы и лежал неподвижно, стал пищей для воронов, и кости его навеки остались бы в этой пустыне. Но снова какие-то неведомые силы подталкивают его к действию. Что-то яростно не позволяет проклятой пустыне сдаться без борьбы. Он встает и видит перед собой мать в красивом белом платье, какого в жизни у нее не видел. «Сыночек, мой единственный, что с тобой? Вставай же, мой милый! Еще немного осталось до колодца, поверь! Отважный мой сын, вставай же и продолжи путь! Ты дойдешь до воды! Ты проживешь еще много счастливых лет... Кроме тебя, у меня никого не было, ты моя единственная надежда... Достигни в жизни многого, повторись, мой сын, в детях своих, я так этого хочу!..»

Атамурад открывает глаза, осторожно опирается на руки, нащупывает посох, пытается подняться. Почему так сильно дрожат его ноги, будто вся сила из них ушла в землю? Хорошо, что у него есть палка, как она теперь пригодилась!.. Он выбрасывает палку вперед, подтягивая к ней сначала одну ногу, потом другую. Боль в пояснице невыносимая. Колени подгибаются, но он — идет. Идет...

Атамурад не знает, сколько сможет так пройти. И вдруг неожиданно конец его палки уходит в песок, он падает ничком, но палку не отпускает. Если бы он отпустил ее, как бы поднялся?.. Он снова опирается обеими руками на нее, встает. Ноги не слушаются. Похоже, он снова падает. Ноги деревенеют, словно из них ушла жизнь. Он пробует пошевелить пальцами. Не получается. Ступни онемели, кажется, их нет вовсе. Может быть, лучше ползти? Но от этой мысли он отказывается: так не покроешь за день и километра, а нужно двигаться скорее: ведь он обещал обернуться за два дня... Атамурад массирует затекшие ступни. Сначала гладит их, потом с силой трет от пальцев кверху. Вверх-вниз, вверх-вниз скользят его ладони, его сжатые кулаки. И чудо! Кровь приливает к ступням, они постепенно, словно нехотя, оживают. Он уже может пошевелить пальцами! «Так держать!» — кричит он себе. Небольшими бросками, опираясь на спасительную палку, продвигается

вперед, не обращая внимания на боль и онемение. То и дело падает навзничь, но каждый раз поднимается, сначала на четвереньки, потом на ноги — и снова идет...

Оторвав голову от земли, он бросает последний взгляд вперед, видит шагах в трехстах впереди лежащий как на ладони Верблюжий холм. «Нет, на этот раз, наверное, не мираж», — проносится в сознании. Вот колодец, вот каменный обод и деревянный ворот. На глазах Атамурада выступают слезы. «Наконец-то я у цели», — шепчет он. Но из горла вырывается лишь хрипелое дыхание: «Что же я лежу? Ведь теперь надо доползти до него». Он отбрасывает в сторону палку и ползет к колодцу. Но тут же спохватывается: ведь палка еще понадобится ему... Хотя и трудно, но, держа ее в одной руке и опираясь на локти, он медленно продвигается вперед. Пять-шесть движений — полтора метра, не более. Некоторое время отдохнув, продолжает путь снова. Ноги опять немеют, судорогой сводит руки — они становятся словно чужие. Чуть не плача, Атамурад падает лицом в песок.

Последнее усилие — именно оно так нужно! И тут Атамурад вспоминает, что у него осталось еще немного воды: еще там, при расставанье с профессором и Зухумор, он решил не дотрагиваться до нее, пока не увидит колодца. Теперь можно! Развязывая непослушными пальцами тесемки рюкзака, он еле раздвигает в усталой улыбке пересохшие, потрескавшиеся от жажды губы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Светает. Выглядывает солнце, поднимается, жжет плечи. А они все идут и идут друг за другом, будто скованные цепью. Артык лишь раз остановился и ни с того ни с сего вдруг выругался. Султанов не отстает, на его лице выражение страдания. Он измучен и обессилен. Разбитые ботинки потерялись, он идет босиком. Пятки покрылись кровавыми мозолями, каждый шаг достается с болью. Ноги горят, ступни жжет, словно по раскаленному железу ступаешь. В горе приходит смирение. Он злится, его мучает жажда, голова кружится, подступает тошнота. Да, не очень-то складно вышло, что и говорить: после злосчастной бури, никому не говоря ни слова, они ушли, а попросту говоря — сбежали. Что теперь подумает профессор, Зухумор, Атамурад?.. Подлецы, мол, воры, взяли последнюю воду, сбежали! Наверное,

так они скажут и будут правы, думал Султанов. Нет, не хватит у них ума сообразить, что ради общей пользы решили они с Артыком, никому не говоря ни слова, пойти до колодца. Добровольно взяли эту миссию на себя. Они первые сообщат о бедствии и на Большую землю. Но разве кто-нибудь из оставшихся поймет правильно их намерения? Нет, говорил он Артыку, надо было хоть намекнуть, потом бы объяснились, зря Артык заупрямился. Султанов жалеет, что не настоял на своем, а теперь понимает, что зря. Потому все и терпит, лишь бы добраться до чинка, сообщить обо всем, спасти старика, девушку, шофера... Только тогда им, видно, простят внезапный уход... А то как бегство!..

Конечно, он сам во многом виноват. Не согласился он с Артыком, ничего бы не случилось. Да он бы и не согласился ни за что, кабы не вчерашняя разведка воронов — до смерти перепугался Султанов! Сладка, оказывается, жизнь, ах как сладка! И разве он пришел на Устюрт, чтобы стать пищей поганых птиц? Да никогда! Приехал сюда, чтоб заработать хорошую характеристику, она необходима ему для карьеры. Ведь будущее его было predetermined: вернувшись после экспедиции, он должен был ехать в Москву, поступать в аспирантуру: существовала договоренность с московским руководителем темы. За два года он, конечно, защитил бы диссертацию и вернулся домой, а там уж ждали бы и должность, и почет... Неужели не сбудется? Он должен сохранить свою жизнь ради такого прекрасного будущего! Он просто обязан не умереть!..

Все это лихорадочно прокручивается в воспаленной голове, не оставляет ни на миг. Как быть, что придумать? Когда накануне вечером, незаметно утянув его подальше от всех, Артык стал с ним говорить, Султанову казалось, что предложенное хитрым малым — единственный путь из казавшегося до сих пор безвыходного положения... А наутро чуть свет они поднялись и пошли. Впереди Атамурад, за ним Зульхумор, профессор. Они замыкали цепочку. Кивнув на идущих далеко впереди, чуть не падавших с ног Камалиддина-ака и Зульхумор, Артык беззвучно тогда рассмеялся, сказал: «И ты веришь, что с ними возможно вырваться из этого ада?» Султанов вместо ответа неопределенно пожал плечами, но в глубине души согласился с Артыком: профессору, конечно, крышка, и практиканточка вышла из строя, хоть и молода, камнем висит на шее этого бла-

городного шоферишки. Нет, далеко не уйдут! «Знаешь, зря они не послушались моего совета. — Артык понизил голос до шепота. — Так мы ни за что ни про что пропадем!»

— Что же теперь делать? — растерянно вырвалось у Султанова.

— Ну как ты считаешь, сколько мы должны глядеть, как они плетутся? У меня, например, терпение лопается! Почему из-за них мы-то должны тут подыхать? Давно надо было кого-то отправить к чинку, сколько раз я это при всех говорил. Они еще пожалеют, что не послушались меня. Не хотят, как хотят, я один пойду. Хочешь, пойдем вместе...

— Без воды, без пищи?

— Почему это без воды? Возьмем нашу долю, — стоял на своем Артык. Он говорил уверенно, но Султанов все еще колебался, пробовал возражать:

— На корабле, говорят, у всех одна участь... Как же мы?.. Будет ли это по-человечески?

— По-человечески, говоришь? Дома будешь проявлять свою человечность. А здесь — пустыня, здесь будешь концы отдавать, и никто глотка воды не подаст... Я тебе дело говорю, а ты! Эх! Смотри, из-за своей человечности не превратись в жертвенную овечку, вроде Атамурада. Наверное, все-таки ты приехал сюда с какими-то иными целями? А?

Да, тут он был, конечно, прав. Не для этого приехал сюда Султанов, и не хотелось ему погибать из-за нерасторопности случайных спутников. Если так и дальше пойдет, завтра или послезавтра все они станут кормом для этих поганых птиц. В любом случае надо спасать себя, вырваться отсюда.

Артык будто в самую душу ему заглянул, сразу понял, что творилось там, и, прежде чем Султанов открыл рот для ответа, похлопал по плечу, удовлетворенно подмигнув:

— Сегодня ночью не спи! Сегодня же и смоемся! Но никто не должен об этом знать.

— Как, тайком? — испугался Султанов. — Даже... не простившись?

Артык поморщился, еле сдерживая нетерпение.

— Да, да, именно — тайком! Безо всяких там предупреждений и душевспасительных бесед. Если уходить — только так. Не хочешь — оставайся... Вот воро-

ны что-то давно не прилетали,— мрачно пошутил он, давая понять, что разговор окончен.

К вечеру поднялась буря, она-то и положила конец колебаниям, и теперь, идя следом за Артыком, он вспоминал минувший вечер...

После того как буря утихла и все заснуло, его потрясло кто-то за плечо. В темноте не разглядеть было лица, но он сразу узнал Артыка.

— Пошли!— только и сказал тот очень тихо.

Султанов вскопился спросонья, сердце его билось так сильно, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Буря стихла, кругом воцарилось мертвое спокойствие. Темнота ночи утомляла глаза, так и яркий дневной свет, и только еле слышный хруст песка под ногами нарушал тишину, отвлекая, не давая почему-то сосредоточиться.

Они шли долго, очень долго. Пошли такыры, их сменили заросли полыни, и лишь когда начало светать, Артык наконец остановился, глянув на запад; и на него, видел Султанов, словно напал столбняк. Расстроенный Артык выругался, зло сплюнул:

— Пропади пропадом эта пустыня, идешь вроде прямо, а выходишь совсем не туда, куда предполагаешь выйти.

— Что такое? В чем дело?— встревожился Султанов.

— В чем может быть дело?!— Артык махнул рукой.— Заблудились мы с тобой в темноте, вот в чем дело! Ушли совсем в другую сторону!— Не зная, что предпринять, Артык был в явном замешательстве, потом, будто ища оправдания собственному промаху, спросил:— Разве мы с тобой шли не на запад? Так как же тогда очутились здесь, а?

Султанов в недоумении пожал плечами:

— Честное слово, не знаю!

— Я был уверен: за это время мы должны были дойти до ближайшего чинка. Вон, погляди, сколько прошли впустую!— и он показал на видневшийся в западном направлении чинок, похожий на осыпавшийся глиняный дувал.

— Не везет нам с самого начала!— В голосе Султанова было отчаяние, обреченность.— Может быть, лучше вернуться? А?..

— С таким настроением ты надеешься вырваться из преисподней? Ошибаешься, дорогой! И вбей хорошенько себе в башку: будешь ныть, на меня не рассчитывай!

Понятно? Будешь боженьке плакать, на меня не надейся! Так-то вот!.. А теперь давай в путь, хватит соплей!..

Он резко повернулся, пошел по направлению к чинку, и Султанову ничего не оставалось, как снова плестись за ним. Теперь он ясно понимал, что допустил ошибку, поддавшись уговорам. Понял: от того можно ждать всего. О, если бы знать заранее!..

Султанов шел долго, молча подчинившись приказу Артыка, словно собака на привязи. Когда солнце было в зените и невыносимо палило, он не выдержал. Да к тому же и ноги еле передвигались, он поминутно едва не терял сознание. Наконец остановился и, собрав остаток сил, закричал в спину ни разу не обернувшегося Артыка:

— Да есть у вас совесть, в конце-то концов?! Ведь я не из железа сделан, черт возьми!

Артык остановился, крайне удивленный неожиданной выходкой. Лицо его приняло каменное выражение: он, конечно, понимает, что хочет сказать Султанов, поэтому так холоден его ответ:

— Пока не дойдем до того чинка, никаких остановок. И не думай!

Обида горькой волной подкатывает к горлу Султанова.

— Бессовестный! — только и говорит он еле слышно.

Артыка словно не касаются его слова. Не переставая проклинать себя за все, Султанов, однако, послушно плетется за ним. Только раскаяния мало помогают ему, изматывают нервы. Долго он так не вытерпит, это уж точно: туго натянутая струна вот-вот готова порваться. И в самом деле: споткнувшись о собственную ногу, он падает и с удивлением чувствует вдруг облегчение: лежать приятнее, чем идти. Султанов закрывает глаза, прислушивается. Скрип песка впереди стихает, значит, Артык обернулся, остановился. Минуту стоит тишина, потом опять доносятся до Султанова удаляющиеся шаги Артыка.

— Подлец, бросает меня! — стонет тихо Султанов, потом в ужасе открывает глаза: Артык и в самом деле уходит один.

Горькая обида захлестывает Султанова. Он чувствует слабость, горло перехватывают спазмы. Он вцепляется пальцами в песок, закрывает глаза. Вдруг шаги слышатся снова, они приближаются. Но Султанов не испытывает никакой радости, не поворачивает головы, не

шевелинется. Артык останавливается, издевательски усмехаясь:

— Тоже мне, мужик, разнюнился, словно баба!

Сдерживаясь, Султанов продолжает лежать неподвижно. Артык опускает канистру рядом с собой, смеется:

— О, так ты еще, оказывается, и возмущен? Скажи на милость! А знаешь, говорят, на обиженных воду возят?

Султанов упрямо молчит, Артык озадаченно чешет в затылке.

— Смотрите, какие мы принципиальные!— говорит он иронично. Потом неожиданно решает: — Ну, ладно, вставай, хватит дурака валять, перекусим, так и быть! До чинка, кажется, осталось немного.

Он садится возле Султанова, вытаскивает из-за пазухи складной нож, кладет на землю, потом принимается отвинчивать крышку канистры.

— Да ты что, в самом деле, не встаешь-то? Умер? Вроде бы нет...

У Султанова чешется язык от желания нахамить, нагрубить ему, но он только вздыхает в ответ и, повернувшись сначала на бок, через силу поднявшись, садится к Артыку спиной, растирает ноги.

Артык медленно наклоняет канистру, хочет осторожно налить в кружку воды и вдруг кричит:

— Да как же это так?!

Султанов оборачивается на крик. Артык бледен, в лице ни кровинки. Кружка в руке мелко дрожит, он переводит бессмысленный взгляд с канистры на Султанова, пытаясь что-то сказать, но язык не слушается его.

— Что за черт, уж не дырявая ли она?— задыхается он и, подняв канистру над собой, пристально рассматривает дно, удивленно пожимает плечами:— Ну и попали мы с тобой, черт побери!

Султанов подавлен, испуган.

— Почему ты так говоришь?

— Воды осталось на самом доньшке, не видишь, что ли? Едва кружки три наберется, не больше. Интересно, когда это мы успели столько выпить! Ну и влипши! Проклятье! Не повезет — так уж не повезет!..

Он еще долго ругается, с размаху бросает кружку на землю, плюет на нее.

— Еще не поздно, давайте вернемся,— тихо предлагает Султанов.

— Вернемся, вернемся! Какого черта лезешь со своими советами? Думаешь, тебя там ждут не дождутся? Да?

— Да как же мы выберемся отсюда без воды? Вы подумали?!— возмущается теперь Султанов.

Артык смотрит как бы сквозь него, и, воочию убедившись, каким холодным и страшным может быть человеческий взгляд, Султанов приходит в еще большее замешательство. «Да,— думает он,— ради спасения собственной жизни этот парень пойдет на все, даже... на преступление...»

— Хочешь, терпи! А нет — катись к чертовой матери на все четыре стороны, никто тебя не держит. Я назад не пойду. Это мое последнее слово!

Артык тычет пальцем чуть ли не в нос Султанову, потом, остыв, крепко закручивает крышку канистры.

— Ну я пошел! Если надумаешь, догоняй, отстаешь — пеняй на себя!— говорит он с вызовом.

— Я же не попрошайка какой-нибудь! Скажи, чего ты злишься, в чем моя вина теперь? В том, что мы вместе с тобой сбежали?— пробует урезонить Артыка Султанов.

— Надо экономить воду, когда ее так мало, иначе не хватит,— голос Артыка чуть смягчается.

— Экономить надо, я ничего не говорю, но как вам только не стыдно повторять, что вы бросите меня? Как только язык поворачивается говорить такое?

— Ну довольно, довольно! Не учи меня жить! Что, не можешь попросту воды попросить?— Он снова ставит канистру на землю, приносит кружку, так и оставшуюся валяться неподалеку, вытаскивает из-за пазухи завернутый в газету кусок вареного мяса.

Султанов отпивает глотка два воды, которую плеснул ему на дно кружки Артык, но, откусив маленький кусочек мяса, он проглотить его почему-то не может, хотя ему очень хочется есть.

— Сам себе делаешь плохо. Не думай, никто не будет умолять тебя, чтобы ты еще и поел.

Султанов поднимается:

— Что я могу поделать... если не лезет в горло!..

— Как знаешь,— на ходу старательно пережевывая мясо, встает Артык, поднимает канистру.

И снова они идут и идут в сторону виднеющегося на горизонте чинка, и, по мере приближения к нему, он на глазах все увеличивается и увеличивается. Наконец они начинают подъем напрямую — через склон. Еле волоча ноги, Султанов завидует Артыку, который все время идет в одном темпе, — столько прошли, а он ни разу не споткнулся. И впрямь сказывается альпинистская практика, тренированная походка: он, конечно, в случае чего, и один выберется из пустыни... Так-то оно так, но почему тогда он все-таки не пошел один, без него, Султанова? Почему?..

Султанов не додумывает своих мыслей. Чем ближе они подходят к чинку, тем выше поднимается отвесная стена оврага, с каждым шагом это ощутимее. Наконец стена заслоняет клонящееся к закату солнце, они оказываются в тени оврага и тут же, словно по команде, бросившись на землю, оба замирают, не в силах вымолвить от усталости слова. Султанова одолевает дремота, он закрывает глаза, проваливаясь в недолгий сон, а когда какое-то время спустя открывает их, видит Артыка, уже сидящего, с опаской поглядывающего на выпиравшие из стены обнажившиеся пласты известняка и, кажется, ищущего подходящее место, где бы можно было подняться наверх. Взгляд Султанова безразлично следует за взглядом попутчика.

— Как высоко! — невольно восклицает он.

— Да, крутовато, но если мы, — в голосе Артыка нет уверенности, — выберемся отсюда, мы спасены, избавлены наконец от Сарыкамышского зиндана! ¹

Взгляд его по-прежнему прикован к стенам оврага, он внимательно вглядывается в следы, проложенные потоками селя. Сможет ли подняться следом Султанов, Артыка, очевидно, это не волнует.

Неожиданно он вдруг вытаскивает остатки снеди, молча делит пополам кусочек мяса, воду.

— Теперь полчаса отдохнем! Надо соснуть перед восхождением, — с этими словами Артык вытягивается на земле и закрывает глаза.

Султанов следует его примеру. Но едва он смыкает веки, как мысли его уносятся далеко. Сначала думает, сообщили ли отцу о том, что он с экспедицией заблудился на Устюрте. Если сообщили, то отец, конечно, не сидит сложа руки и делает все возможное, чтобы спасти

¹ З и н д а н — застенки.

дорогое чадо, всю авиацию поднимет на ноги, это он может... Господи, только бы ему вовремя сказали!.. И Султанову уже слышится гул моторов в воздухе, голоса людей...

Внезапно, повинуясь толчку изнутри, он открывает глаза и вместо самолета снова видит низко кружащих воронов. С возгласом отчаяния он вскакивает и тут же корит себя за несдержанность: только было задремавший Артык вздрагивает, открывает глаза.

— В чем дело, что случилось?

Молча запрокинув голову, Султанов глядит в небо. Артык испуган не на шутку, голос дрожит. Однако ерничает, чтоб не ударить лицом в грязь перед Султановым:

— Надо же! Только приляжешь, они тут как тут! И чего это птички так любят человеческое мясо? Тоже, нашли деликатес...

Султанов чувствует, как по спине пробегают мурашки, он высказывает предположение:

— А может, они уберутся, когда увидят, что мы... двигаемся?

— И то правда!— соглашается Артык.— Чем раньше мы одолеем подъем, тем лучше.

И они пошли.

Селевой поток преграждает каменные глыбы. Спотыкаясь о камни, оба, согнувшись в три погибели, продвигаются почти ползком. Донимает то и дело ускользающий из-под ног гравий: неодолимо тянет обратно, вниз. Поэтому, не одолев еще и полпути, Султанов мокр от пота, словно мышь: мокро лицо, влажные руки скользят, не давая возможности ухватиться за выступ очередного валуна. Из-под ног Артыка непрерывно выскальзывает щебень, и Султанов прилагает невероятные усилия, чтобы удержаться, не упасть, ища все время опору, стремясь продвинуться еще хоть немного. Поток щебня становится все стремительнее, шумнее, несаясь вниз, прямо на Султанова. Какое-то мгновение — и он вдруг ударяется боком о каменный уступ, стонет от пронзившей все тело боли. Артык, обернувшись, с искаженным лицом что-то говорит, но ничего не слышно.

— Под ноги надо лучше смотреть! Что теперь будешь делать?— кричит он громко и спускается обратно к Султанову.

Тот пытается повернуться на спину, вытянуть правую ногу, но закусывает до крови губу, зажмуривает глаза.

Артык нагибается к нему, подает руку, помогает переменить положение и не удерживается от усмешки:

— Этого только нам не хватало! Выходит, без ноги остались, братец! Не завидую вам!

И в самом деле без ноги. Без ноги. Без ноги... Как же быть теперь? Как? Неужели перелом? Из-под сомкнутых век Султанова помимо воли текут слезы. Как же теперь быть? Ведь он обуза для Артыка! Почему несчастье должно было приключиться именно с ним? Почему?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Он просыпается на рассвете, ежась от утренней прохлады. Небо начинает светлеть, в вышине мерцает одна единственная звезда, и месяц цвета зари похож на отрезанный кусок дыни. Атамурад вдоволь наслаждается, обливая холодной колодезной водой неделю немытое, заросшее щетиной лицо и подбородок. На душе светло, радостно. Какое это, оказывается, счастье — умыться по утрам студеной водой! Теперь он чувствует себя намного бодрее, усталость почти прошла, только ноют ноги. Это, видно, оттого, что вчера он совсем выдохся. Но ведь главное — нашел то, что искал: дошел до воды, и теперь ему уже ничего не страшно.словно добрый конь, он все пьет и пьет и переводит дыхание, чтобы опять и опять припасть губами к краю ведра, чувствуя, как целительно это прикосновение, как наливается силой все его тело.

Умывшись и вволю напившись, Атамурад наполняет до краев бурдюк, крепко-накрепко завязывает его и укладывает в рюкзак. Все это он делает не спеша, за каждым неторопливым жестом ощущается умение побывавшего в переделках человека. Он продевает руки в ремни рюкзака, взваливает драгоценную ношу на спину, но останавливается: вспоминает, что, кажется, сделал еще не все, что хотел, и снова снимает рюкзак. Возвратиться он к своим еще успеет, и возвратится не с пустыми руками, с водой, которая, он знал всегда, дороже золота. Но ведь вода это еще не избавление из плена Устюрта. Может быть, ему все же подождать немного здесь, у колодца, — часа два-три, вдруг да проедет какая-нибудь машина? Правильно ли он поступит, если

уйдет отсюда ни с чем, никого не встретив, не рассказав о приключившемся? Легко сказать, но ведь именно сюда им придется опять возвращаться уже всем вместе. А в каком состоянии теперь его спутники, профессор и Зульхумор?.. Что для двоих взрослых людей фляжка размером с кулачок, которую он им оставил? Разве утолит она жажду при адском пекле? Это ведь все равно что в полыхающий до небес костер брызнуть ладонь воды. Нет, наверное, все же ему нечего ждать и лучше побыстрее вернуться, пока там ничего не приключилось. Тем более кто знает, проедет ли нынче вообще кто-нибудь мимо этого колодца...

Атамурад в нерешительности. Он никак не может собраться с мыслями. Но наконец принимает окончательное решение: да, надо поступить именно так, убеждает он себя и, отыскав неподалеку свою саксауловую палку, здоровенными буквами выводит на песчаном склоне Верблюжьего холма: «Друг! Мы геологи. Заблудились и находимся, наверное, километрах в тридцати отсюда, вниз по чинку. Срочно нуждаемся в помощи!»

Он пишет это неровными буквами, читает и остается недоволен работой: человек, который придет сюда, конечно, сразу же заметит надпись — она бросается в глаза. Это так. И читать не так уж трудно, буквы достаточно крупные. Но сколько сохранится эта надпись, кто знает? Не дай бог, поднимется ветер, и все станет ровнехонько, следа не останется от его писанины.

Чтобы оставить настоящее письмо, у него нет ни бумаги, ни ручки. Но о каком письме может идти речь, где его оставишь? Под камнем, что ли? Кто его там увидит? Кто отыщет?.. Что же делать?

Озадаченный Атамурад ходит вокруг колодца, то и дело останавливается над погасшим костром, который он развел с вечера. Ворошит носком сапога золу, и взгляд его падает на обгоревшую головешку.

«Вот же готовый карандаш! — радуется он. — Как это я сразу не догадался, чужак человек! Им можно написать и на ведре, и на стенках колодца, и даже на воротах! Тогда каждый, кто приедет сюда, обязательно увидит!»

Атамурад торопится. Он ставит ведро на колени и старательно выводит по кругу: «Путник, друг! Мы сбились с пути. Сейчас мы на пороге Сарыкамышского чинка, примерно в тридцати километрах отсюда. Спешите нам на помощь! Поверните свою машину! Мы не забудем

твоей доброты!» Атамурад хочет написать еще. О том, что он несет своим спутникам воду, о том, как им было трудно, но на ведре это, конечно, не поместится, и без того уже не осталось места. Он ставит ведро и тут же вспоминает, что забыл главное: поискав и найдя другую головешку, выводит на ворота колодца: «Хотя бы сообщите о нас на Большую землю!»

Лишь теперь он окончательно успокаивается, перечитывает написанное и взваливает рюкзак на плечо.

Впереди целый день пути, но Атамурад думает не о трудностях дороги: главное, как они там без него, старый профессор и девушка... Живы ли? Почему-то сейчас ему вспомнилось, как Камалиддин-ака говорил о звездах Малой Медведицы. Кажется, так: «Если можешь, будь путеводной звездой и в трудную минуту освети людям путь». Высокопарно, конечно, тем не менее в этом что-то есть. И он мысленно повторяет эти слова Камалиддина-ака. В тот момент откровение домы показалось ему наивным, старомодным, что ли, теперь же...

И он уверенно шагает по вчерашней дороге в обратном направлении. А чуть погодя на востоке, пламенея, восходит солнце.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Артык стоит над Султановым, рассеянно поглядывая вокруг, не зная, что сказать, что предпринять. Султанов сжимает губы, корчится от боли, мотая головой, поднимает отяжелевшие веки.

— Помогите, — шепчет он, — помогите сесть!

До смерти перепуганный Артык приходит в себя, опускается рядом с Султановым на колени. Просовывает руку под его шею, приподнимает голову. Султанов садится, стараясь поудобнее пристроить сломанную ногу, и тут же в бессилии начинает стонать. Руки его безвольно падают, он снова откидывается на спину, и Артык еле успевает подхватить его.

«Что теперь делать, — думает Артык, — что за несчастье? В таком состоянии он теперь, пожалуй, беспомощнее профессора: и шагу не сделает самостоятельно! — Он в смятении глядит на путь, который им предстоит одолеть. — Очень высоко! Да и круто! Не дай бог, споткнуться... не выжить!..» Он не додумывает мысли до конца, оборачивается к Султанову, который опять

с трудом пытается подняться, растирает колени. Глаза его сомкнуты, на лице невыносимая мука.

«Может, от глотка воды ему полегчает? — Артык колеблется. — Нет! И так мало, еще пригодится...»

Султанов тем временем открывает глаза, садится снова, осторожно поднимает правую брючину. Артык вздрагивает, увидев окровавленную рану повыше щиколотки.

«Ну, ему крышка. Теперь никуда не годится», — проносится в голове.

Безжизненный голос Султанова выводит из оцепенения:

— Прошу, разорвите майку на полоски... перевяжите ногу.

— Сейчас, сейчас! — суетится Артык. — Не хватит, и мою пустим на бинты. Не бойся! Сейчас все будет в порядке!

Он и сам не отдает себе отчета в том, что говорит все только для красного словца: голову его занимают совсем иные мысли: «Угораздило же связаться с этой размазней! Сам нажил себе забот! Наверх он теперь не поднимется, это факт. А если и поднимется, какая от него польза? Дальше-то все равно его придется тащить на собственном горбу. Кто знает, сколько еще до чинка? Конечно, жить и ему хочется, как и всем нам, как мне... Так что, — выходит, из-за него я должен тоже оставаться здесь? Ну уж нет! Дудки! Тогда какой же выход? Какой?..»

— Что же теперь делать? Какая досада, — в голосе Артыка соболезнавание, он притворно фальшив, но даже, несмотря на боль, Султанов понимает это. — Какая досада! — еще раз повторяет Артык для убедительности, думая, что у бывшего начальника экспедиции должно хватить ума, чтобы догадаться, как надо поступить... благородно... во всяком случае...

— Помогите мне спуститься обратно вниз! — просит Султанов.

— Сию минуту, дорогой! — Артык откладывает канистру в сторону, с готовностью протягивает руки, чтобы помочь Султанову. — Ну-ка, давай вот так! Не бойся, не бойся, я тебя запросто дотащу!

Он взваливает его на спину и начинает осторожно спускаться, наступая пятками там, где, по его расчетам, поменьше щебня и тверже земля.

«Я поступаю по-человечески, — ищет Артык себе

оправдание. — Ведь каждый делает в меру своих возможностей! Не могу же я, в самом-то деле, нести его так до самого чинка! С таким количеством воды нам далеко не уйти...»

Артык спускает Султанова сразу у подножья отвесной стены. Сажает его, выбрав место поровнее, вытирает пот со лба пострадавшего.

— Может, собрать для костра немного веток, а то к вечеру похолодает? — спрашивает он с деланной заботой.

Султанов облегченно вздыхает, голос его тих, болезнен.

— Если можно, отыщите мне какую-нибудь ветку потолще и поровнее, попробую наложить что-то вроде шины, а то боль становится просто нестерпимой...

Артык поспешно выполняет и эту просьбу.

— Хорошо, я сейчас!

С этими словами он направляется к зарослям саксаула, но голос Султанова останавливает его:

— Если попадется что-нибудь подходящее и для посоха... захватите, пожалуйста.

Артык на ходу бросает «ладно», но тут же встревоженно задумывается: «Что за черт! Так он, значит, еще хочет и идти со мной, путаться под ногами?! Разве это ему под силу? А что, если вообще возьму и не принесу ему ни щепки, ни палки? Скажу, что, мол, не нашел, да и где в самом деле взять их?»

Когда он возвращается с охапкой хвороста, Султанов, то ли от усталости, то ли оттого, что немного тише стала боль, лежал с закрытыми глазами. В лице ни кровинки.

Артык без лишнего шума положил рядом с ним охапку сушняка, неслышно ступая отошел. Сердце его бьется, подкатывает к горлу. Он отходит все дальше и дальше и вот уже опять карабкается вверх не оглядываясь. Добравшись до того места, где случилось несчастье с Султановым и где он оставил канистру, Артык боязливо оглядывается назад. Слава богу! Султанов не переменял позы, не шевелится, значит, еще дремлет и не заметил его ухода... И он, не оглядываясь, карабкается дальше.

Его руки, ноги, все тело почему-то неумоимо дрожат, язык пересох, не вмещается во рту, дыхание, кажется, на пределе. Он ощущает себя вконец разбитым. Вот и последние метры подъема одолены. Артык бросается

на землю, какое-то время лежит без движения, восстанавливая силы, потом заставляет себя поднять голову: ему так хочется наконец узнать, что же там, впереди, близко ли чинок... По его расчетам, он должен находиться где-то тут, совсем рядом!

Горячий сухой ветер играет его волосами, бородой, душит его. Глаза щиплет, солнечные лучи ослепляют. Он смотрит вперед, в отчаянии роняет на грудь голову: впереди, сливаясь друг с другом, лежат бесконечные барханы, среди которых лишь местами выделяются заросли саксаульника. А дальше, у линии горизонта, блестят, как зеркало, припорошенные пылью бесчисленные тақыры.

— Если бы я не был кем-то проклят, разве забрел бы когда-нибудь в эту богом забытую пустыню?! — вопль отчаяния вырывается из уст Артыка.

Он беззвучно плачет, запоздалые сожаления сжигают душу, ему всегда было мало того, что он имел. О, если бы сейчас можно было воспользоваться всем нажитым за эти годы богатством! Он отдал бы все до капли не задумываясь — отдал тому, кто взялся бы его спасти. Но кому в пустыне предложить деньги, богатство? Значит, не суждено!..

Вспомнилось, профессор как-то говорил однажды, что в этих местах водятся газели... А может, он наткнется где-нибудь поблизости на колодец? О, найти бы воду, остальное все — ерунда. Лишь бы остаться живым... Отдышавшись, Артык, словно волк, начинает рыскать по сторонам. Влезает на бархан, голодно озираясь вокруг, но тут же перед глазами возникает другая, или точно такой бархан, или еще выше, и он бежит к нему, увязая в песке, падая и поднимаясь снова, подолгу стоя на его гребне. А потом снова — к следующему, спускаясь, летя кубарем вниз. Он упорно продолжает искать колодец. Ему кажется, что он где-то тут, что сумерки сгущаются и становится темнее; бег его становится быстрее, будто какая-то сверхчеловеческая сила вселяется в него.

И вот, достигнув вершины очередного бархана, приставив ладонь козырьком ко лбу, Артык с надеждой смотрит на заросли полыни, видневшиеся вдалеке. За ними ему чудится долгожданное переплетение дорог. Но разве дойдешь до них так просто? Куда ему с таким смехотворным запасом воды! А если все же рискнуть? Тем более что другого выхода все равно уже нет. Артык

проклинает себя за то, что родился трусом. «Чем я хуже других? — вопрошает он неведомо кого. — Руки-ноги есть, слава богу... Единственное, чего я боюсь, — это смерти. Но ведь ее бояться все! Что поделаешь, раз бог создал меня таким слабовольным, но вовсе я не из тех, кого можно запросто сломить. Чего теперь-то опасаться, когда это, может, единственный шанс выжить?..»

И снова поплыли перед глазами картины былой, казавшейся теперь такой далекой, далекой жизни. Его жена, дети... Жена, теперь ему кажется, похожа на Зулхумор, а младший сын чрезвычайно напоминает... кого же? Да Атамурада же!

Мысли его путаются, воспаленный мозг плохо сообщает. Между тем темнеет, золотое блюдо солнца катится к горизонту, щедро одаривая своими лучами все вокруг. При одной мысли о том, что вот-вот оно зайдет и земля погрузится во мрак, Артык приходит в ужас. Он все еще не решил, что ему предпринять, в каком направлении идти. Муки песчаного плена редко кто в состоянии выдержать. Он понимает это со всей очевидностью. Наконец, отчаянно кинувшись несколько раз то в одну, то в другую сторону, покружив вокруг места, откуда выбрался с крутого подъема, Артык с канистрой в руках бежит вдоль оврага на север — бежит быстро, не переводя дыхания, будто за ним гонится стая волков. Преодолев довольно большое расстояние, он останавливается на краю оврага и осторожно смотрит оттуда. И о ужас! Перед его глазами снова Султанов, сидящий в прежней позе, будто и не прошло этих мучительных часов метаний в поисках выхода. Артык прячется за песчаный выступ, пятится от него задом, боится, неизвестно кого молит о помощи. Но через несколько шагов ему чудится за спиной тихий шепот Султанова: «Стой, подлец! Куда бежишь?..» Артык прибавляет шаг... Теперь-то уж наверняка его не настигнет этот проклятый голос!.. Выход один: искать Атамурада, всех, кто шел с ним. Но куда направиться теперь? В обратном направлении? А где оно, это направление? Надо искать, надо искать, надо искать... ведь только так он сохранит свою жизнь, которой так дорожит.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Черная ночь в пустыне наполнена стрекотанием сверчков... Темнота таинственна и зловеща. Зулхумор

боится оглянуться по сторонам. Она обняла прижатые к груди колени, оперлась на них подбородком, съежилась от страха и неизвестности. Невозможно оторвать глаз от язычков пламени, которые тоже, будто стенай вместе с ней, трепещут и бьются. У нее одно желание — подвинуться еще ближе к костру: в предрассветные часы она почему-то особенно сильно мерзнет. Наверное, ночь не такая уж холодная, как ей кажется, ведь Камалиддин-ака спокойно спит чуть поодаль от огня.

Тогда почему же ей так холодно? Тело дрожит, словно в лихорадке, зуб на зуб не попадает. Руки то и дело соскальзывают с колен, голова бессильно свешивается. Что с ней такое творится?.. Кажется, все это от невыносимой жажды. Каким только испытаниям ни подвергает пустыня человека, жажда — одно из них, и самое страшное.

Вдруг под кустом тамариска, совсем близко что-то прощуршало: то ли степная мышь, то ли еще какой-нибудь зверек, обитатель пустыни. Зульхумор вздрагивает, оглядывается и от внезапного испуга почему-то перестает дрожать и мерзнуть.

Девушка облегченно вздыхает: было бы счастье, да несчастье помогло. И вновь крепко обхватывает колени руками.

Что с Атамурадом, почему так долго его нет? Вот уже двое суток они с профессором ждут не дождутся его. Она все время думает о нем, на душе тяжело, тревожно, в голову лезут мрачные предчувствия, сердце сжимается. К кому-то неведомому обращает она слова горячей мольбы, прося об одном: чтобы с Атамурадом ничего не случилось, чтобы он благополучно возвратился. Что станет с профессором, если он не вернется, ведь он — их единственная надежда и опора. Пусть Артык с Султановым унесли с собой воду! Пусть! Но с их уходом она почувствовала, как ни странно, облегчение, по крайней мере они втроем могли друг на друга положиться. Что касается Артыка, так уж лучше бы его и вовсе не было с ними. Отсутствие Султанова, больше отмалчивающегося последние дни, тоже как-то незаметно. Атамурад — совсем другое дело. Он стал для нее и для домлы опорой, без которой и день как год. Все получилось, как в той сказке о Медведе, которую рассказывал на днях Камалиддин-ака. Именно на это намекал он тогда, пытаясь предостеречь от необдуманных поступков, от предательства. Но это не помогло. Только бы

благополучно все кончилось. Пусть конец будет, как в той сказке... А эти двое, бросившие их, какая судьба у них? Вода, конечно, которую они украли, давно кончилась, если Артык не выпил ее один, тайком от Султана. Сегодня они с профессором допоздна ждали Атамурада в рябой тени тамариска. Сгорая от жажды, временами теряя сознание, оба с надеждой посматривали в ту сторону, куда ушел Атамурад. Говорят, человек может жить без воды три дня. И три ночи. Из этих трех два уже прожито. Ничего удивительного, если через день они потеряют последние остатки сил. Сейчас-то крепятся... Каждый боится признаться в слабости другому, оба держатся из последних сил, ждут со страхом, ведь не зря говорится: смерть коня — собаке радость...

Только бы дошел Атамурад!.. Только бы с ним ничего не случилось, какие желания, кроме этого, единственного, могут быть у нее с профессором?!

Костер на глазах медленно угасает, пламя из яркого превращается в красно-желтое, потом становится коричневым, похожим на цвет барханов. Потом — золотистым... И вдруг — или ей почудилось? — из-за ближайшего бархана, посверкивая огнями, выезжает машина... Она движется прямо к Зульхумор. Кто же это там в машине? Конечно, ее Сабир! Ее возлюбленный, он едет, чтобы спасти ее!..

От радости она вскакивает — и в тот же миг и бархан, и машину, и выскочившего из нее Сабира поглощает крошечная тьма.

На Зульхумор нападает оцепенение. Она понимает, что на минуту забылась и вот привиделось такое... Проснувшийся от ее крика профессор кладет руку ей на голову, гладит по щеке вздрагивающую от рыданий Зульхумор, по-отечески успокаивает. Рука его слаба, она чувствует это, но он делает все, чтобы не обнаружить перед девушкой своей слабости, беспомощности.

— Девочка моя хорошая, успокойся! — утешает ее профессор. — Он придет, обязательно придет! Уже время. Поверь, Атамурад из тех, кто в огне не горит и в воде не тонет. Придет он, дочка, придет!..

В это время где-то совсем рядом снова раздается едва слышный шорох, будто песок сыплется откуда-то. Зульхумор вглядывается в темноту ночи, туда, где слышится этот неясный звук, и снова привстает в ожидании: шагах в десяти от гаснущего костра ясно обозна-

чился силуэт зверя, похожего на собаку. Два глаза, словно уголья, горят в темноте. Зульхумор хватается профессора за руку.

— Смотрите, домла, смотрите! — кричит она. — Кто это?

Завыв, зверь отскакивает на крик в сторону, нехотя, не отрывая глаз от людей и костра, пятится назад.

— Это же волк! — испуганно восклицает Камалиддин-ака. С трудом нагнувшись, он хватается горящую головешку, и, размахнувшись, бросает в темноту, туда, где горят две блестящие точки.

Животное, воя злобно и недовольно, растворяется в ночной мгле.

Профессор в изнеможении садится на песок у костра, бросает на тлеющие угли несколько веток саксаула:

— Наверное, наше счастье, Зульхумор, что он один, иначе не отстал бы так просто. Давайте еще подложим в костер, волки ведь боятся огня, только его и боятся.

Девушку опять начинает бить дрожь, она все бросает и бросает ветки в костер, которые они с Камалиддином-ака собрали днем, и все спрашивает:

— Мы-то с вами спасаемся у костра, а что будет делать Атамурад-ака, если встретит волка один на один?

— Атамурад? — спокойно переспрашивает профессор. — У него есть оружие, ему нечего опасаться. Он взял с собой нож, а в умелых руках, знаете, это спасение.

Оба окончательно лишились сна и молча глядят на красноватые языки пламени. Тишину нарушает лишь треск разгорающегося сушняка да ровное, убаюкивающее стрекотание сверчков.

Зульхумор замирает, снова обняв руками колени и глядя в пламя костра, чутко прислушивается к обманчивой тишине ночи. Ей вдруг опять чудится, будто откуда-то издалека снова доносятся до ее слуха какие-то странные звуки, вроде голос чей-то. И сразу тишину разрывает отчаянный волчий визг. Ему мгновенно отзывается эхо. Потом сразу несколько волчьих голосов с разных сторон сливаются в нестройный хор, от которого на голове Зульхумор едва не шевелятся волосы.

Она хватается за сердце, не сводя глаз с профессора:

— Ой, что это такое, домла? Вы слышите?

— Да, да, слышу, может, тот волк, который сюда приходил, повстречался с другими?..

Неожиданно шагах в двухстах от них вспыхивает

огонь, и становится заметен силуэт человека, держащего в руке огромный факел. Время от времени человек останавливается, но заметно продвигается по направлению к их костру. Кто это? Не Сабир ли? Может быть, он увидел костер, ищет ее? — с душевным трепетом думает девушка и, не выдержав, вдруг кричит:

— Смотрите, смотрите, домла, кто-то идет к нам!

«Да, да, это он, ее Сабир, который оставался там, у колодца. Смотрите все, он здесь!» — хотелось крикнуть ей, но она устыдилась своего порыва.

— И вправду кто-то идет! Атамурад это! Вот молодец! Я же говорил вам! — ликует профессор, не спуская глаз с приближающегося человека.

— Мы здесь, Атамурад-ака, мы здесь! — кричат оба, поднимаясь и устремляясь навстречу.

— Слава богу, жив! — облегченно вздыхает профессор и еле успевает за девушкой, которая, спотыкаясь в темноте, теперь уже бежит, радостно смеясь, навстречу Атамураду.

Наконец-то, вот он, долгожданный Атамурад, еле держащийся на ногах. На мгновение она застывает в двух шагах от него.

— Наконец-то, милый Атамурад! — выдыхает Зухумор и, не сдерживаясь более, бросается в его объятия. Он роняет факел, который еще чадит, — факел, который он сделал, намотав на палку свою рубашку. Он ласково гладит волосы девушки.

— Не надо, сестренка, не плачь! — уговаривает он ее дрожащим голосом, сам чуть не плача. — Ну видишь, я пришел! Гляди-ка, как пригодилась моя рубашка! Ну не плачь, не надо!.. Видишь, все обошлось, вернулся же я, живой и здоровый.

И чем ласковей он успокаивает, ладонями смахивая слезинки с ее лица, тем сильнее плачет Зухумор, не владея собой. Нежно прижав ее голову, Атамурад с неожиданной серьезностью поворачивает девушку лицом к себе:

— Кстати, поздравляю тебя, сестренка! Ведь у тебя, кажется, сегодня день рождения? Говорят, вода — это жизнь. Вода дороже всего... Вот мой тебе подарок — целый бурдюк воды! В твой день рождения и мы с профессором словно родились заново! Теперь смерть нас не одолеет, мы спасены, Зухумор-хон! От всего сердца поздравляю вас!

Зухумор застывает в удивлении, вспоминает, что

и в самом деле сегодня день ее рождения, и глаза ее снова наполняются слезами:

— Спасибо, тысячу раз спасибо, Атамурад-ака! Живите долго-долго, пока живет мир! — И как ребенок, она повисает у него на шее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Что может сравниться с состоянием душевного покоя и уверенности в завтрашнем дне? Столько уж дней и ночей они не смыкают глаз. Чуть вздремнут, глядишь, а в голову лезут кошмары, сон как рукой снимает. А вчера поздно вечером, едва вернулся Атамурад с целым бурдюком воды, они успокоились: шофер нашел дорогу, вернул их к жизни. Они поверили в спасение, состояния страха и безнадежности будто не бывало. И наверняка, никогда они не спали так крепко, как в ту ночь.

Камалиддин-ака проснулся раньше всех и сидел под жарким солнцем с испариной на лбу, с удовольствием то и дело поглядывая на своих молодых спутников и ожидая их пробуждения. Профессор хочет встать, поразмяться, сполоснуть лицо, но передумывает, боясь нарушить их покой. Ладно, пусть поспят вдоволь, думает он, еще пригодятся силы в дороге.

Он смотрит, как поднимается солнце и все вокруг окрашивается в золотой цвет, согревается, — смотрит замороженно и очень удивляется, увидев, как на западе, над саксаульником, стала вдруг подниматься в небо тоненькая и нежная, как шелк, длинная ниточка то ли тумана, то ли дыма, то ли пыли.

Может, за газелью гонится волк? Профессор не мог отвести глаз от этой ниточки. Среди зарослей саксаула невозможно было разглядеть, что поднимало эту струйку с земли. Она вилась в воздухе, словно лента, двигалась, постепенно выходя из зарослей.

Вот-вот, сейчас все станет ясно! Вот... выходит! Глаза ослепляет солнечный свет, отраженный от стекол. Профессор вскакивает, радостно кричит:

— Эй, друзья, просыпайтесь скорее! Смотрите, к нам идет машина! Вставайте же!

Он, как ребенок, кричит, подпрыгивает, жестикулируя, весело хлопая в ладоши.

В первые минуты Зульхумор и Атамурад спросонья ничего не могут понять, но потом, придя в себя, не верят

своим глазам. Да, это так, в самом деле — машина приближается, и они наконец понимают, что избавление гораздо ближе, чем они могли подумать, — оно рядом! Они обнимаются, поздравляют друг друга.

— Есть справедливость на земле! Есть! — ликует домла.

— Мы спасены! Спасены! — обнимает его Зульхумор.

— Дожили до этого дня! Дождались! — радости Атамурада нет границ.

На стеклах машины играют солнечные зайчики; словно черный жук, она медленно ползет по направлению к ним. Все трое не перестают радоваться, обнимать друг друга, плакать, теперь уже от счастья.

Но тут солнечный зайчик вдруг пропадает: машина, не доехав до путешественников и увлекая за собой облако пыли, меняет направление.

Они застывают от неожиданности.

— Как это так?! Куда она свернула? Что за черт, или они нас не увидели? — заволновался профессор. — Неужели уедет? Э-э-эй! Куда вы?! Сто-ойте! — Камалиддин-ака машет руками над головой и готов бежать следом за удаляющейся машиной.

Но едва он преодолевает всего каких-нибудь двадцать метров, как ноги его начинают заплетаться, и он, падая на песок, кричит Атамураду:

— Бегите же! Верните их, пока они не уехали! Скорее!

— Э-э-эй! Постойте! — Атамурад машет рукой, пытаясь привлечь к себе внимание.

— Едут Мухамаджан-ака и Сабир! Это они! Едут наши избавители! — кричит Зульхумор и тоже бежит следом за Атамурадом. Но где там сидящим в кузове машины услышать их, увидеть, что они машут руками! Едут, не останавливаются!

Зульхумор с Атамурадом быстро выдыхаются, измученные, падают духом, и их глаза все еще прикованы к удаляющейся машине. Но почти в тот же момент машина останавливается, и тотчас, взяв с места, скрывается в облаке поднятой пыли.

— Остановились! Наверное, увидели! Остановились! — с надеждой в голосе говорит подошедший Камалиддин-ака.

— Нет! — возражает Атамурад. — Если бы увидели, повернули бы! Не поворачивают же!

— Может быть, они заглушили мотор?— Зульхумор с надеждой смотрит на Атамурада:— Не покричать ли нам снова? Как вы думаете?

— Как можно скорее, ребятаки, поднимайтесь выше! Вон на тот бархан, может, оттуда они увидят вас!— советует профессор, не в силах подняться с ними сам.

— Нет, погодите!— Атамурад резко поворачивает назад, к шалашу у погасшего огня. Он выдергивает здоровенную палку, поддерживающую ветки, мчится к ближайшему бархану, по пути прикручивая к палке пустой рюкзак. Достигнув вершины бархана, он размахивает этим самодельным флагом и кричит: «Мы здесь! Мы здесь! Мы здесь!..»

И происходит чудо: его заметили! Поднимая клубы пыли, машина разворачивается и приближается к профессору с Зульхумор. Обрадованный Атамурад кричит что есть мочи вниз, чтоб его услышали:

— Смотрите, домла, Зульхумор, увидели! Едут к нам!

Все вместе они кидаются навстречу машине.

Она едет с той стороны, откуда вчера пришел Атамурад — со стороны колодца у Верблюжьего холма.

Еще недавно казавшаяся в безбрежных песках пустыни едва заметной точкой, подъехав ближе, машина оборачивается огромным «МАЗом». Он фырчит и ревет, поднимая тучи пыли. Всполюшив пустыню грохотом, «МАЗ» вздрагивает несколько раз, будто делает выдох, и наконец останавливается.

Дверь кабины распаивается, с подножки соскакивают два человека.

— Здравствуйте, товарищи, дорогие! Все живы-здоровы?— весело спрашивает молодой парень-шофер с копной пшеничных волос и в приветствии поднимает руку. Его напарник смотрит на Атамурада, с улыбкой подходит к нему, обнимает:

— Вам повезло, друзья! Мы с Виктором проезжали мимо Верблюжьего холма и увидели надпись на песке, а потом на ведре. И тут же повернули сюда. А вообще-то вас разыскивают уже четвертый день, с тех пор как ваши товарищи на Кугисеме сообщили, что вы пропали. Словом, считайте, по всей пустыне объявлен розыск!

Парень легко поднимает Атамурада, кружит, ставит на ноги, горячо пожимает ему руки.

— Признайтесь-ка, кто из вас герой? Кто дошел от-

сюда до самого Верблюжьего холма? Очень хочется взглянуть на этого молодца!..

Атамурад смущенно улыбается, хочет отвлечь разговорчивого шофера, но куда там!

— Похоже, это ты и есть, парень? Да ладно, не скромничай! Правильно? Я угадал? — он весело кивает Атамураду, взглядывает на сидящую, улыбающуюся Зульхумор.

Девушка утвердительно кивает.

— Я так и думал, что это ты! — Словоохотливый парень хлопает Атамурада по плечу, снова обнимает его. — Честное слово, ты наш Алпамыс¹. Пройти такое расстояние! Ну, молодец! Ну, герой! Будем знакомы, я Рашид!

Другой шофер, Виктор, тоже обнимает всех подряд, довольный, что нашлись наконец заблудившиеся. Он весело смеется, справляется о здоровье.

— Ну что? Все в сборе? — спрашивает Рашид. — Если так, поехали!

— Тысячу раз вам спасибо, друзья! Мы вам обязаны жизнью! — говорит растроганный профессор.

— Никогда не забудем, — только и может вымолвить Зульхумор, благодарно глядя на шоферов.

— Ну-ну! Слишком уж не захваливайте нас! Что уж мы такого сделали? — смущается Виктор. — На нашем месте каждый бы...

— Если бы каждый так думал!.. — вздыхает Атамурад, потом вдруг вспоминает что-то, смотрит на Камалиддина-ака. — Стойте, а как же быть с Султановым и Артыком? Ведь нас было пятеро... — Взгляд его теперь обращен к водителям.

— Кто такие Султанов и Артык? — спрашивает Рашид с улыбкой, по-прежнему не сходящей с его лица. — Куда подевались?

Трудно ответить бесхитроственному парню на его вопрос, кто они такие. Все неловко опускают глаза, ни у кого из троих не поворачивается язык рассказать сейчас приехавшим правду о том, что произошло здесь, в пустыне, в последние четыре дня.

— Да, забыл сказать! — спохватывается Рашид. — Одного из вашей компании мы, наверное, уже подобрали! Поглядите-ка! Еще по дороге сюда. Как это я сразу вам не сказал! — с этими словами он пошел к машине.

¹ Алпамыс — легендарный узбекский витязь.

На лицах Зульхумор и Атамурада удивление.

— Но как же так?.. Их... было двое! — восклицает профессор. — Кого же вы из них подобрали, ребята? Взгляните-ка, Атамурад! — суетится профессор Камалиддин-ака.

— Так с ним был, оказывается, еще кто-то?.. — удивляется Виктор. — А этот нам ни слова не сказал! Ни слова! Как же так?..

Парни встревожились. Атамурад пошел к машине, покрытой брезентом, поднял его вместе с Виктором и увидел в углу кузова, прямо на полу лежащего с закрытыми глазами и отвернувшегося к борту человека, которого сразу признал. Вскочив в кузов, подошел, встал над Артыком, — а это был он, — хриплым от волнения и усталости голосом спросил:

— Где Султанов? Говорите немедленно, где Султанов?

Артык лежал без движения, не поворачиваясь, потом еле выдал из себя:

— Там, на чинке...

— Почему вы его бросили? Почему он там, а вы здесь? Что с ним? Да говорите же, наконец!

— Два дня назад он... сорвался... при подъеме... и сломал ногу.

— И ты его бросил, подлец? — закричал Атамурад. — Бросил? А ты, оказывается, мерзавец! Трус! Поднимайся! Да живее поднимайся! Покажешь, как ехать туда. И попробуй только обмануть! Смотри, если мы не найдем его!.. На твоей совести!..

Артык, силы которого были на исходе, еле поднялся, покачиваясь от приступа тошноты, рья в глазах, и бессильно прислонился к борту машины.

— Дайте немного воды... ради бога! — прошептал он.

— Ему еще и воды! Хватит! Тебя уже Виктор с Рашидом напоили, не зная, что ты такая тварь!.. — Атамурад чувствует, что больше не может сдерживаться, еще момент — и он бросится на Артыка с кулаками. — Да таким, как ты, как ты... не то что воды, да я бы... да я...

Заслышав громко сказанное слово «вода», стоявший внизу Рашид с готовностью спросил:

— Воды? Сейчас! — И, вынув из кармана алюминиевую фляжку, протянул ее Атамураду.

Через четверть часа Артык, сидящий в кабине между Виктором и Рашидом, показывал дорогу к месту, где последний раз видел Султанова. Дорога шла вдоль Сарыкамышского чинка. Не поднимая глаз, Артык говорил шоферу, куда сворачивать.

Вот он, знакомый овраг. Вот отвесная стена. Артык не смея поднять глаза, прошептал, еле шевеля губами, всего два слова: «Это здесь».

Парни выпрыгнули из машины чуть не на ходу и тотчас возвратились. На них не было лица: они не глядели друг на друга, были подавлены.

И Артык решился наконец посмотреть туда, где совсем недавно он оставил на произвол судьбы Султанова, превозмогавшего муку боли и одиночества.

...Возле отвесной стены по-прежнему лежала нетронутой охапка сушняка, которую Артык собрал для него, исполняя последнюю просьбу Султанова. Теперь вокруг в беспорядке валялось темное окровавленное тряпье, и, ужаснувшись, Артык прикрыл лицо руками.

Рашид с Виктором подошли к Атамураду:

— Что же теперь делать? Посмотрите, это мы нашли под камнем... рядом.

Атамурад взял в руки листок и будто услышал голос своего начальника, гордого, независимого Султанова: «Люди! — читал он тихо. — Зачем я поддался на уговоры злодея? Будь он проклят! Простите меня...» На этом записка, выведенная дрожащей рукой, обрывалась.

— Дайте ему! Пусть прочтет! — Атамурад еле сдерживал себя, чтобы не броситься на Артыка.

А тот по-прежнему неподвижно сидел, закрыв лицо руками, словно хотел спрятаться от гнева людского. И не нашлось у него мужества, чтобы взглянуть в глаза тех, кто спас его от верной гибели.

Зульхумор проснулась очень рано от нежного птичьего щебетанья. Рассвело, солнце поднималось, лучи его добрались до ее постели, приятно грели лежащую поверх одеяла руку. Пристроившись на подоконнике, пела ласточка, другая, словно ткацкий челнок, без усталости сновала взад-вперед. И каждый раз, видела Зульху-

мор, когда та подлетала к своему гнезду на чинаре под окном, шум в нем заметно усиливался. Девушка закрыла глаза, на миг представила себя в родном доме, в кишлаке и улыбнулась. Но как бы ни были теперь приятны белоснежная постель и тишина больничной палаты, ноги ее все еще дрожали, она не чувствовала себя сильной, словно после тяжелой, перенесенной недавно непонятной болезни.

Она повернулась на бок, увидела рядом пустые заправленные койки и только теперь вспомнила, что их поместили сюда, в сельскую больницу, еще вчера вечером: ее — в отдельную палату, остальных — в соседнюю. Теперь ей хотелось немедленно выйти отсюда, увидеть людей, которые за эту неделю стали ей ближе и дороже родных; но, едва приподнявшись на локте, она почувствовала вдруг, что силы оставляют ее, она не может даже спустить с кровати ноги, сунуть их в тапочки. С трудом, но она села. И тут же белые стены палаты, белый потолок замелькали и закружились, и Зульхумор, крепко схватившись за спинку кровати, снова закрыла глаза. Ее тут же обступили с трудом преодолеваемые заросли полыни, бесконечные песчаные барханы, липнущие друг к другу саксаулы, заросли тамариска... Сердце забило, как тогда, ночью, при встрече с волками. Она усилием воли широко открыла глаза, не в силах более выносить эти воспоминания.

И в этот момент открылась дверь. На пороге стоял Сабир. Вместе с ним ворвалась свежесть раннего утра.

— Сабир-ака! — Откуда только взялись силы, она подбежала к нему, остановившись: видела, тот не в силах оторвать взгляда от ее лица, похожего теперь на выжатый гранат, от ее покрасневших глаз, потрескавшихся губ. И чем больше он думал сейчас о том, что его любимая Зульхумор могла умереть страшной смертью там, в пустыне, какие испытания выпали ей, тем невыносимей становилось ему, тем труднее сдерживал он свои чувства. Ее Сабир! Он тоже выглядел уставшим, это сразу бросалось в глаза: она ведь еще не знает о том, что он почти не сомкнул глаз все эти последние дни и ночи, ища их, бороздя пустыню на своей машине.

Девушка первая нарушила молчание:

— Наконец-то! Я так рада, что вижу вас!

Приникнув головой к его груди, она плакала безудержно, безутешно. Но слезы ее, тихие и умиротворенные, были радостны. Сабир успокаивал Зульхумор, не-

жно гладил ее волосы, лоб, касаясь щекой ее щеки. Он чувствовал губами соленый привкус ее слез. И так они стояли, освещенные лучами восходящего солнца.

А в соседнюю комнату, где проснулись ее спутники, подобно вихрю, ворвался Мухамаджан-ака. И в палате тут же поднялся невообразимый шум. Атамурад и профессор по очереди обнимали его, крепко пожимали руки. Атамурад же все норовил оторвать его от пола. Профессор хлопал Мухамаджана-ака по плечу, благодарил, называл своим освободителем. И только Артык, которого за неимением в больнице свободной палаты поместили вместе со всеми, сидел, отвернувшись к окну, на своей кровати, ни на кого не глядя. Ни о чем не подозревающий Мухамаджан-ака, увидев Артыка, неожиданно спросил:

— Пойдите, пойдите!.. А где же организатор этого затянувшегося пиршества, товарищ Султанов?

В ответ никто не произнес ни слова.

— Артык-то здесь, я его сразу и не приметил, все отворачивается что-то! Здравствуй, Артык! — Он с распортерскими объятиями пошел к его кровати.

Но Артык неожиданно резко оборвал Мухамаджана:

— Что, думаете, я предатель? Да? Я, по-вашему, должен был остаться там и подышать вместе с ним? Да? Во всем виноваты вы сами, вы, вы, вы!.. — Он злобно глядел на ничего не понимающего Мухамаджана-ака. — Раньше, раньше надо было нас найти и сообщить на Большую землю! Эх вы, бестолочи!..

Все молча в недоумении смотрели на Артыка. Глаза его налились кровью, бесстрастно-холодные, они блестели нездоровым блеском. И вдруг он будто с цепи сорвался:

— Вам, наверное, хотелось, чтобы и я?.. Чтобы и меня, как Султанова... волки?.. Ну, уж дудки! В с х о т я т ж и т ь!..

Никто не ответил ему, но, наверное, подумали, не произнося вслух: «Конечно, жить-то хотят все. Но жить т а к...»

Артык сидел на кровати, отвернувшись к стене, и одно-единственное желание владело всем его существом: скорее бы уйти отсюда, чтобы не видеть этих людей. Ведь все они были с в и д е т е л я м и.